

Н. В. Пинегин

В ЛЕДЯНЫХ ПРОСТОРАХ

ЭКСПЕДИЦИЯ Г. Я. СЕДОВА

К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

(1912–1914)

ОГИ
МОСКВА
2009

УДК 910
ББК 26.89
П 32

Пинегин Н. В.

П 32 В ледяных просторах. Экспедиция Г. Я. Седова к Северному полюсу (1912–1914). / Н. В. Пинегин. — М.: ОГИ, 2009. — 304 с.

ISBN 978-5-94282-526-3

«В ледяных просторах» — книга выдающегося полярного ученого-исследователя, автора первого документального фильма об Арктике, Н. В. Пинегина (1883–1940), посвященная экспедиции на Северный полюс Г. Я. Седова, в состав которой входил и сам автор.

УДК 910
ББК 26.89

ISBN 978-5-94282-526-3

© ОГИ, 2009

Подписано в печать 08.09.2008. Гарнитура Петербург.
Формат 84x108 1/32 . Объем 9,5 печ. л.
Бумага LUX CREAM. Печать офсетная. Тираж 800 экз.
Заказ № 0827290.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Содержание

Введение	7
Глава первая	11
Глава вторая	20
Глава третья	38
Глава четвертая	44
Глава пятая	51
Глава шестая	62
Глава седьмая	72
Глава восьмая	91
Глава девятая	100
Глава десятая	115
Глава одиннадцатая	125
Глава двенадцатая	144

Глава тринадцатая	159
Глава четырнадцатая	171
Глава пятнадцатая	188
Глава шестнадцатая	198
Глава семнадцатая	211
Глава восемнадцатая	229
Глава девятнадцатая	239
Примечания	255
Приложение	
Айновы острова	
Из путевых воспоминаний о Севере	281
Из сказок Лапландского Севера	
Листки из записной книжки туриста	294

Введение

Девятого марта 1912 г. офицер Главного Гидрографического Управления Георгий Яковлевич Седов*¹ обратился к начальнику Управления с просьбой об отпуске со службы для достижения Северного полюса. В докладе, объясняющем намерение Седова, говорилось:

«Промысловые и научные интересы Северного Ледовитого океана начали привлекать к себе всеобщее внимание чуть ли не с X столетия. Первыми пионерами были в Северном Ледовитом океане промышленники, устремившиеся туда за богатой добычей морского зверя, а затем и путешественники с научной целью. Многие из путешественников плавали сюда для отыскания свободного морского пути на восток, многие для открытия новых земель и физического изучения вообще океана и, наконец, многие для открытия Северного полюса, чтоб разъяснить мировую загадку как со стороны научных полезнейших наблюдений, так и со стороны открытий. Человеческий ум до того был поглощен этой нелегкой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием; здесь помимо человеческого любопытства, главным руководящим стимулом еще безусловно являлись народная гордость и честь страны. В этом состязании участвовали почти все культурные страны, вклю-

---

*Сноски, обозначенные цифрами, см. в разделе примечаний в конце книги.

чительно до Японии (к Южному полюсу), и только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор. Амундсен желает во что бы то ни стало оставить за Норвегией честь открытия Северного полюса, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг».

По первоначальному плану Седова предполагалось выйти в Ледовитый океан из Архангельска около 1-го июля и, направившись к отдаленной Земле Франца-Иосифа, зимовать там во взятом с собой доме. Зимовку предполагалось использовать для исследования берегов земли Франца-Иосифа, ее климата, строения земных пород и для сбора коллекций по всем отраслям естествознания. Корабль должен был вернуться в Россию. К самому полюсу Седов намеревался отправиться по плавающему льду на собаках — тотчас же после окончания полярной ночи. Весь светлый промежуток года — от первых солнечных лучей в начале марта до первого сентября — должен быть использован для приближения к полюсу и на обратный путь к судну или северным берегам Гренландии.

Намерение Седова встретило сочувствие у некоторых богатых людей и части газет. Был образован комитет снаряжения экспедиции, поставивший целью путем сбора пожертвований добыть Седову необходимые средства. Несмотря на многочисленные препятствия² и задержки, благодаря исключительной энергии Седова снаряжение подвигалось вперед. В июле удалось нанять подходящее судно «Святой мученик Фока»³, а к началу августа закончить снабжение его всем необходимым для далекого плавания⁴. Когда за несколько дней до отъезда владелец судна шкипер Дикин отказался лично вести судно, Седов быстро нашел капитана, механика и команду. Отплытие было назначено на 14 августа 1912 г.⁵ В экспедиции приняли участие:

1) Георгий Яковлевич Седов, начальник экспедиции, гидрограф и картограф, член Географического и Астрономического Обществ и Общества Изучения Русского Севера. Родился в 1877 г.

2) Владимир Юлиевич Визе, географ, кандидат естественных наук, член Общества Изучения Русского Севера. Предпринимал многократные путешествия по северу России и по Лапландии. Во время экспедиции руководил метеорологическими работами. Родился в 1886 г.

3) Михаил Алексеевич Павлов, кандидат геологических наук, член Петроградского Общества Естествоиспытателей и Общества Изучения Русского Севера, до экспедиции неоднократно исследовал среднюю часть Лапландии. Родился в 1886 г.

4) Николай Васильевич Пинегин, художник, член Общества Изучения Русского Севера, путешествовал по северу России, совершил самостоятельные экспедиции в Лапландию и на Новую Землю. В экспедиции руководил фото-кинематографическими работами и во время отлучек Визе вел метеорологические работы. Родился в 1883 г.

5) Павел Григорьевич Кушаков, ветеринарный врач. В экспедиции был за врача и заведовал хозяйством⁶. Занимался также некоторыми биологическими работами. Родился в 1870 г.

6) Василий Васильевич Лебедев отправился простым матросом, впоследствии был боцманом экспедиции и старшим наблюдателем метеорологической станции. Родился в 1870 г.

7) Александр Иванович Пустошный, ученик архангельского лоцманского училища, отправился матросом, впоследствии был вторым наблюдателем метеорологической станции. Родился в 1893 г.

8) Григорий Григорьевич Линник, отправился матросом. Родился в 1887 г.

9) Платон Иванович Коноплев, отправился матросом. Родился в 1878 г.

10) Юган Томиссар, матрос Балтийского флота, родился в 1880 г.

11) Иосиф Александрович Кизино, буфетчик и заведующий кладовыми. Родился в 1881 г.

12) Андрей Иванович Инютин, плотник и каменщик. Родился в 1881 г.

13) Иван Григорьевич Пищухин, пекарь и повар. Родился в 1884 г.

Экипаж «Св. Фоки»

14) Николай Петрович Захаров, штурман дальнего плавания, капитан «Фоки».

15) Николай Максимович Сахаров, штурман каботажного плавания, помощник капитана, впоследствии капитан «Фоки».

16) Иван Андреевич Зандер, судовой механик, главный механик «Фоки».

17) Мартын Андреевич Зандер, помощник судового механика.

18) Николай Васильевич Коршунов, кочегар, впоследствии механик «Фоки».

19) Николаи Кузнецов, кочегар.

20) Михаил Шестаков, матрос.

21) Василий Катарин, матрос.

22) Михаил Карзин, судовой плотник.

Глава первая

Нам ветер бездомный шепнул в тишине,
Что сбудутся наши надежды:
Для нового солнца в далекой стране,
Проснувшись, откроем мы вежды.

Бальмонт

Ранним утром четырнадцатого августа я подходил из города к пристани. В порту кипела обыкновенная суета трудового дня. «Святой Фока» стоял у пристани дальнего плавания. На бледном осеннем небе — его высокие, стройные мачты, расцвеченные праздничными флагами. На пристани — группы любопытных, привлеченных лаем и воем восьмидесяти собак на палубе и в клетках. Дымится труба. — Так неужели же все нити окончательно отрезаны, а этот громоздкий в порту, как богатырь-степняк в горнице, — «Фока» унесет нас в царство Белого?

Да, мы уезжаем. Корабль готов к отплытию. И вместе вот с этим берегом оторвется вся прежняя жизнь, родина и все, с чем до слияния сжился.

К двенадцати часам набережную запрудила толпа. Архангелогородцы устроили экспедиции торжественные проводы — с речами и музыкой. Трещал кинематограф, щелкали без конца затворы кодаков, бегали суетливые фотографы, лились речи и пожелания со всех сторон. Только около трех часов отвалил «Фока» от пристани.

Много раз потом в тесной, еле освещенной каюте вспоминалось это прелестное августовское утро, яркость и пестрота

одежд на берегу, тысячи блестящих глаз, лес трепещущих рук со шляпами, платками и зонтиками — вся толпа на фоне чуть желтеющих деревьев сквера и золотых церковных глав, могучая Двина, пестрые группы людей по ее берегам, флотилии катеров, лодок и моторов, как стая мошек вокруг «Фоки» носившихся, какое-то поморское судно, усердно салютовавшее из своей пушчонки до тех пор, пока она не разорвалась — вся пестрота и жизнь. Мы плыли вдоль низменных берегов с редкими строениями и лесопильными заводами, а с берегов все еще приветы! За последним пригородом — кучка ребят — они так старательно кричали нам, махая чем-то похожим на простыню. Седов ответил им гудком. Какой восторг для всей этой детворы!

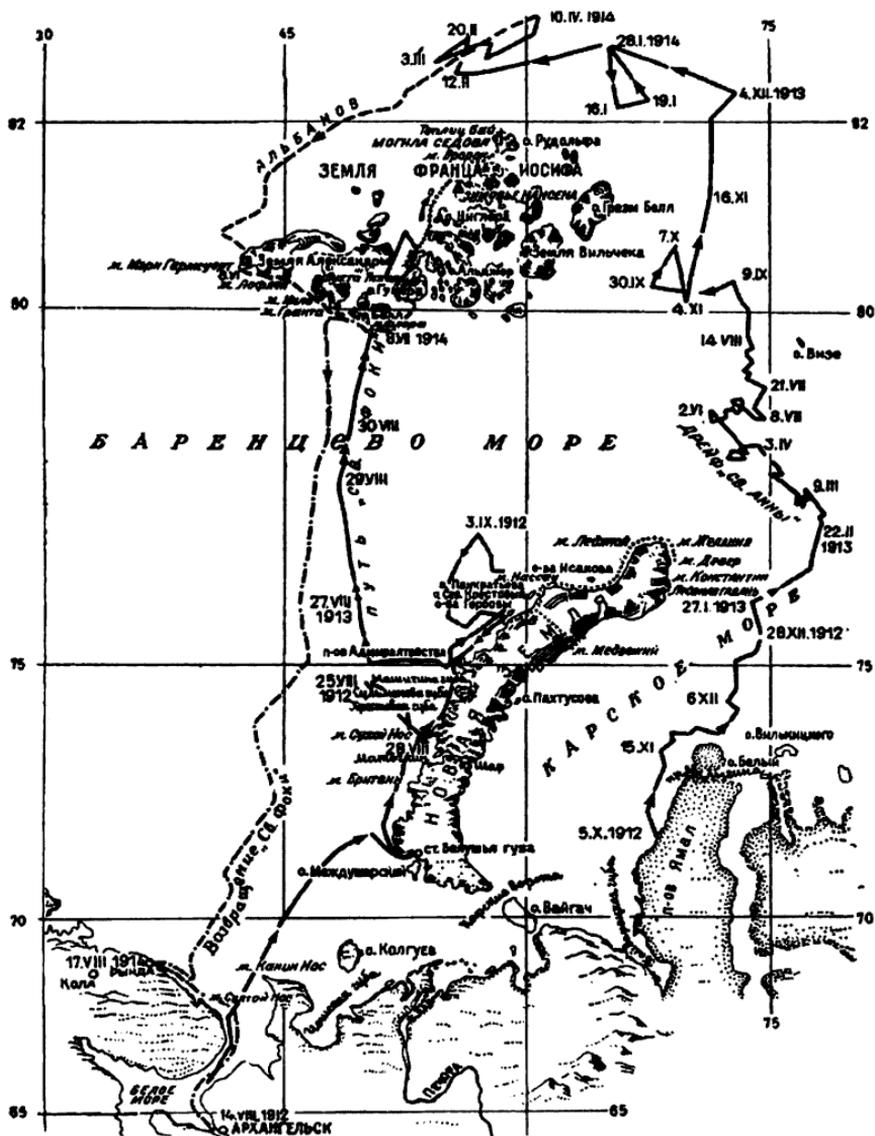
В устье Северной Двины, после бара — мелкого места при впадении реки в море, наш корабль остановился для догрузки. Полный груз «Фока» не мог взять в Архангельске — корабль не прошел бы по мелким местам.

К утру пятнадцатого — все было готово. Вот и долго откладывавшийся момент прощания с близкими. Уходят пароход и баржи, привезшие груз. Провожавшие нас уезжают. Мы остаемся одни. Вот последняя нить — и та перерезана! Смотрит в море тучный механик, и не оглядывается. Причитает на палубе отвалившегося парохода жена матроса, а тот нахмурил брови, не смотрит, — сосредоточенно тянет какую-то снасть. Преувеличенно громким голосом отдает приказание поднять якорь и быстро уходит в каюту Седов. Начинаем медленно двигаться на север.

Белое море тихое, как озеро, ласково встретило «Фоку». Скоро уплыли назад мысы двинского устья, от них только марево* осталось. Тихо всплескивалась играющая рыба. Как застыли — треугольные копия — паруса поморских судов. Тихо. Мы плыли медленно: без парусов, скорость «Фоки» всего четыре мили в час.

---

* Марево (рефракция) — атмосферическое явление, часто наблюдаемое в море; отдаленные предметы кажутся приподнятыми и как бы отделенными от горизонта. Марево вызывается преломлением световых лучей в нижних слоях воздуха.

Обзорная карта плавания экспедиции Седова 1912—1914 г.
и дрейфа «Св. Анны»

Только сутки длилась тихая погода. 17-го, едва мы вошли в узкое место, «горло» Белого моря, подул навстречу свежий северный ветер. Мы быстро poznали истину: с четырьмя узлами* хода «Фоке» трудно бороться с противными ветрами. Наш корабль сразу потерял ход и даже перестал слушаться руля.

Горло Белого моря имеет заслуженно худую славу среди страдающих морской болезнью. Даже в тихую погоду здесь вечная толчея волн — «сувой» называют поморы зыбь, образующуюся от встречи различных течений. «Фоку» этим «сувоем» швыряло как щепку в пучине водопада, — хорошее испытание для некоторых новых моряков на «Фоке»!

Этот день принес целую кучу неприятностей. Для парохода, нагруженного нормально, качка в горле Белого моря, конечно, не представляет никакой опасности. Но для «Фоки», перегруженного сверх всякой меры — с грудами бревен, собачьих клеток и ящиков на палубе, перескакивание волн через нее — совсем не безразлично. — Так торопимся на север, а ветер во второй же день гонит нас обратно, — жаловались мы все! Ветер крепчал. По мере усиления его, пришлось убрать все паруса, немного помогавшие ходу и сдерживавшие качку.

С одним штормовым стакселем мы пытались ломаными курсами двигаться вперед, но скоро поняли, что вместо бесполезной траты угля следует подумать — нет ли поблизости места, где можно переждать начавшийся шторм. Мы укрылись в первом попавшемся заливчике под «Тремя Островами».

Мы-то мечтали: скоро увидим Землю Франца-Иосифа, поставим свой корабль у ее белых берегов, а вместо того — стоянка где-то в Белом море! Вместо открытия новых земель открытие все новых неприятностей: там — сильные удары волн повыбивали конопатку из борта, тут разбилась бочка машинного масла; засорилась паровая помпа, и в трюме сразу скопилось на 40 дюймов воды, — надо откачивать ручны-

---

* Морской узел — мера скорости корабля, соответствует морской миле. Миля = 1,8 километра.

ми насосами, чтоб не залило топки и не потопило бы вконец механиков.

Стоянка у Трех Островов беспокойна. Едва ветер немного потих, Седов счел за лучшее перейти к Городецкому маяку и уже там заняться чисткой помп и врачеванием иных недугов «Фоки».

Со штопаньем прорех мы покончили только девятнадцатого и в 7 часов вечера покинули последний родной берег.

Уходили уже в сгущающейся мгле. Неожиданно ее прорезала яркая вспышка. То был последний привет с родины. Военно-гидрографическое судно «Соломбала» подходило к маяку, оттуда донесся гулом по морю пушечный салют, взлетели к небу ракеты. Луч прожектора как солнцем залил паруса «Фоки», и замигал сигнальный фонарь: «Счастливого плавания и достижений».

А «Фока» забирал ветер в паруса и, лениво пересаживаясь с бочка на бочка, весело постукивал машиной. Гасли огни «Соломбалы», только маяк каждые две секунды приподнимал еще свое ленивое веко. Погас и он. Одно широкое море лежало пред нами.

Однообразно океанское плавание. Все три дня — до Новой Земли ровно тянул попутный зюйд-вест, ясная погода стояла постоянно. Волнения сумбурных месяцев и дней перед отъездом как-то удивительно быстро отошли назад, — все казалось далеко ушедшим, так давно прожитым после двух-трех дней созерцания одного только моря да неба. Зайдя в каюты, можно подумать: эти люди наладили свой обиход, они совершают давно начатое путешествие. Только палуба никак не принимала облика обыкновенного парусного судна. Бревна построек, собачьи клетки по бортам, на спардэке* в художественном беспорядке нарты**,

---

* Спардэк — палуба над кормовой рубкой.

** Нарты — северные сани, приспособленные для езды без дорог. Мы взяли с собой норвежские нарты — такие же употреблял Нансен в его путешествии. Их широкие, как лыжи, полозья не позволяют нарте провалиться в снег. Нарта гибка и очень прочна: ее отдельные части скреплены не гвоздями, а проволокой и прочными сыромятными ремнями.

каяки*, лыжи и ящики с метеорологическими будками, — все это перепутано тросами** и стянуто цепями. Штурман окрестил «Фоку» Ноевым ковчегом. Он неодобрительно покачивал головой и ворчал: «Разве такой бывает палуба «честного» парусного судна? — Суший Ноев ковчег, да и пассажиров то — двенадцать пар чистых и сорок нечистых».

В моем дневнике не отмечено никаких событий за все время перехода до Новой Земли. Кроме личных и рабочих замечаний, описаний таких происшествий, как драки собак в клетках, я ничего бы не мог перенести на эти страницы. Ограничусь несколькими пейзажными страницами.

«21 августа. 70° северной широты и 45° восточной долготы.

Прелестный ясный день. Ждали, что ветер будет крепчать: закат вчера горел багрово-красными тонами. Не сбылось — утром и днем чистое небо. Сейчас плывет по небу полная луна и отражается играющий столбом в тяжелых, словно масляных волнах. Я — на вахте с 8 часов вечера. Ширь океана, над головой нежные просветы неба, оно же отражается и в густо-синем море. Хорошо стоять на мостике в такую погоду и пить всей грудью бодрящий холодноватый воздух. На широком горизонте, кроме ряби моря, — ничего. Разве тучка-туман, вздумав отдохнуть на груди океана, застелет часть горизонта. Проходим влажное объятие, и снова пред глазами простор. Третий день в море — и хоть бы один парус или дымок. — Ничего.

Каждую четверть часа делаем промеры глубинным лотом Клаузена, каждый час определяем соленость морской

---

* Каяк — эскимосская легкая лодочка из тюленьей шкуры. Каяки, взятые нами, были заказаны в Норвегии по образцу нансеновских — из плотного, проваренного в парафине брезента. Весь каяк весил 18 1/2 килограммов.

** Крепкие канаты. На корабле каждый предмет носит собственное название, часто совсем иное, чем на берегу. Можно низко упасть в глазах моряка, назвав, например, какую-нибудь снасть веревкой. В лучшем случае вам скажут, что на корабле веревок нет, кроме только укупорки вашего чемодана, а есть линии, тросы, фалы, снасти, шкерты, концы.

воды, ее температуру и через четыре часа производим полную серию метеорологических* наблюдений. Все это заносится в журнал плавания вместе со всем заслуживающим внимания. Так, сегодня отмечено появление большого количества плавающих птиц. Чайки и раньше шныряли вокруг корабля, но с утра видим много других: гаг-самцов (*Somateria molissima*), чистиков (*Alca torda*), гагар и гагарок (*Uria troille*). Пролетела стайка куличков-побережников. Видя столько птиц, мы предполагали, — не приблизились ли к ближайшей земле — Канину Носу? Но, по полуденным наблюдениям, оказалось, что берег далек от нас: никак не ближе 80 миль.

22 августа. С вечера барометр стал сильно падать; однако, погода не переменялась — утро сегодняшнего дня такое же чистое и спокойное.

По всему видно, начинаем забираться в холодные страны; при том же самом ветре, воздух значительно холоднее, все чаще пересекаем полосы тумана. Со вчерашнего дня продвинулись на север больше градуса широты.

23 августа. Сегодня я стоял «собаку»**. Погода резко изменилась. Крепко дует встречный пронзительный ветер с В.-С.-В., снег и крупа. Подвигались вперед очень медленно. С 12 до 3-х — прошли не больше мили. В 3 часа, когда ветер еще покрепчал, я разбудил Седова. Он изменил курс, направив «Фоку» прямо к берегу Новой Земли, которая, по нашему счислению, должна быть очень близка. В самом деле, через полчаса открылись очертания нехарактерных гор, — острые хребты с косыми полосами снега от вершин. Угрюмый вид! Иногда самая земля сливалась с небом. Снежные полосы на горах тогда казались ребрами какого-то исполинского допотопного зверя.

Встречный ветер между тем усилился до степени шторма. Мы неслись куда угодно, только не на север. Седов, боясь потери драгоценного времени и угля, не захотел упорствовать, а счел за лучшее переждать неблагоприятную погоду в одной

---

* Наблюдения над состоянием воздуха.

** Моряки называют «собакой» вахту с 12 час. ночи до 4-х утра.

из бухт Новой Земли. Однако, до самой Белушьей губы не нашлось среди этих суровых берегов ни одного изгиба, который мог бы счесться безопасной стоянкой. Под вечер мы были в глубине Белушьей губы, против самоедского становища. В шлюпку, отправившуюся на берег, набралось много охотников осмотреть становище: никто из нас, исключая Седова, не бывал еще в этой части Новой Земли.

Становище стояло без хозяев — все уехали на промысел гольца* в соседнюю губу. В бревенчатом доме мы нашли только одного самоеда с женой и несколькими невероятно грязными ребятишками. Этот охотник только что приехал из Архангельска на пароходе, приходившем сюда за грузом медной руды. Он дожидался земляков, чтобы вместе отправиться на промысел в Пуховую губу.

В избе — обычная самоедская грязь и примечательная смесь новинок культуры с первобытнейшим варварством. На столе рядом с тюленьими пимами** блестящий никелированный самовар; тут же убитые утки, связка баранок, кучка маузеровских патронов и весло. На полу рядом с граммофоном, пренебрегая стулом, сидит самоедка в панице*** и сует грудь грязному, как сама грязь, самоеденку. В жилище неопишимо тяжелый запах, но среди живописного хаоса на полу красуется... непочатый флакон одеколона.

После недолгого разговора о промысле и оленях мы вышли осмотреть окрестности становища. Пустынная голая земля. Низкие части — без снега, но у берегов и в горных ущельях снег не сошел. Около становища несколько «остаточных», «реликтовых» озер, обращающих на себя внимание исследователя. Трудно найти в другом месте столь наглядный пример образования озер такого рода. Самый залив Белушьей губы отделен от моря валами щебня. Они похожи на искусственные плотины, на самом же деле валы образованы морским прибоем во время страшных осенних бурь. Кое-где вода из залива попадает еще в протоки валов, в некоторые озерки

---

* Голец — род семги без чешуи (*Salmo alpinus*).

** Самоедская обувь.

*** Женская одежда из оленьего меха.

она переливается через валы во время приливов, и есть пространства воды, отделенные от моря совершенно. Дальше от берега лежат такие же озера, но уровень воды в них значительно выше уровня моря. Становится очевидным медленное поднятие всего берега Новой Земли.

Мы переходили с озера на озеро и пробовали свои новые ружья, стреляя в бесчисленные стайки куличков-побережников и по пролетавшим уткам. Вернулись на корабль к четырем часам утра, пройдя всю здесь еще светлую ночь.

24 августа. К утру заштило, разошлись облака, ветер затем переменялся на попутный В.-Ю.-В. В полдень, когда я проснулся, мы шли под всеми парусами в виду Новой Земли».

Глава вторая

Там мерзлыми шумит крилами
Отец густых снегов Борей
И отворяет ход меж льдами...

Ломоносов

Под вечер 24 августа мы обратили внимание на странное облачко, неподвижно висевшее на одной из белых вершин в горной цепи Новой Земли. Темнело. Облачко по-прежнему висело на месте. Уходя с вахты, Седов отдал приказание приготовиться к перемене погоды и крепче задрать люки: он знал, что предвещает появление таких облаков.

В следующее утро начался «восток». Вчерашнее облачко было первым предвестником. Всем бывшим на Новой Земле хорошо знаком этот похожий на новороссийскую «бору» беспощадный ветер, — он переносит камни по воздуху и рвет все встречающееся на его пути. Правда, летом «восток» не так свиреп, но ясно: нам предстояла хорошая трепка.

Как всегда при «востоке», небо было безоблачно, только по вершинам гор, как неподвижные лоскутки ваты, повисли язычками облака. Море уже закипало, подымались вихри водяной пыли, и скользили над самой водой откуда-то внезапно появившиеся буреветники. Волнения еще не было. Вышедший на мостик Седов сделался сразу серьезным и приказал убрать все верхние паруса. Ветер свирепел с каждой минутой. Через час невысокие, но частые волны неожиданно слизнули одну из шлюпок и заодно разбили собачью

клетку па палубе. Одна собака погибла. До поры до времени «всток» был попутным для нас. Правда, после часу дня он сорвал передний кливер, немного позже оборвал фал (бизань-паруса)⁷, но особо страшного еще не было. Мы неслись 11-узловым ходом.

К ночи «всток» дошел до степени бури. Барометр быстро падал. Как бешеное, несло наше судно куда-то на север. Буря отрывала корабль от берегов Новой Земли на простор крупной океанской волны, столь опасной в нашем положении. О правильном курсе не могло быть и речи: мы просто держали круто к ветру — в «фордевинд». Оставшиеся два паруса наполнялись ветром до чрезвычайности. Казалось, достаточно бы коснуться толстой брезентовой ткани, чтоб она лопнула, как надутый газом шар.

Жутка буря в этом далеком, пустынном море. Небо затянулось, лишь только удалились мы от берегов, тяжелые низкие облака побежали студенистыми обрывками. Море вспенено зеленой мутью, волны не успевают ронять белых верхушек, ветер рвет их и несет брызгами и пылью. Эта водяная пыль хлещет злым горизонтальным дождем, слепит глаза и туманит горизонт. Удары волн, какое-то шипение, разногolosый плач снастей, унылый визг в вантах*, скрипение и треск в остане корабля. Вечером легли в дрейф. Поздней ночью Седов сошел с мостика, оставив там капитана. Я после двойной вахты — пришлось заменить Кушакова, лежавшего в припадке морской болезни, — спустился в каюту взять папирос. Прислушиваясь к вою ветра в снастях, к ударам волн и звону посуды в буфете рядом, я незаметно задремал. Не успели глаза закрыться вполне, ужасный размах судна повалил меня. Грохот раздался под самым ухом — что-то тяжелое било в борт.

— Что случилось? — спросил я, вбежав на мостик, у рулевого Лебедева, но еще до ответа увидел, что шлюпка, заваленная на шлюпбалках** спардэка выше шести метров от ватер-линии, сорвана, поковеркана, и, повиснув на ободранной железной обшивке киля, бьется о корму «Фоки».

---

* Ванты — боковые снасти, поддерживающие мачты.

** Железные балки, на которые шлюпки поднимаются с воды.

— Подошла громадная волна, — сказал, отплеываясь, Лебедев, — накрыла с верхом мостик. Меня оторвала от рулевого колеса — еле уцепился у самого борта.

— Где же капитан?

— Они еще раньше сошли к себе в каюту.

— А шлюпка?

— Какая?

Только тут Лебедев заметил, что шлюпки нет. Остановили машину и очистили борт.

Берег был далеко. Буря, почти ураган, свирепствовала, не ослабевая. По счислению, мы находились на широте 75-го градуса. Боясь встречи с какой-нибудь бродячей льдиной, Седов изменил курс — мы понеслись на юго-восток.

Ночью буря не утихла. Когда начался рассвет, оказалось, что мы опять приблизились к Новой Земле. Направились под берег — было необходимо укрыться. В трюме опять не все благополучно; выскочили какие-то крепления груза, он потерял неподвижность, внутри корпуса что-то било в борта. Помпы опять засорились, и вода в трюме стояла высоко. Волны грозили разломать баркас на палубе.

В это время «Фока» находился вблизи Сухого Носа. Этот мыс длинной саблей выдвигается в море и окружен рифами. Чтоб добраться до берега при этом ветре, необходимо или пройти вблизи самого мыса, или же совсем упустить случай скрыться от бури. Только в те недолгие минуты, когда «Фока» пролетал в полветра около самых подводных скал — они были всего в какой-нибудь сотне метров от нас — я понял, чем мы рисковали в случае ошибки рулевого. Невидные раньше скалы открылись совсем близко. Тут и там, отражая свинцовым блеском сизое небо, из глубины моря выныривали темные каменные чудовища, но только на мгновение. Потом море смыкалось, и белые, пенные столбы взлетали и рассыпались. Казалось, там, в глубине моря рвались мины неизмеримой силы. Опять мелькали блестящие лбы скал и снова горы пены закрывали их. Рев и звуки, похожие на пушечные выстрелы, заглушали шум бури.

Седов стоял у штурвала, впившись глазами в скалы. Знаками показывая рулевому курс, он сам задерживал ручку румпеля.

— Право. Еще право! Так держать.

— Стоп!

Бросили два якоря. «Фока», закрытый от ветра берегом, был почти в безопасности. Я спрашивал впоследствии Седова, как решился он пройти столь близко от рифов. Он объяснил риск необходимостью пройти вплотную, — иначе со слабой машиной «Фоке» ни к берегу не пройти, ни выйти в море парусами. Пришлось бы бросить якорь в глубоком месте. А при таком ветре стоянка кончилась бы крушением — «Фоку» выбросило бы на берег. Седов считал, что идти мимо подводных камней в бурю безопасней, чем в тихую погоду: буруны показывают во время бури все места, где находятся подводные камни. Пользуясь этим признаком, Седов во время своих гидрографических исследований находил подводные камни там, где его предшественники показывали безопасный фарватер.

У Сухого Носа мы простояли около суток. 28-го ветер потих, и при продолжающемся легком «встоке» мы вышли из невольной гавани. Седов решил зайти в Крестовую губу, возобновить там запас пресной воды и послать почту в Россию: в этот отдаленнейший уголок России на 74-м градусе приходит два раза в год пароход.

Берега Новой Земли севернее Маточкина Шара чаруют суровой красотой; одним из самых ярких зрительных впечатлений дарит Крестовая губа.

Позади — океан, еще сердито ворчащий. На берегу — споконные величественные цепи остроконечных гор в белых одеждах, прорезанных блеском изумрудных ледников. В глубине залива горы сдвинулись теснее, а седловину самой высокой занял ледник, разлившийся на несколько потоков. Один, похожий на гигантский голубой язык, блестит на снежной белизне, как сапфир.

Первую остановку мы сделали у места, где было становище Седова в 1910 г., близ креста, показывающего место астрономического пункта. Седов не хотел упустить возможность сверить наши хронометры, опасаясь, что длительная качка могла повлиять на правильность хода.

Пока производилась сверка хронометров, несколько челоек отправились сухим путем в колонию Крестовой губы.

Я прожил в Крестовой губе все лето 1910 г. Тогда правительство, желая закрепить за Россией право на северный остров Новой Земли, без всяких оснований оспариваемое Норвегией, решило субсидировать желающих поселиться здесь с целью промысла. На первое время выразили желание переселиться несколько крестьян Шенкурского уезда, уже зимовавшие раньше на Новой Земле. В тот же год для колонистов и их семей был построен жилой дом и амбар.

Картина полной зимы предстала пред нами, едва мы съехали на берег. Все семь километров до колонии мы брели по колено в снегу, часто проваливаясь в глубокие сугробы. Я вел спутников хорошо знакомыми местами. Последний пустынный пригорок, и после безжизненной степи открылось становище. Оно сильно изменилось за два года. Вместо сиротливо стоявшего большого дома — что-то похожее на хутор, колонию. Два больших дома, баня, службы, амбары, метеорологическая будка, часовня. На берегу шлюпки, карбасы*, «стрельные лодочки»**, хаос бочек, сетей, весел и дров вперемежку с обглоданными остовами тюленей — «рауком».

На оглушительный лай собак вышли колонисты Усов и Долгобородов — мои старые знакомые. В колонии из первоначального состава осталось только три семьи. В первую же зимовку становище посетила цинга, унесла двух жен поселенцев и двух детей. Спешно выстроенный дом был почти непригоден для жилья; несчастные охотники согревались и спали в палатке, поставленной посреди высокой комнаты с громадными окнами, какую и в более южных местностях нелегко натопить.

Чиновники, затеявшие колонию, поняли, что дело колонизации насаждать не так просто, как написать докладную записку. Кое-что было исправлено, выстроили новый дом, отнеслись тщательнее к выбору провизии, — вторая зимовка прошла более благополучно. Но... колония выглядит хилой: вот-вот распадется, или же русских заменят самоеды.

---

* Карбасами в Архангельском крае называют дощатые лодки.

** Стрельная лодочка — промысловая переносная, из долбленного дерева лодка для охоты на тюленей.

Колонисты жалуются на случайный выбор места становища. Оно удалено от открытого моря на 16 километров и на столько же от реки, где ловится голец. Даже тюлени держатся вблизи противоположного берега губы в шести километрах. Тот берег богаче рыбой. Медведи не заходят в глубину губы. Те, которых удалось добыть, все застрелены на входном мысе Прокофьева. Колонисты поставили там промысловую избушку. Но медведей часто не бывает месяцами. Время, уходящее бы в становище на работу, тратится непроизводительно. Часто, возвращаясь с пустыми руками, переселенцы проклинали администрацию, взявшую их в кабалу, запутавшую постройкой двух домов в неоплатный долг, и поминали родителей чиновников, отказывающихся полноценно снабжать продуктами под предлогом величины долга.

Мы сидели в комнате Усова и выслушивали все это.

В комнатах обиходно и чисто. В чистоте половиков, в уюте, напоминающем убранство горниц на родине колонистов, в Архангельской губернии, видна женская опрятная рука. На окнах занавеси, прибрана посуда в шкафу. На столе граммофон. Пред нами угощение: чай и шанежки.

— Уж не обессудьте, угощенья-то нет у нас — перед парходом все вышло. Да и промыслы плохие, мало чего и выписывали, — извиняется хозяйка.

— Как наш брат живет, — подхватывает Усов, — есть промысел — есть и закуска, а нет — раук жрем.

Спустя час подошел к становищу «Фока». При постановке на якорь ветер привалил его к мели. Бедному «Фоке» не везет. Тем не менее, он приобрел горячих поклонников. Появилась даже «ода Фоке» — правда, содержания полуиронического:

Говорили, «Фока» плох,
Выйди в море, скажешь — ох!
Не корабль — просто корзина,
Вместо дуба гниль, резина.
Но скажу теперь врагам,
Ненавистным дуракам:

«Фока, мученик святой»
С гордо поднятой кормой
Крепок! Мчится в ураганы,
Ходит в льды и океаны,
Не боится ничего...

Вечером все колонисты приехали на «Фоку» «отгостить». Мы постарались гостеприимнее встретить «самых северных людей России». Достали все, что имелось под руками вкусно-го, и поднесли, конечно, водочки. Даже дамы, жены колонистов, пригубили красного винца. Граммофон, не переставая, играл самые веселые номера. Гости с особенным любопытством рассматривали наше снаряжение: одежду, спальные мешки, оружие, нарты и каяки. Все это интересовало их как предметы обихода, которые могли бы иметь и колонисты, но не имели. Особенное впечатление произвела на наших гостей легкая провизия в виде галет, пеммикана*, мясного шоколада, сухого молока. В особенности дивились гости, когда мы объяснили, что с 12-ю килограммами такого провианта человек может прожить в пустыне целый месяц.

В этот вечер Усов очень просил Седова взять его матросом или погонщиком собак. При всей очевидности пользы для экспедиции от человека, закаленного в полярных невзгодах, Седов вынужден был отказать: Усов — староста поселка, — его энергией только и держится все не на месте поставленное становище.

На следующий день при помощи колонистов мы снялись с мели, а еще через день наполнили водой цистерны и ссадили на берег ненужных людей⁸.

Мы были уже в полярной стране. Стоял еще август, а не похоже было, чтоб теплые дни могли возвратиться. Только крупные камни остались незанесенными снегом. Птицы летели на юг. Береговой припай нарастал. Нужно очень поторавливаться, если хочешь достичь еще далекой цели. Мы же идем

---

* Пеммикан — сушеное мясо с примесью сала (иногда и коринки). Мы имели сушеное мясо без жиру (препарат Скорикова) в виде кусочков и порошка.

слишком медленно, а непогоды поздней осени с каждым лишним днем все больше и больше тормозят движение «Фоки».

30 августа, распрощавшись с последним населенным клочком земли, поплыли дальше. Едва мы вышли, утихшая было буря взревела вновь: не успели даже выйти из губы. Пришлось укрыться под островом Врангеля.

Летом на этом островке водится много птиц. Но в то позднее время птицы уже улетели. Наша охотничья шлюпка вернулась ни с чем. Одни чайки-клуши, подобно белым призракам, скользили над темной водой.

31 августа ветер ослабел. Ранним утром мы покинули скучную стоянку и, обогнув мыс Прокофьева, мимо пояса кипящих бурунов поплыли на север вдоль Новой Земли.

Панорамы одна другой сказочнее открываются перед путешественником, попавшим в эти места. На первом плане он видит кружево прибоя мятущихся океанских волн. Тут все кипит и клокочет. Берег — черные шиферные или диабазовые скалы, — вы вспоминаете картину Беклина — «Остров Мертвых» — как будто оттуда сошли эти скалы. Здесь опасные места для морехода. Он старается обогнуть их подальше. Но не прибрежные скалы останавливают взгляд, не страсть и борьба волн с камнем, а покой, какой-то неземной покой там, дальше скал, где строгой линией гор оволнилось небо, где бело-матовая, девственная чистота горной цепи прорезана только фиолетовыми скосами и застывшими реками голубых ледников. Туда тянется глаз и следит, как меняется панорама, как в нежном сумраке вечера-дня выделяется в подчеркнутой морем белизне вся вставшая из него земля, как за новым поворотом, из-за мыса выплывает новая страна и чудится, — вы у входа в новое царство и скоро, скоро будете у алтаря красоты, досказанной до конца.

Это чувство сказочной недосказанности не покидает даже в то время, как, забыв о красоте, вы следите за усилением оледенения этих земель по направлению к северу.

Соседняя с Крестовой — Сульменева губа. В северной части ее находится первый ледник, достигающий моря, первый «полярный ледник». Далее к северу все более значительные пространства заливов заняты рваными стенами

льда таких полярных ледников. Мысы и прибрежные горы высятся отдельными отграниченными громадами; горные же цепи в глубине острова рисуются мягкой, волнистой линией с редкими нарушениями ее какой-нибудь высокой горой, подобной гигантской сахарной голове. Еще дальше к северу эта волнистая линия становится все покойнее, глаже, изгибы ее плавней.

Около полуострова Адмиралтейства туман скрыл от нас берег. Мы увидели его, только пройдя остров Вильяма. На этой широте внутренняя горная цепь Новой Земли кажется плоскогорьем, занесенным снегом. Это плоскогорье не земля, а могучий ледяной покров, землей овладевший, облегший все горы ее, мощный, всепогребающий.

Вы следите за усиливающимся оледенением, и жуткое чувство овладевает душой. Вспоминаете ледниковый период: вот он здесь пред глазами. Так много веков назад, когда на двинулись со скандинавской возвышенности на Европу льды, — так должна была выглядеть вся северная Россия. Вы двигаетесь дальше к северу, и кажется, что здесь победительница *смерть*, — она торжествующим объятьем захватывает все больше и больше земли. Но это не так.

Новая Земля не оледеневает, а освобождается от льда. Фиорд Крестовой губы совсем недавно освободился. Там все берега покрыты совсем свежими ледниковыми шрамами, наблюдатель на каждом шагу находит свежие русла глетчеров, недавно отступивших. Геолог Русанов в 1910 году нашел там два ископаемых ледника; я на следующий год отыскал еще один совсем неподалеку от колонии. Все эти признаки указывают, что процесс отступления ледников здесь, на западном побережье, в полном ходу. Когда рассматриваешь прекрасные ледяные панорамы с палубы судна, мысль невольно переносится в недавнее прошлое Европы, а взгляд ищет близ ледяных откосов первобытного человека, нашего предка, — среди такого пейзажа жил родоначальник Европы.

Утром 1-го сентября встретились льды и отвлекли внимание от прекрасных панорам. Некоторые признаки еще накануне указывали на близость плавучего льда: частые полосы

тумана, большое количество кайр-пискунов (*Uria mandti*), эскадры синих айсбергов⁹, откуда-то взявшихся, и резкое падение температуры воды. Ранним утром небо на севере забелело. К полудню, близ острова Вильяма, «Фока» пересек полосу мелкого разносного льда. От острова Вильяма до Горбовых островов тянулся свободный фарватер, — мы без задержек подошли к Северному Крестовому острову, пустынному и низменному. На высшей точке его — крест. И здесь кто-то исполнил древний обычай русского Севера ставить кресты на приметных местах, вместо мореходного знака или в память спасения от какой-нибудь беды. Какой горемыка зимовал на этой мерзлой земле? Крест очень ветх, поставлен, наверное, во времена Вольного Новгорода его смелыми гражданами. Они одни в те времена промышляли у ими же открытой Новой Земли задолго до посещения ее Баренцем¹⁰ в 1595 году. Баренц назвал этот остров Крестовым: очевидно, крест стоял уже в его время.

За островом открытая вода кончалась. С наблюдательной бочки на мачте виднелся один лед без конца. Только самый берег Новой Земли окаймлялся узкой полоской. Куда идти? По этому каналу на север или же на запад, огибая льды?

Большинство плававших к Земле Франца-Иосифа не рекомендуют путь вблизи Новой Земли: все они находили более проходимый лед значительно западнее около 45—46-го градуса в. д. — Седов решил попытаться — не будет ли в самом деле состояние льдов более благоприятным на западе. Вот что занесено в мой дневник, утром 2-го сентября:

«Мы во льдах. Весь вчерашний день шли «о кромку льда» прямо на запад. Ночью эта самая «кромка» стала очень круто и неприятно заворачивать на юг. Седов вошел в лед, чтоб «не попасть в Архангельск». Повернули на север. До сегодняшнего утра двигались знатно. Лед «парусный», легко проходимый. Паруса не роняем и режем тонкие пластины фиордово-го льда, как корку зрелого арбуза.

Рассвет застал нас далеко от чистого моря.

Утром уже во льдах прошли полосу воды прекрасного синего цвета. Такие же струи встречались нам несколько раз у

Новой Земли — они так не походят на обыкновенную мутно-зеленую окраску здешнего моря. Имеем полное основание думать, что эти густо-синие воды — струи дальних ветвей Гольфстрима, хотя их местонахождение совершенно не согласуется с картой течений, изданной по работам Мурманской научно-промысловой экспедиции. Впрочем, несоответствие объясняется вполне, если вспомнить о первопричине течений: ведь они возникают и поддерживаются давлением господствующих в какой-нибудь области ветров. Бывает, течения отклоняются от обычного русла при сменах воздушных течений. А если даже ствол гнется ветром, то что можно ожидать от этих дальних, слабых ветвей¹¹.

Вечером. Идем узкими каналами. Если смотреть на лед с мостика, кажется, будто кто-то начеркал чернилами линии по всем направлениям и понаставил клякс на перекрестках. Линии — это каналы, а кляксы чернильной воды — полыньи. Из наблюдательной бочки — белая площадь расширяется, но получает еще больше сходства с исчерканной бумагой.

Вид пути мало утешителен: на севере и востоке одинаково светлое «ледяное небо»*, а на западе и северо-западе — малые клочки синих пятен — «водяного неба» — отражения далеких полыней и каналов.

Надежды увидеть Землю Франца-Иосифа через несколько дней начинают таять: виды на достижение ее вообще тоже не блестящи. Но падать духом еще рано. Пусть никто не достигал Земли Франца-Иосифа в сентябре, пусть Гайер на «Тегетгофе»¹² вмерз в лед в это же самое время, — пока пред нами разбитый лед, нужно пробиваться до крайности.

Фока извивается ужом, проползая в самые узкие каналы и щели; поворачивается сразу на 180 градусов, бьет, колет и режет — он в своей стихии. Мы «Фокой» восхищаемся — вот настоящее ледяное судно! У него есть свои «маленькие недостатки»: ветхость и солидная течь, но их можно простить, взглянув, как он слушается руля в густом льду. Румпель вер-

---

* Белый отблеск на небе — отражение льдов — носит у северных капитанов название «ледяного неба».

тится тогда то в одну, то в другую сторону, не переставая, как веретено хорошей пряжи.

— Право на борт, — несется с вант команда Седова; не успел румпель остановиться — новая команда:

— Лево на борт! Так держать.

— Есть так держать! — Мы делаем невероятную извилину и проходим там, где неминуемо, казалось, застрять. Удары об лед с полного хода для «Фоки» — пустяк.

Целый день шли зигзагами по приблизительному направлению на С.-З. Вечером пришлось остановиться: в сумерках здешней ночи становится уже трудно ориентироваться. Прикрепились к льдине «ледяным якорем» и заночевали.

Золотым «рериховским» освещением согреты сумерки. Контраст горячего неба и лиловых листьев льда на тепло-зеленом море поразителен. Некоторые причудливо изваянные льдины иногда останавливают взгляд и днем, а теперь, в сумерках, глыбы кажутся порождениями большой фантазии, ознобным бредом скульптора. И ничего — кроме льда, неба, моря и воздуха, прозрачного, как роса. Ни чаек, к которым уже успели привыкнуть, ни даже тюленей. Изредка лед приходит в движение, с тихим шуршанием наползают льдины одна на другую, — даже такое движение кажется странным в этом омертвелом море.

3 сентября. В 4 часа утра я поднялся на мостик сменить Павлова. За ночь «Фока» вмерз посреди полыньи во вновь образовавшийся молодой лед. Кругом — ни клочка воды. Нужно было видеть наши вытянутые физиономии! Тронулись в путь, прорезая лед, как на ледоколе. Немного погода подул ветерок, замерзшие каналы и полыньи стали очищаться, а мы подняли паруса. Паруса — плохие помощники во льдах такого свойства, — двигались мы очень плохо. Лед сильно изменился, характер его совсем не тот. Похоже, что это не лед Баренцева моря, а какой-то иной, вероятнее всего, принесенный из полюсного бассейна. Льдины покрыты сугробами нетаявшего снега, морская волна едва ли касалась их непорочной белизны. Все выглядело достаточно угрожающе. Может быть, нам следовало еще с утра повернуть обратно и попытаться пробиться на север где-нибудь в другом месте, но

не хотелось отступать, пока с наблюдательной бочки виднелись каналы. Через несколько часов и эти последние полосы воды стали выклиниваться¹³. Седов поднялся в бочку.

— Тут надо собак запрягать, ехать на санях, а не на парохе!

Мы повернули на юг.

Когда выяснилась неудача, я прилег отдохнуть после утренней вахты. Сквозь сон услышал необычайное оживление на корабле, потом возбужденные крики: «Медведь, медведь, берите винтовки!»

За время моего сна «Фока» выбрался из тесного льда и пробивался уже широкими каналами между крупных ледяных полей с отдельными высокими торосами. На одном из них и увидели медведя — шагах в 500 от судна. Огромный белый медведь забрался на самую вершину тороса. Покачиваясь и важно поворачивая голову на длинной шее, он старательно тянул ноздрями воздух. Четверо выскочили с винтовками: Седов, Кушаков, штурман и я. Медведь не обнаруживал боязни, мы решили выждать, не стреляя, пока судно не подойдет ближе. Кроме Седова никто еще из державших винтовки не имел дела с медведями, — немудрено, что стрелков трепала жестокая охотничья лихорадка: когда, наконец, кто-то не выдержал, выстрелы посыпались горохом.

Медведь стоял совершенно спокойно. Он только с еще большим недоумением продолжал рассматривать странный предмет, повстречавшийся ему на плавучем льде, и с удивлением поворачивал голову за мимо летевшими пулями.

Выстрела после десятого кто-то, видно, поймал трясущуюся мушку или просто прилетела шальная пуля, — медведь как будто осел. Однако, быстро оправившись, он забрался по торосу еще выше. Спустя минуту, к величайшему нашему торжеству, получив еще пулю, зверь свалился и остался лежать без движения. Разгорячившиеся шпики продолжали стрелять.

— Будет, не стреляйте, он убит, шкуру испортим, — закричал Седов и в одну минуту с веревкой в руках по шторм-трапу спустился на первую попавшуюся льдину. Штурман, бросив винтовку, последовал за Седовым.

Я собрался было кинематографировать всю эту суматоху, но, бросив вслед убегающим взгляд, понял, что кинематографировать, пожалуй, не вполне своевременно и просто: «убитый» медведь удирал. Седов и штурман, убежав с голыми руками, теперь то приближались, то быстро отскакивали от медведя. Казалось, каждую минуту могло случиться нечто меняющее их положение. Во всяком случае уже в тот момент было трудно разобрать, кто за кем охотится.

В магазине моей винтовки оставалась еще пара патронов. Отставив кинематограф и спрыгнув за борт, я побежал, что было мочи, на выручку. Провалившись несколько раз сквозь рыхлый лед, я, мокрый по пояс, догнал наконец безоружных охотников.

Положение их несколько улучшилось, — медведь бросился в воду и плавал в канале. Иногда он, свирепо рыча, направлялся к нашим охотникам, тогда Седов бросал в него конец веревки, и медведь с злым шипением отплывал. Я собирался уже разрядить ружье в его треугольную голову, — Седов закричал мне:

— Снимите его, снимите же этого черта!

Правда, со мной был карманный аппарат, а медведь выглядел так великолепно! Когда, оскалив зубы, он поворачивался к нам и высоко высовывал из воды длинную могучую шею, он казался чудовищным — виденные в зоологических садах были не что иное, как котята пред таким экземпляром.

За время, пока я вынимал аппарат из футляра, снимал и опять прятал, медведь, видимо, пришел к заключению, что тут слишком много народу, и отплыл от нас. Я удосужился взяться за винтовку и выстрелить, когда он уплыл уже шагов на 50. Пуля ударила в шею, но не остановила. Он только тише поплыл. Я выстрелил еще раз, но промахнулся. Но первая пуля, видимо, убила медведя: его движения становились медленнее, он доплыл до небольшой льдины и скрылся за ней. Седов и штурман подбежали к этому месту, но за льдиной зверя не было. Куда он исчез, — нырнул ли под лед и не мог выбраться, или просто потонул, — для нас осталось загадкой.

Увы. Веревка сиротливо волочилась по льду при нашем возвращении, а торопливый снимок медведя оказался смазанным.

4 сентября. Продолжаем идти к югу. Значительно легче, чем на север, впереди уже темное «водяное» небо, крап льда недалек. Опять встретили медведя, и опять результат охоты плачевен. Седов подстрелил медведя, но этого крепкого зверя не так-то легко убить с одного выстрела. Мишка, оставляя красный след, принялся улепетывать. Нам следовало бы несколькими залпами, если не убить, то хоть ранить посильнее. Но один «опытный зверобой» так горячо просил умерить охотничий пыл и говорил с таким жаром: «Подождите, подойдем ближе и, клянусь головой, уложим навверняка!» Совета послушались, хотя до медведя в этот момент было не больше 200 шагов. Может быть, при других обстоятельствах совет оказался бы хорошим, но «Фока» как раз задержался в одном из каналов, — медведь стал быстро отдаляться. Мы пробовали догнать раненого по льду, но, конечно, не могли, как он, в одно мгновение перелезть через высокие торосы, переплывать каналы и полыньи. Скоро мы совсем остановились перед полосой мелко битого льда, в то время, как мишка, смело бросившись в эту кашу, нырнул, через полминуты вылез на плотный лед и заковылял дальше.

Вечером. Около сумерек высвободились из льдов и повернули вдоль их края на восток, пересекая изредка полосы блинчатого льда. К ночи погода прояснилась, побаловала тишиной. Новая Земля открылась, когда сумерки совсем сгустились, показалась тяжелой, сливающейся с небом массой.

Седов, надеясь воспользоваться свободным фарватером, виденным около Новой Земли, хочет пробиться насколько возможно дальше к северу, если бы даже и пришлось отказаться от достижения Земли Франца-Иосифа в эту навигацию. Мы идем к Новой Земле и вдоль нее на север.

Рано утром, едва мы приблизились к Новой Земле, подошли с моря льды. Чтоб не быть прижатыми к берегу, нам пришлось укрыться под островами. Предыдущей ночью, сменившись с вахты в 12 часов, я еще оставался долго на палубе: в начале первого часа загорелось на небе северное сия-

ние — первое виденное нами. Утром проснулся от тишины, сменившей привычный стук машины, скрип такелажа* и удары льдин в борта. Мы стояли у о. Берха. Впрочем, скоро загремела якорная цепь, и мы через пролив Пахтусова¹⁴ поплыли. Все — дальше к северу — проливы были чисты.

Мне эти места были уже знакомы, я проходил здесь в 1910 году на крейсере «Бакан»¹⁵, охранявшем промыслы. Но тогда «Бакан» плыл в середине лета. В этот раз весь пейзаж выглядел совершенно другим. Впрочем, хорошо запоминаются в проливе Пахтусова между островами Личутина и Берха своеобразные камни на берегу Берха, похожие на окаменелых гигантов, и ледники Архангельской губы. Посмотрев попристальнее, путешественник всегда заметит и промысловую избушку норвежских промышленников на о. Б. Заячьем.

Оставив позади острова Личутина и Заячий, мы повернули ближе к берегу: всем хотелось посмотреть поближе на ледяные обрывы его, к тому же наш геолог интересовался вопросом, где находится конечная морена ледника** и какова глубина моря вблизи ледяной стены.

Какая красота! Ползет вниз по наклонной плоскости волнистый поток льда, могучая ледяная река, вся застывшая и твердая, река — иногда десяток километров шириной и много десятков метров глубиной. Достигнув моря, поток обламывается и обнаруживает стену прозрачного льда, — сверху зеленоватого, ниже — голубого, а в самом низу — прекрасного синего цвета, настолько яркого и чистого, что не может быть красок для передачи его. На поверхности ледника волны; гребни их увенчаны полосами снега. Исток этой реки не виден нам, он где-то на вершинах гор, не то скрытых облаками, не то потопленных этой рекой, — мы видим только обрыв, весь изломанный, исполосованный тысячами трещин и провалов. Пади, овраги, гроты, мосты, арки, колонны и пещеры, увешанные сталактитами, — все изо льда.

---

* Такелаж — вся система мачт, снастей, блоков и тросов, поддерживающих и приводящих в движение паруса.

** Морены — груды щебня и камней, откладываемых ледником при его движении.

Около трех часов плыл «Фока» мимо ледяной стены. В то время как производился промер, мы то удалялись от ледяного берега, то подходили чуть не под самую стену. Тогда она начинала вырастать, быстро поднимаясь к небу. Становилось жутко: так велики оказывались голубые прозрачные скалы, и так мизерен в сравнении с ними «Фока», а склоненные, еле держащиеся колонны льда, казалось, вот-вот рухнут и раздавят в прах проползающий мимо кораблик. Голос лотового матроса раздавался в такие минуты глухо и странно, как в подземелье; особенное, непривычно звенящее эхо повторяло слова; все разговоры на палубе и на мостике как-то сами собой умолкали, словно им здесь не могло быть места. Мы слышали в тишине, как нечто глухо грохочет в глубине стены, изредка звенит что-то звоном лопнувшей тонкой струны, — и все еще больше задерживали дыхание, еще глуше звучал голос, выкрикивающий глубины.

Глубина моря в этом месте колебалась между 25 и 60 саженьями¹⁶; ближе к леднику мельче, дальше — глубже.

На картах Главного Гидрографического Управления значился пролив между островами Панкратьева. Пролива там не оказалось, — ближайший к Новой Земле остров оказался полуостровом. Наш вождь не терял надежды воспользоваться другим, западнее лежащим проливом.

День склонялся к вечеру. Идти ночью мимо этих неисследованных берегов слишком рискованно. Мы решили переночевать в проливе.

Никто не сходил с палубы в этот день, все продрогли, утомились. В то самое время, как мы собрались проглотить по стакану чая, сверху раздался крик: «медведи». «Фока» только что отдал якорь, грохотала якорная цепь, — а медведи, не обращая на «Фоку» внимания, располагались на ночлег в каких-нибудь метрах 800-х. Один из зверей разрывал снег, устраивая себе, по-видимому, ложе.

О, на этот раз мы выработали точную диспозицию. Четыре охотника должны были заехать в глубокий тыл медведей с таким расчетом, чтоб согнать их под выстрелы другой партии. Торопливо спустили шлюпки и в сгущающейся темноте отправились исполнять свои кровавые замыслы. Седову и мне не сразу удалось пристать: припай молодого блинчатого льда

у берега оказался слишком тонким и не выдерживал тяжести человека. Вылезая из шлюпки, я принял хорошую ванну по пояс. Это обстоятельство послужило, пожалуй, на пользу: как я убедился тут, ледяная ванна весьма успешно излечивает охотничью лихорадку — трудно сохранить страстное желание убить медведя, будучи закованным в ледяной компресс. А тут еще надо смотреть в оба, чтоб не провалиться с головой, — ступать непослушными членами осторожно и внимательно.

Выбравшись на лед, мы не могли рассмотреть, где медведи. Уже начали стрелять с берега — целая канонада, а мы все еще напрягли зрение, но не видели ничего, кроме огненных полос на берегу. Вот с горы раздались крики:

— Бегите скорее к медведям, стрелять не будем!

Тут пришлось забыть на время, что лед прогибается больше, чем хотелось бы, а колени плохо гнутся. Мы побежали по указанному направлению, проваливаясь то одной, то другой ногой и совсем скоро наткнулись на медведицу с крупным медвежонком. Он был ранен, а медведица со стонами и беспокойством ходила около него. На близком расстоянии Седов сразу покончил с медвежонком, я же парой выстрелов убил и медведицу, убегавшую неуклюжим галопом.

Поздно вечером мы лакомились медвежьим бифштексом. Охотники получили по доброй чарке коньяку. Медвежатина имеет своеобразный запах, но это не мешает мясу быть вкусным и нежным — таково было общее мнение».

Глава третья

...И сердцу рокочут приливы «спеши»,
И манят свободные птицы...

Бальмонт

В моем дневнике не записано ни слова с 6-го по 17-е сентября. А между тем в этот промежуток случилось несколько событий, оказавшихся решающими в нашей судьбе. На этот раз я вполне извиняю свое небрежение: оно происходило только от неимения времени. Иногда после почти непрерывной суточной работы мы еле добирались до коек и засыпали в чем были, чтоб через несколько часов снова принять участие в непривычной многим физической работе.

После охоты 5-го сентября все засиделись очень долго. Рассказывали подробности охоты, рассматривали ужасные пули «дум-дум» моего ружья — их вынули из туши убитой медведицы в виде грибов с отколовшимися осколками. Разошлись только перед рассветом.

Утром я не слышал ни суеты при поднятии якоря, ни работы винта. Проснулся от сильного толчка, какой-то беготни и криков на палубе. «Фока» плотно уселся на мель. Я чувствовал себя несколько виноватым за свой сладкий сон. В 1910 году на «Бакане» мы сидели на мели в этом же самом проливе и месте. Будь я на палубе, мог бы, вероятно указать Седову приблизительное местонахождение мели. Накануне я, впрочем, предупредил его о приключении «Бакана», но местности с некоторого расстояния указать не мог. Точно так же, как и

«Бакан», «Фока» шел с промером и оказался на мели через несколько мгновений после крика лотового матроса: «Тридцать пронесло».

Ни Седов, ни капитан не придали большого значения посадке на твердый, ровный грунт в почти закрытом проливе. Это, казалось, была досадная задержка на нашем пути — и только. Седов отдал приказание завести якорь, перенести кое-какой груз на корму и, поручив дальнейшее руководство работами капитану, сам с Визе и матросом Томиссаром отправился на берег Панкратьева острова определить положение его и мели астрономическим путем.

В продолжение дня работали над освобождением. Без кипучей энергии Седова всегда как-то плохо налаживались подобные работы, а он задержался на берегу: солнце долго не давало поймать себя секстаном; только к часу дня отделилась от берега шлюпка уже при начавшемся ветре. До берега было километра четыре. Пока шлюпка прошла половину этого расстояния, ветер усилился. Нам на «Фоке» было видно, с каким трудом давался гребцам каждый метр, но шлюпка все-таки подвигалась, к трем часам ей оставалось проплыть до судна какие-нибудь две сотни метров. И вот в это самое время ветер вдруг, как сорвавшись, задул очень крепко, настолько, что шлюпка сразу остановилась, — видно было, как при всех усилиях она не могла сдвинуться с места.

Капитан распорядился спустить большой баркас; в него сели девять человек и поплыли на помощь. В это же самое время показались на горизонте льды и направились в пролив.

А ветер усиливался и усиливался. Когда баркас взял шлюпку на буксир, оказалось, что и девять пар рук не могут выгрести против такого ветра: он перешел в Ю-З. шторм. Льды же подходили ближе и ближе грозной и плотной чертой. Откуда так внезапно взялись они? Нужно что-то сделать. Мы выбросили с борта на длинном лине буюк, сделанный наскоро из спасательного круга, но он не успел доплыть и помочь нашим. Прежде чем на баркасе заметили буюк, льды окружили «Фоку», подтянуться, пользуясь буйком, уже не было возможности. Еще несколько минут спустя лед подхватил баркас и понес его от «Фоки» куда-то вдоль по проливу.

Думается, сам Соломон не мог бы решить, чьему положению отдать предпочтение, — оставшихся ли 5 человек на судне без шлюпок на мели во время страшного шторма, среди льдов, напирających с моря, без возможности что-нибудь предпринять для облегчения положения судна и своих унесенных льдом товарищей, или же положению находящихся в двух шлюпках без парусов, без куска хлеба в кармане, одетых по-летнему — в одни пиджачки для легкой гребли.

К одиннадцати часам лед упаковал весь пролив, шторм немного ослабел. Незадолго до полуночи около борта послышались голоса: Седов с командой добрался по льду при помощи досок и вёсел с баркаса, из которых делали настил там, где лед был непроходим. Шлюпка и баркас остались в полутора километрах от «Фоки».

Шторм продолжался до полудня следующего дня. Как только он прекратился, льды слегка разошлись, а у нас закипела горячая работа по снятию с мели. Каких только средств не перепробовал Седов! Завозили якоря простые и ледяные на стоявшие вблизи «Фоки» — тоже на мели — льдины, ставили паруса, перегружали на корму все больше груза, наконец сгрузили на льдину все бревна с палубы. Но вчерашним напором льда «Фоку» крепко вдвинуло на мель, — не помогли никакие ухищрения.

А погода становилась все холоднее и неприятнее. После шторма в затишье повалил снег и закрыл толстым слоем всю палубу; потом поднялась вьюга и за моментом тишины — опять снег; и так — все следующие дни: очевидно, в это время здесь уже трудно ждать хороших погод. И, просыпаясь, мы видели все тоже свинцовое небо, белые берега, бьющие в борт льдины да белые легкие хлопья снега, все более запушающие такелаж. Лед в проливе то сгущался, то расходился, то напирал на судно или, качаясь на волнах, колотил в борта.

Ночь на 8-е сентября отличалась особенным беспокойством. Команда за день выбилась из сил на работе без всяких смен: люди буквально почти не стояли на ногах. Седов был принужден отпустить всех, кроме очередной вахты. И вот в это самое время подошла с океана крупная зыбь, и стоящие на мели льдины принялись основательно колотить в борта «Фо-

ки». Нам казалось тогда, что другое судно, построенное не столь прочно, выдержало бы не больше десятка ударов подобной силы. «Фока» в эту ночь завербовал горячих поклонников, верных до гроба. Корпус корабля, казалось, спаялся в одно целое, — льдины, разбивавшие в щепы бревна, подвешенные на защиту бортов, не причиняли ему существенного вреда, если не считать неглубоких царапин.

Сначала удары не особенно тревожили нас. Но дело изменилось, когда подошла гигантская льдина и, остановившись на мели, принялась бить ниже ватерлинии с силой, достаточной, чтобы сдвинуть с места скалу, бить методически и настойчиво, — нам стало не по себе. Но что могли мы предпринять, кроме тех же подвесов из бревен?

Мне памятна эта ночь. Я стоял на мостике дежурным и думал о зависимости нашей от стихий и о том, как море закаляет характеры. Вот теперь судно в очень опасном положении, улучшить это положение нет средств — и что же? — Все отправились спать. Но спят чутко; если их разбудят, встанут, будут делать, что нужно, готовые ко всему, а если дадут проспять положенное время, то утром примутся, как муравьи, за работу по спасению щепки, на которой живут, одинаково мало удивляясь опять-таки, если завтра придется повстречаться с новой опасностью.

А удары в борт, сопровождаемые треском дерева и отламывающегося льда, усиливались.

Вдруг после одного особенно сильного толчка наступила тишина. «Фока» поплыл: упрямая льдина столкнула его с мели.

Говорят, не нужно откладывать на завтра то, что можешь сделать сегодня — эта пословица особенно уместна на море, а еще более в полярных странах. Нам следовало немедленно же отыскать и поднять брошенные шлюпки. Седов же, обрадованный счастливо окончившейся атакой льдины, не только пожалел будить команду, но даже отпустил спать и вахтенных матросов — на них действительно жалко было смотреть. Вместо команды он поднял на ноги всех членов экспедиции. Они заменили матросов на руле, в кочегарке, на лебедке и у якоря. Мы сделали все нужное, чтоб перейти возможно ближе к

шлюпкам и встать на якорь. Поднять же тяжелый баркас не хватило рук.

Еще во время перехода прояснило, а утром температура опустилась до -14°C . Проснувшись, увидели, что за ночь между «Фокой» и шлюпками набил мелкого льду, а мороз сковал его в одно целое, но непроходимое. А шлюпки нужно было достать.

Ночной отдых стоил суток непрерывной, воистину каторжной работы. Характер льда не допускал возможности подтянуть баркас по воде, а лед только в некоторых местах выдерживал его большую тяжесть. При первой же попытке баркас провалился килем. Когда наконец его высвободили и протащили с десятков метров, лед опять не выдержал, — в воду провалились и баркас и все тянувшие его. Почти весь первый день прошел в приключениях такого рода, а расстояние до «Фоки» почти не уменьшилось. Трудно протиснуться канату сквозь игольное ушко, но мы говорили: ежели придет крайность, полезешь и в ушко. Если перед вами стоит какая-нибудь задача в полярной стране, то она, вернее всего, из категории почти неисполнимых: то есть кажется до поры, пока вы не отделите неисполнимость от «почти» и не направите всю изобретательность и энергию к одной цели — исчерпать все возможности. Часто оказывается, что при некотором напряжении воли возможно гораздо большее, чем кажется на первый взгляд. К этой истине мы пришли не сразу. Работа с баркасом была только первым опытом пролезания в игольное ушко.

Команда «Фоки», перепробовав множество способов и промокнув до нитки, добилась-таки движения вперед. Под баркас пришлось подложить длинные жерди, на них он не так часто проваливался, но поступательное движение улучшилось только, когда с «Фоки» подали длинный трос, связанный из всех имевшихся канатов, и стали тянуть им баркас при помощи лебедки. По-прежнему лед часто оседал, а трос рвался каждые 20 минут, но все-таки этим способом утром 10 сентября баркас был доставлен на борт. Ко времени, когда кончили эту работу, лед смерзся сильнее, более легкую шлюпку доставили без затруднений.

В это время за островами плескалось свободное море. Мы могли бы смело пуститься в путь... но «нос вытащишь, хвост увязнет» — едва успели шлюпки водвориться на свое место, снова поползли по небу тучи, юго-восточный ветер опять задул с силою шторма, а в пролив, как в завязанный мешок, набрались льды в таком количестве, что весь пролив оказался запакованным.

Нансен говорит, что величайшая полярная добродетель — терпение. На этот раз мы упражнялись в познании ее почти три дня, пока свирепствовал шторм. Под утро 12 сентября ветер стих, наступила оттепель, появились между льдинами прогалины и, хотя лед был очень тесен, «Фока» перешел в наступление: весь этот день он пролезал из полыньи в полынью, ломал, крошил, давил, но сила вражья не сдавалась, до открытой воды оставалось еще больше половины — тут он и застрял. За ночь «Фоку» вместе со льдом продвинуло к матерому берегу. На следующее утро нам как будто повезло: открылся канал, которым мы вышли в большую полынью у полуострова Панкратьева... К сожалению, из полыньи-то выхода не оказалось. Пришлось встать на якорь и утешиться надеждой, что когда-нибудь да разойдутся льды.

Увы! В этот же вечер, как бы в ответ на наши ожидания, последовал страшный шторм со снегом и вьюгой, полынью зажало. Через сутки шторм стих. Прояснило... Но что мы увидели!

Сплошной, смерзшийся лед закрывал все проливы и бухты, только на самом горизонте за Крестовыми островами чернела полоска воды.

Мы затерты льдом.

Мороз уже несколько дней держался стойко, не выше –8 градусов. Потом повалил густой снег.

— Зимовка?

Глава четвертая

Как перепутались все наши планы и предположения событиями последних недель. Как неожиданно остановились мы на полпути!

Мало удовольствия носиться с кораблем, затертым посреди открытого моря, как это было с Пайером или экипажем «Ганзы»¹⁷. Ежеминутно ожидать гибели корабля, потерять волю и всякую возможность следовать своим планам, одну мысль лелеять — о спасении жизни, смотреть месяцами и годами на одну и ту же льдину, давая отдых глазу только видом клочка воды в редкой трещине ледяного поля — ужасно!

А такая участь могла бы выпасть и на нашу долю, если бы мы стали упорствовать в достижении Земли Франца-Иосифа первоначальным путем, — мы, наверное, испытали бы все приключения заключенных на судне, затертом плавучими льдами. По книгам мы имели достаточно полное представление о жизни такого рода и решительно предпочитали не испытывать ее. Что стали бы делать на плавучем льду геолог, картографы, художник, все мы?

Но... так устроен человек. От Седова до младшего кочегара все — еще и после 15 сентября — ожидали движения вперед и всей силой желания стремились вырваться из ловушки, поставленной судьбой. Хорошо помню, как на запорошенный снегом мостик часто выбегал то тот, то другой матрос, или кочегар и, стоя на белом фоне вырезанным силуэтом, подолгу всматривался в узенькую полоску на горизонте: там маячило

море. Одного сменял другой и так же надолго замирал, как будто ожидая чуда, что вот придет ближе море, и мы поплывем дальше:

Через лед и туман
К дальним горам
Земли Петерман.

Так устроен человек. Он желает в точности следовать поставленным планам, хочет, чтобы все делалось по его расчетам без задержки, не терпит ее и, когда дело касается нарушения расчетов, забывает и опасность и жизненные удобства и все на свете.

Правда, для нас остановка тут не на короткое время, — не на неделю. Целый год предстояло пробыть в одном месте. Все, чем мог подарить вас счастливый случай, это сокращение годичного срока на два — на три месяца — не больше.

Но что же делать! Не новость, что в полярных странах очень часто приходится менять расчеты, — здесь природа еще слишком горда, она привыкла диктовать пришельцам свою волю; нужно подчиниться, чтоб настойчивостью, трудом, терпением взять свое, — в этих местах нельзя быть чрезмерно взыскательным к удаче. Вспомним хоть Свердруп. С прекрасным снаряжением на знаменитом «Фраме» он три года простоял, почти не сходя с места, в одном из проливов североамериканского архипелага.

Лед не спаялся еще совсем, еще чернела вода в прогалинах между льдинами, ныряли там кое-какие птицы, не успевшие отрастить крылья, молодой лед еще не выдерживал тяжести человека, а в воздухе уже носилась зима. Наши прекрасные надежды стали разлетаться без остатка. Самый большой оптимист на «Фоке» — Седов. Но всякой надежде приходит конец. 15 сентября Седов приказал выпустить пары из котлов.

Итак, зимовка.

Шестнадцатого сентября двое — я и Павлов — довольно свободно прошли по смерзшемуся льду на берег Панкратьева полуострова. Да, — вот они, окрестности нашей первой зимовки! Обрывистый берег в двухстах метрах от «Фоки», низкий берег бухты — за кормой, длинная линия ледников Новой Земли на юге, а далеко на юго-западе высятся крутые склоны островов Берха и

Личутина, правее Южные Крестовые острова и остров Панкратьева. Мы поднялись на плоскую вершину полуострова. Там торжественный покой. Снег улежался хорошо, нога не вязнет, а камни под коркой льда отдают синевой. Горизонт широк необычайно, — обманно близкими кажутся острова и горы Новой Земли, выступающие из ледяного покрова, ее — характерные «нунатаки»*. Идеальная чистота воздуха создает этот обман. Казалась, до берега не больше сотни метров, однако, когда мы направилась в глубину бухты, убедились, что расстояние не меньше километра.

Осматривая свои новые владения, мы прошли до замершей речки в юго-восточном углу бухты. Там сделали важное для нас открытие: эта часть берега усеяна плавником¹⁸, — на Фоке будет тепло в эту зиму.

Каких только кусков дерева не было тут. Части кораблей, разбитых, может быть, сотни лет назад за тысячи километров отсюда или у этих же негостеприимных берегов, бревна, хорошо распиленные доски, стволы деревьев с корнями, и целые, и расщепленные о прибрежные камни, истертые и поцарапанные льдом. Тут попадались и другие вещи, — стоило бы поломать голову над вопросом, как они попали сюда, если б не было доказано, что воды Гольфстрима, идя от Мексиканского залива, достигают Новой Земли.

Впоследствии среди этих естественных дровяных складов нашлось много интересных предметов, принесенных из стран, кипящих жизнью, сюда, в мертвые области, — вещей обыденных там. Никто не обратил бы внимания на обломок доски с выжженной надписью: «1797» — очевидно, год, — а здесь этот хлам, который бы вы сбросили с дороги пинком, приобретал жуткое значение тем самым, что находился здесь, заставлял думать о нем, думать многое. Теперь я не придаю своей коллекции плавника значения большего, чем она заслуживает: это собрание доказательств далекого южного течения, доходящего до Новой Земли. Но сколько образов воссоздавал каждый из предметов на месте!

Вот блок допотопного устройства, — может быть, с каравелл самого Колумба? Может быть, блок сорван бурей с гал-

---

* «Нунатаки» — эскимосское название гор, стоящих среди ледяного покрова.

лиота эскадры Виллоуби¹⁹, или с яхты Баренца? Не висел ли блок на мачте лодьи безымянного выходца с Волхова-реки от Великого Вольного Новгорода?

Какими путями приплыл женский деревянный башмачок-сандалия, на нем даже ремни сохранились. Чья маленькая смуглая ножка носила его?

Еще и еще: стеклянные шары, употребляемые вместо поплавков норвежскими промышленниками трески, обрывок спасательного пояса, бронзовый гвоздь в куске дерева, загадочный предмет, похожий на обрезок лианы, — да это все доказательства течения, пришедшего с далекого юга.

Но «юг» — понятие растяжимое. Под углом зрения положительного знания ценнее всех моих находок — находка Павлова. Несколько месяцев спустя, когда снег уже стаял, наш геолог нашел в этой же бухте шарообразный пробковый буюк, опоясанный бронзовой лентой: на ней цифра «8» и надпись: «Baldwin Ziegler Expedition»²⁰.

Очевидно, цифра «8» — номер буйка. Справившись в навигационном журнале этой экспедиции и узнав место, где буюк выброшен, легко будет определить путь течения, принесшего буюк сюда.

Пологий песчаный берег с плавником тянулся около километра и загибался к южному мысу с высоким черным столбом, похожим на палец самого дьявола, высунутый из моря. Мы прозвали этот мыс Столбовым.

За всю прогулку мы видели очень мало следов жизни, можно перечислить в двух строках: на мысе Столбовом песцы и пеструшки — мы видели только следы, — и в некоторых полузамерзших лужицах ныряли в погоне за креветками маленькие крабовые нырочки (*mergulus allae*). Они отстали от родных стай, откочевавших к открытому морю и, бессильные улететь на неокрепших крыльях, осуждены были погибнуть — лед укрепляется, чрез несколько дней его кольцо сомкнется. Руками мы поймали несколько экземпляров и принесли на судно вместе с вестью об изобилии топлива.

Зимовка... Когда-то люди с ужасом думали о зимовке в полярных областях. Перечитывая, например, Кэна²¹, заража-

ешься его чувством беспомощности перед долгой ночью, стужей и холодом: ведь он-то почти не имел позади себя опыта других, он не знал, как жить, что делать для предохранения себя от несчастий, выпавших на его долю. Теперь, когда на Шпицбергене круглый год живут сотни людей, читаешь его книгу с чувством, подобным удивлению, с каким останавливаешься около хижины бедняка-корейца и смотришь, как он толчет в ступе горсточку чумизных зерен, не подозревая ни мало о существовании могучих электрических мельниц, способных весь урожай его поля смолотить в несколько секунд.

Да, теперь, сидя в кабинете, вы делаете выборки из книг опытных полярных путешественников, заказываете одной крупной фирме все свое снаряжение, телеграфируете другим о приборах, инструментах и оружии. К вашим услугам — если вы имеете достаточно денег — все. Построят прекрасное судно и предоставят все, что может спасти от чувства беспомощности... не дадут разве только сильного и прекрасного духа, каким обладал Кэн, ни его воли, побеждавшей природу с голыми руками.

Здесь уместно сказать, с каким багажом прибыли на север мы. Провианта на «Фоке» имелось на три года, с топливом обстояло не столь благополучно. После месячного плавания под парами, каменного угля осталось только двадцать пять тонн на пять суток хода. К счастью, мы могли не расходовать угля на отопление, находка плавника избавила нас от того. Я не склонен перечислять, что было погружено в трюмы «Фоки» и чего не хватало. Думаю, что читатель не посетует на меня и в конце моего повествования сам составит достаточное полное представление о наших богатствах и прорехах. Одно могу добавить: как-никак мы живем в двадцатом столетии; как ни бедно была снаряжена наша экспедиция по сравнению с несколькими последними американскими, ее снаряжение значительно выше того минимума, с которым славные исследователи, Врангель²², Прончищев²³, Лаптевы²⁴, Челюскин²⁵, Пахтусов, Циволька²⁶ и все участники Великой Русской Экспедиции делали свое дело. Со скудным провиантом, с несовершенными инструментами они исполнили большую работу. Если б нам удалось так же плодотворно использовать свои запасы!

«Фока» — старое сухое судно, приспособленное Мурманской Научно-Промысловой Экспедицией для жизни и науч-

ной работы. Кроме жилых кают, каждый из членов нашей экспедиции имел еще и кабинет для работ, а с находкой такого количества дерева на берегу можно быть покойным, что не придется мерзнуть подобно несчастному Кэну. Пицца наша, быть может не столь разнообразная²⁷, как у других — отличалась обилием и питательностью.

Из разных родов одежды, применяющейся на севере, Седов выбрал русские полушубки, валенки, самоедские малицы и совики*, кроме них было несколько пар костюмов, сшитых по образцу эскимосских. Насколько все они будут удовлетворять, предстояло испытать на деле.

Что же еще? Устроить как можно уютней и теплей свое жилище да начинать жить здесь до поры, когда разойдутся льды, — тогда отправимся дальше.

В каютах почувствовалась некоторая прохлада, едва только прекратилась подача пара в трубы отопления; итак, первое, — нужно поспешить с установкой печей. У нас были с собой хорошие чугунные печи, приспособленные и для угля и для дров. Борта «Фоки» казались надежными, но верхняя палуба должна была пропускать холод. Поверх палубы насыпали толстый слой земли и закрыли досками кап**. Одну из дверей, ведущих на палубу, плотно законопатили и запечатали, прибавив сверх войлока доски; другую обили войлоком. Трубы и вентиляторы накрыли брезентом, над трюмами возвели надстроечки, чтоб, доставая нужное, не открывать каждый раз тяжелых люков. Наконец, построили сходни на лед. После таких приготовлений «Фока» сразу приобрел вид бывалого полярного судна.

Разместившись окончательно по каютам и кабинетам, сообща принялись за устройство кают-компании. У наиболее сухой стены поставили пианино и граммофон, на самодельных полках разместили библиотеку, по стенам повесили эстампы и некоторые из сделанных мною фотографий. 20 сентября общие приготовления к зимовке закончились. По сему

---

* Малица — самоедская одежда в виде рубахи из оленьего меха волосом внутрь. Совик — верхняя одежда, покроя, похожего на малицу, но волосом наружу.

** Кап — заграждение люка, пропускающего свет.

случаю состоялось даже празднество с чтением приказа начальника экспедиции, с его речью. Приказом время распределялось по-новому. Некоторые получили к своим прямым обязанностям новые: Визе был назначен заведовать библиотекой, Кушаков — хозяйственной частью, я был назначен помощником Визе по метеорологической части и заместителем его во время отлучек. Зандер вместе с обязанностями пожарного инспектора получил заботу о печках.

Более изысканный обед, продолжительное концертное отделение с солистами-исполнителями на пианино, пианоле и «на граммофоне», карты и шахматы закончили этот первый наш полярный праздник.

Зимовка началась.

Глава пятая

... То были поэмы, как мост, перекинутые от Жизни к Смерти, смутно в воздухе ночи навеянные, неухваченные, незаписанные...

Уолт Уитмен

Как спешат морозы! Давно ли вольный морской ветер наполнял паруса, давно ли чайки кружились вокруг «Фоки», а прошло полторы-две недели, и вот здесь суровая зима, как на родине в декабре. Мы ходим по льду, как по земле, и даже собираемся отправиться по нему в далекое путешествие.

Да, двадцать первого сентября мы отправились по льду на остров Берха, — нужно было поставить там «гурии»²⁸ — приметные точки для мензульной съемки всей группы островов и земель, окружавших нас. Как смеялись мы год спустя над своим первым санным путешествием. Путешествовать вместе с авторами книг казалось так просто! Впрочем, мы находили некоторые оправдания своей неудаче. В самом деле: многие из вещей, необходимых для санного путешествия, как, например, палатки и керосиновые кухни не были еще распакованы и покоились в глубине трюмов, ни одна из собак еще не приучилась ходить в запряжке того рода, который собирался применить Седов, да и сбруйки еще не были готовы. Эта экскурсия интересна только как первое столкновение с полярной природой. Но работали-то мы все добросовестно. В своей записной книжке я нахожу длинные описания, как выбивались

из сил пять человек, проходя в сутки по пяти километров. Сократив эти записи, я переношу их для наглядности сюда. Итак:

«21 сентября. Вышли в 10 утра. Ясно, слабый северный ветерок при -18° С. С нами одни сани, груженные досками для большого знака на Берхе, и провизия. Лед вблизи «Фоки» ровен, но только вблизи. Чем дальше, все больше торосов и айсбергов — и в одиночку и сплошными нагромождениями. Нужно обладать большим воображением, чтобы сравнить с чем-нибудь формы льдин, — так неожиданно прихотливы их изломы, так не походят ни на что виденное раньше. Но красивы, бесспорно, мерцание искр в изломах, зеленые тени в трещинах между пятнами прилипшего снега и густота голубых теней в неосвещенной солнцем стороне. Впрочем, любоваться трудно и некогда. Тяжело груженные сани двигаются с трудом, а путь — зигзагами, петлями: нелегко найти проходимое место среди торосов. На ровном льду сани тащат Катарин, Лебедев и Юган Томиссар.

Юган — эстонец, бывший военный матрос, фигура крепкая, мощная и мрачная; когда ему «попадает сюда» — восторженная. Еще, — он любит «передернуть» в работе и потому часто служит мишенью насмешек товарищей. Но, кажется, он просто не может делать чего-нибудь, не пуская в ход всей своей могучей силы, — как машина, рассчитанная на большую нагрузку. Вот: сани встали, упершись в подъем снежной волны, Юган командует хриплым голосом:

— А ну, пыры! («бери» — на его жаргоне), — сам же держит постромку, так, чтоб только не провешивалась.

— Ой раз ещчо! — Сани, разумеется, ни с места. Юган оглядывается, решает, что без его усилия не обойтись, скорбно вздыхает и рыча что-то вроде «урр-уп», наваливается. Сани выскакивают и скользят в сопровождении крепко-соленого слова.

С полудня мы забрались в почти непроходимые торосы. Нарта встала.

Не помогало даже могучее юганово «урруп». Дело дошло до топора. Принялись за расчистку пути. Один находил дорогу, другой орудовал топором, а остальные тащили сани. Сани

перевертываются, шнуровка развязывается, все вещи вываливаются. Все это задерживает чрезвычайно, а мы собирались в один день пройти все тридцать километров до Берха.

В половине пятого солнце зашло, начало темнеть, а мы были не дальше 5—6 километров от корабля. Оставалась надежда, что не все же время будут на пути такие отвратительные валы и россыпи льда. Но новые горы вставали на пути, а с них виднелись дальше бесконечные торосы без метра ровной поверхности. Надеясь воспользоваться куском земли между двумя ледниками, мы свернули к берегу Новой Земли.

В семь часов стемнело; до берега не дошли. Расположились на ночлег. Под высокой льдиной выкопали яму, обложили ее по бокам снегом в защиту от ветра.

На ходу, в работе скорее жарко, чем холодно. На остановке же сразу почувствовалось, что мороз велик, а нужно еще отдохнуть и поесть.

Для холодного ужина открыли несколько банок консервов.

— Вот это прелестно, — ужин под 75-м градусом, на белоснежной скатерти, — острил Павлов, свирепо вспарывая свою жестянку мясного консерва.

— Что же это такое? Аммонит?.. Белеменит, или другая окаменелость?

Достали сухари и масло. Сухари как сухари, а масло — тоже нечто геологическое, — нож не берет. Пожертвовали одной доской, развели огонь и разогрели на нем свой каменный ужин.

Моя малица короче, а ноги длиннее, чем у других, я долго не мог спрятать их под мех, но наконец уснул и я.

Проснулся от холода, забравшегося под подол малицы. Встал размять затекшую руку и выкурить трубку. — Темная ночь. Одни звезды смотрят сквозь призрачную ткань северного сияния. Нагромождены торосы, айсберги; славный грохот был, наверное, при их рождении, но теперь-то — мертвая тишина. И вот под одним торосом лежат, свернувшись в клубок, несколько существ — такой чуждый этой пустыне комочек, — четыре человека. Такими же пятнышками темнеют увязавши-

еся за нами собаки. Тоже лежат, медленно согревая и вытаявая снег. Другие расположились на ногах людей — их не гонят: тепло дорого. Жалкая картина и торжественная.

Ложусь снова и подзываю собаку. Умный пес устраивается на моих ногах. Мы засыпаем.

В седьмом часу стало светать. Трудно подниматься. Не хочется покидать теплую малицу и сразу — на мороз. Нужно. Как всегда, оказывается, трудно только решиться, — дальше не так страшно. Да, одно-два движения, и малица позабыта до вечера.

В десять часов выступаем дальше. Ах, мы целых три часа убили на приготовление пищи и неумелое завязывание нарты!

Весь день шли около ледника профессора Попова, вдоль которого плыл «Фока» 5-го сентября. Чем ближе, тем красивее этот гигант. Я приближался к нему метров на тридцать. Сегодня мороз усилился, и гигант, сжимаясь от холода как живой, хрустит и трещит.

Внезапно у моих ног проползает черная змея. — Трещина! Быстро оборачиваюсь и вижу метрах в четырехстах облако, туманом охватившее пройденную часть ледника. Спустя секунду доносится грохот, как пушечный залп. Какая-то глыба в несколько десятков тонн сорвалась с сорокаметровой высоты, грохнувшись, разбила морской лед и подняла это облако мелкой ледяной пыли. Вокруг меня с треском и шипением ломается лед, стреляют трещины и расходятся каналы. Внушительно. Назад!

А легкомыслие художника толкает вперед. Вперед! Подхожу еще ближе — настолько, что ясно различаю годовые слои на темно-синей стене прозрачного льда, слышу шумы, непрерывный треск, то как колокольчики, катясь, зазвенят, то громкий звук, как от падения звонкой, сухой доски, то угрожающий неясный гул далекого обвала внутри. Опять столб ледяной пыли и грохот. Уходи — это заколдованная крепость!»

Ночь провели на морене ледника. Утром, истратив последнее топливо, решили возвратиться на судно: провизия была на исходе, а мы не сделали и половины пути, дорога же

не обещала быть лучшей. Пришлось сознаться, что снарядились торопливо и легкомысленно. Что, если бы поднялась буря-вьюга? К счастью, погода стояла ясная, почти безветрие, но мороз увеличивался с каждым днем. Одежда пропиталась испарениями тела и оледенела, впрочем, это не очень беспокоило. Рукам, например, на ходу тепло, но стоит снять рукавицу, чтоб поправить ремни на лыжах, чувствуется, когда ее наденешь вновь, что мех внутри успел смерзнуться в комок²⁹.

В семь часов вечера того же дня мы были на «Фоке», — по проторенному пути дорога легче. Пришли в самое время: ночью поднялась злая вьюга, ветер доходил до 20 метров в секунду. Хороши бы мы были без палатки и горячей пищи в такую погоду!

На «Фоке» за время нашего отсутствия жизнь установилась, мы пришли действительно «домой». Плотники закончили прочные сходни на лед. От схода побежали тропинки в разные стороны: одна — к «колодцу», т. е. айсбергу за кормой, с которого кололи лед для питьевой воды, другая тропа, обогнув корму, протянулась до метеорологической станции, третья поползла на гору к геотермической станции. Над палубой протянулись веревки с бельем. Повар Иван с подоткнутым фартуком бегаёт в трюм, спотыкаясь о всюду шныряющих собак. Слышится стук топора и пение — кто-то, сидя на борту, укладывает на зиму снасти и мурлычет:

Ты зачем ухо-о-дишь,
Зачем уезжаешь
На чужу на дальню-ю-ю
Да сторо-о-о-нку-у-у.

Да, как будто бы там, на далекой родине, если закрыть глаза и прислушаться.

А откроешь... Вокруг ледяное, как вспаханное, поле, стоит корабль с запущенными мачтами, слабо мерцает огонек в иллюминаторе, высокие мачты тянут взор к небу, а там над верхушками их ворошится бледными лучами северное сияние».

И внутри корабля, в тесных каютах, установилась жизнь. Каждое утро, просыпаясь, всякий принимался за свою работу. Много страниц моего дневника посвящено совершенно новым условиям работы и усилиям, какие приходилось затрачивать, чтоб добиться удовлетворительных результатов — всякий успех здесь труден. Нахожу описания, каких хлопот потребовала установка метеорологической станции согласно требованиям науки, сколько забот доставили нам первые наблюдения, как упрямо и настойчиво боролись наблюдатели со снежной пылью, раздробленной на мельчайшие частицы и проникавшей, казалось бы, в совершенно закрытые части самопишущих приборов — термографов и гигрографов, как трудно было наладить правильную работу этих инструментов и приспособиться к перемене лент на морозе и в бурю³⁰. Обыкновенный дождемер-измеритель атмосферных осадков, — простой до смешного прибор, открытый в верхней части металлический конус — и тот доставил хлопот на несколько месяцев. По его милости выросли сложные постройки на льду, сначала из дерева, потом из снега — все с целью помешать ветру выдувать из дождемера его содержимое. Немало трудов стоило установить правильные наблюдения над морскими приливами³¹. Пришлось изобретать способы, предохраняющие прорубь от замерзания, заносов и оледенения приборов. Всякая работа на холоде и ветрах вырастала в сложное предприятие. Нахожу в дневнике свежую запись рассказа Седова, как он в первый раз делал астрономические определения долготы при ветре и сравнительно низкой температуре, — такие наблюдения нашим картографам приходилось делать постоянно.

«Вот влезли мы на гору к астрономическому пункту. Максимыч запыхался, я же подбадриваю — не отставать, планету прозеваем. А от него пар, как из бани. На горе сразу охладил — такое там хорошее течение воздушное. Поставили искусственный горизонт на табурет и ждем. По альманаху — через десять минут можно бы и начать, а тут — тучка, за ней другая. И так больше получаса. Как, говорю, Николай Максимович? А он уже закуржевел. Нет, нет, ничего, говорит, — а зубы-то оскаливаются. Наконец ушла эта тучка, я прицелился в Юпи-

тера. И вот, смотрю, смотрю — вместо звезд — шлепки какие-то неясные. В чем дело? Подумал, объектив не тот, — нет, все как следует. Посмотрел еще — вот какое дело-то! Я близко держал инструмент и, наверное, от испарений тела стекло объектива замерзло, как окошко. А я Максимычу — это вы, Николай Максимыч, такого пару развели? А он что-то уж чуть слышно бормочет: «поскорей бы начинать, что ли, а то, говорит, — ртутный горизонт замерзнет». И рука с хронометром, вижу, дрожит. Снял я перчатку и начал. Повернул потом инструмент к фонарю, взглянуть на лимб. Что-то пальцам уж очень больно. Посмотрел на пальцы и вижу — кровь. Кожа примерзла к микроскопическому винту, да там и осталась. Э, думаю, так на десять высот пяти пальцев не хватит? Погрел другой рукой винты. Две высоты взял благополучно, на третьей опять прихватило. Говорю Максимычу отчет, а сам — руку под рубашку. А Максимыч побелел весь и, еле-еле карандаш держа, градусы и минуты выводит. «Гггео-ррр-гий Яковлевич, — спрашивает, много ли высот еще бу-дд-ем б-ррр-р-ать?» Еще штук шесть-семь, говорю... Ну, зато мы хорошо назад бежали!»

«25 сентября. Штиль. Ясно. Сегодня написал еще этюд. Краски стыннут угнетающе. Перетер их с нефтью — несколько помогает. После экскурсии мне легче работать: не так быстро стыннут руки, приобрел тренировку. Сегодня писал два часа при 15 градусах без перчатки. Седов целый день провел за магнитными наблюдениями на мысе Астрономическом.

26 сентября. Утром оттепель. Слабый ветерок с В.-Ю.-В. С утра начал писать этюд вблизи судна, но пошел снег, позже поднялась вьюга; пришлось заняться проявлением. Цветные фотографии вышли удачно, но в обыкновенной — я все еще допускаю передержки, хотя выдержку уменьшил до одной тридцатой части нормальной. Возвратился из экскурсии Кушаков, он вместе с Николаем Максимовичем ходил на охоту к острову Панкратьева. Охотники видели множество медвежьих следов, а один мишка подошел даже к самой палатке, но Кушаков побоялся стрелять: около медведя вертелась собака Варнак.

28 сентября. 14,8° С. Умеренный северный ветер. Вчера Седов и я пробовали на собаках новую упряжь. Седов боялся,

что приученные к самоедской упряжи не пойдут в нашей, похожей на восточносибирскую. Некоторые собаки тянули, но с большинством, по-видимому, придется позаниматься. При пробе же начало выясняться нечто невероятное. Взятые в Архангельске собаки не годятся никуда. По всей видимости, всякая упряжь для них такая же новость, как если бы вместо хомутиков и постромков их одели бы во фраки. Эти Шарики и Жучки не только не тянули саней, а просто мешали. С полным непониманием, что мы хотим делать, псы покорно позволяли запрячь себя, даже с некоторым любопытством обнюхивали шлейки, недоуменно помахивая хвостами. Но как только дело коснулось того, чтоб везти, началась потеха. В упряжке стояли белые сибирские собаки и пестрые архангельские. Седов сел на нарту и закричал:

— Пр-р-р-р!

Большинство белых собак при этом звуке поднялось, а некоторые даже сделали попытку тронуть сани с места. Но все остальные, как и раньше, лежали на снегу в полной безмятежности, очевидно, полагая, что ежели привязана, так и лежи, не сходи с места, покуда хозяин не отвяжет. Я пробовал тянуть передних сибирских, чтоб сдвинуть с места остальных. Мы думали: может быть, собаки в незнакомой упряжи не понимают, что от них хотят, но как только заметят, что другие работают, вспомнят и они. Не тут-то было! Я тянул как паровоз, тянули и белые, но все эти дворняги и не думали помочь. Они просто улеглись, как будто бы вся суматоха их совсем не касалась, и бороздили снег, отнюдь не понимая, что такое происходит. Некоторые, впрочем, проявляли некоторую самостоятельность: изо всех сил упирались. Мы до тех пор не добились движения нарты вперед, пока не выпрягли всех этих саботажников. Пока что избегаем думать, что все это значит. Одно не оставляет места сомнению: эти собаки никогда не ходили в упряжи.

Вечером сильный шторм с юго-запада. Вьюга. У нас тепло и уютно. Мы стоим в месте, безопасном от напора льдов. «Фокка» старое и сухое судно, в каютах 15–16° Реомюра. Правда, морозы еще невелики. Но при 17–22° С на воздухе, когда дует ветер, достаточно холодно.

29 сентября. Весь день посыпает мягкий снежок, заваливает выдающиеся льдины. Оттепель доходила до $-1,5^{\circ}\text{C}$. Появились польньи. Под вечер я отправился на лыжах вдоль берега по мягкому шуршащему снегу в сторону моря. Нежна белая мгла. Через нее еле заметны темные части берега — с трудом сохраняешь направление. В 3 часа уже темно. Здешние сумерки долги, света было бы достаточно, чтобы различить дорогу, но полное отсутствие теней сбивает. В общем не видишь ничего. Кажется, — ровное место, даешь свободу бегу — и вдруг пред ногами обрыв: незаметно вбежал на высокий торос. Или впереди встала огромная глыба — присмотришься, она просто осколочек льда у самого конца лыж. Но как хорошо по мягкому снегу бежать, куда не зная, мимо серо-голубых белесых пятен торосов на берег, опять на лед и дальше в серую мглу и молчание. Остановишься. Ни звука. Во время одной остановки слышались как будто шаги. Прислушался. — Кто бы мог здесь ходить? Разве медведь? Ясно, отчетливо звучало в тишине: топ, топ, топ, топ где-то далеко. Нет, не далеко. Это совсем близко. Да, где-то здесь. И внезапно понимаю, что слышу вне, как бьется мое собственное сердце. И вдруг пугаюсь. Что в этой тишине слышно биение его, как нечто постороннее, что не во мне тот звук, что страшно одинок он. А тишина льется в уши, ни с чем не сравнимая тишина. Тишина и в глазах от ровного, мягкого, гаснущего света, от молочной мглы и отсутствия теней и красок. О, если бы не одинокое сердце, с его напоминанием, кажется, сам бы растворился бесследно в этой тиши!

30 сентября. Успех в дрессировке собак. Вместе с Седовым прокатились от берега до «Фоки». Расстояние около километра. Или мы не умеем выбрать хорошего передового, или такого нет вообще, но управлять запряжкой мы еще не можем. От судна собаки не бегут иначе, как на поводу. Но обратно — полным ходом. В один из таких рейсов нарта налетела с полного хода на какую-то льдину, пассажиры посыпались с нее, запряжка же, сопровождаемая стаей свободных собак, подвывающих всеми голосами, понеслась дальше, как будто ничего не случилось. У судна всю эту компанию встретила стайка драчунов. Поднялась грызня и свалка, такая, что, добежав, мы

не знали, с какого конца подойти разнимать. Пока колотили с края озверевших, псы успели разорвать какую-то слабую. Отняли еле живой.

2 октября. Вчера Седов ездил в первый раз на собаках далеко на съемку. Сегодня прекрасная погода, легкий морозец 20–22° С. Солнце в кругах. Утром я вышел на работу. Солнце и в полдень стоит уже низко, его косые лучи могут только освещать, а не греть. И освещают-то не все. Только отвесные берега и склоны получают прямые лучи, вся же площадь льда в заливе подернута скользким светом. В десятом часу в это время года здесь первые лучи солнца. Такелаж, паруса, вывешенные на просушку, мачты «Фоки» — все горело оранжевым огнем и бросало резкую тень на береговой откос, когда я начал подниматься в гору.

Подъем стал нелегко; снег крепко прибит последними бурями; приходится выбивать ступени лыжной палкой, если не хочешь съехать вниз. На верху обрыва дорогу преграждает лавина снега, нависшая грибом — нужно, как кроту, прокапывать лаз. Как хорошо вверху!

Вся бухта с «Фокой» как на ладони. Люди копошатся. У метеорологической станции в двухстах метрах от «Фоки» наблюдатель, — он обходит будки. Черной ниточкой ползет по снегу нарта Седова и крошкой-мушкой движется у Столбового наш геолог — пошел добывать ископаемых.

С пяти часов прекрасное северное сияние; его увидал Седов, вышедший взять секстаном несколько высот Марса.

Началось серебристо-голубой полосой на северо-западе. Она поплыла по небу, поднимаясь, разгораясь и изменяясь. Вот изогнутая лента, а вот тончайший занавес из света. Он торжественно плывет, пересекая звездные пути, то растет, то тает, то загорится на сгибе зеленым лучом, то сверкнет тонкими яркими нитями на несколько мгновений, то соберется частыми складками в самый зенит и развернется от горизонта до горизонта. Следишь за всеми превращениями и не заметишь сразу: в другой части неба — новое пятно. Оно быстро растет и пухнет и как-то сразу оказывается не пятном, а таким же занавесом. Плывут рядом. Темное небо, тишина ненарушимая, неземная. Поднимаются в вышину

мачты: они — нечто реальное, действительность, их можно осязать. Но то, на чем они рисуются, то — сказка, сон с чудесными превращениями. Загадка, наваждение! И бесполезно писать красками — изделиями человеческих рук эти сонные грезы земли. Видевшим эти чудеса ничто не прибавится, а незнакомым покажется картина такой же чуждой и непонятной, как пейзаж с чужой планеты, как страница поэзии селенитов.

Сияние длилось часы. Я долго стоял, мерз, рисовал. Но нужно же когда-нибудь уйти! Только собрался — небо опять загорелось. Одна из занавесей стала вбирать в себя все остальные, как речная стежь тянет к себе береговые струи. Собрав свет воедино, занавес начал пляску между звезд. Родилось представление, что в голубом эфире кто-то трясет огромную ленту, или вымпел, а он чудесным дрожанием мнется, расправляется и играет разноцветно. Только верхняя часть по-прежнему серебряно-голуба, вся остальная ткань из золота, а нижний край оторочен пурпуром. Еще мгновение, вымпела нет, он собрался в зените густыми складками и брызнул книзу снопами огней, оранжевых, красных, зеленых. Чудесный, волшебный фейерверк! Потом потухло все. И снова загорелась лента, другая, третья. Всю долгую ночь играли сполохи, небо то потухало, то разгоралось. Лед и снег отражали свет, темнели, светлели, потухали совсем, как будто кто-то неведомый навел прожектор и убрал его прочь, не находя ничего в этой пустыне».

Глава шестая

...и тамо тьма стоит, что гора темная;
издали поверх тьмы тоя видеть горы снежные
в красной день...

Из русского сказания начала XVII века

Сразу после начала зимовки Седов принялся за подробную (мензульную) съемку окрестностей, а для определения широты и долготы произвел совместно с Визе ряд астрономических наблюдений. К началу октября на планшете стали вырисовываться общие очертания берегов и выдающихся гор; астрономические же наблюдения показали местонахождение «Фоки» с точностью до нескольких секунд³². Вот тут и оказалось нечто, заставившее наших картографов призадуматься. С прежними картами новая совсем не вязалась: выходило, что «Фока» стоит не у берега, а далеко в море. Надеяться на точность карт в этих совсем не исследованных местностях наивно. Откуда взяться точным картам, если известны наперечет все посетившие эти берега? Седов не задумался бы сразу утверждать, что берег Новой Земли нанесен на карту в этих местах неправильно, но нашего вождя смущало одно обстоятельство: он знал, что карты этих местностей составлены по работам известного Литке³³ и Пахтусова, — Седов привык относиться с величайшим уважением и доверием к трудам этих выдающихся и добросовестнейших путешественников. Как могли они ошибиться? Может быть, у Пахтусова, потерявшего судно у мыса Крушения на о. Берха, не было времени про-

известии астрономические наблюдения? Может быть и Литке, встречая около этих мест льды и туманы, тоже не сделал точных наблюдений?

Все эти вопросы можно было выяснить, имея в руках подлинники работ Пахтусова и Литке при возвращении в Россию, но не на «Фоке», а между тем вопрос был важный — об исправлении крупнейших ошибок, допустимых разве только на средневековых картах. Выходило, что наша карта будет совершенно новой, с очертаниями берега, почти не напоминающими прежние.

Желая выяснить, как далеко к югу берег нанесен на карту неправильно, Седов попросил Визе определить астрономически несколько точек между нашим становищем и полуостровом Адмиралтейства. Визе вышел 4-го октября с неразлучным другом Павловым и матросом Шестаковым. Первое серьезное санное путешествие, первая проба собак на дальнейшее расстояние. Визе рассчитывал дойти до самого полуострова Адмиралтейства, если только льды на юге не отодвинулись от берегов.

По журналу экспедиции можно день за днем проследить всю ее жизнь во время зимовки. Убийственно скучная книга этот журнал! На самом деле мы не скучали: шла постоянно размеренная работа, нас она интересовала. Рассказывать о ней?.. развлечения же всегда можно найти. Человек, склонный к веселью, может смеяться, глядя на собственный палец. И у нас в дополнение к работе бывали маленькие приключения, несколько оживлявшие однообразную жизнь. Беру из дневника одно: оно, по свойственной русским охоте посмеяться над несчастьем ближнего, порядочно потешило всех.

«Седов, разъезжая на собаках, продолжал съемку окрестностей. Один раз, вернувшись с работ, он рассказал, что в полынье пролива, где мы сидели на мели, много молодых гаг, не умеющих летать. Седов не захватил с собой дробового ружья и не мог поохотиться; он предложил имеющим время заняться пополнением мясных запасов. Ехать вызвался Кушаков. На другой день он привез только нескольких гаг: без кака охотник не мог собрать всех убитых. В следующее утро Кушаков отправился снова и уговорил меня взять кинематограф, чтоб снять гаг на ленту. Поехали. В большой полынье, образо-

вавшейся от быстрого течения, устремляющегося в узкое место пролива, плавали молодые, не умеющие летать гаги.

Кушаков снял с саней каяк, но призадумался — как сесть в эту верткую посудину? Он ни разу не плывал в каяке. Позвал матроса:

— Подведи каяк к краю льда и держи, а я влезу, — тогда отпустишь!

Со мною не было ружья. Я устанавливал своего «Патэ», чтоб снять гаг, когда они, испуганные выстрелами, подплывут поближе. Приготовил аппарат и, занятый всецело им, заметил в окошечке видоискателя, что Кушаков, попробовав сесть со льда, побоялся: слишком неустойчив каяк. Решил сначала усесться в каяк, полувытащенный на лед:

— Так вот, ты держи, а я сяду. Когда сяду, подтолкни, — я и поплыву!

В видоискателе две человеческие фигуры на краю льда выглядели очень красиво, тут же лежала кучка запряженных собак — мне показалось интересным запечатлеть картинку нашей жизни. Я стал вращать ручку аппарата.

В это же время Кушаков скомандовал:

— Давай, вперед!

Матрос осторожно подвел каяк и спустил его на воду. Красиво заволновалась вода, качнулся каяк, залаяли собаки, и ...

— А-а-а-а-и!

Наш охотник, покачнувшись, опрокинулся вместе с каяком, да так и лежал на боку.

А мне уже не хотелось останавливать съемку, я пропускал пленку метр за метром, а она бесстрастно снимала, как при помощи матроса охотник выбрался, мокрый как тюлень, и принялся отряхиваться, разбрызгивая воду фонтанами. Нам пришлось поделиться с мореплавателем бывшей на себе одеждой. Домой мы торопились все: температура держалась ниже 24 градусов, а проехать нужно около девяти километров».

Гаги, виденные в проливе, — последние живые существа, замеченные в окрестностях зимовки. До марта, — как вымерло кругом. Впрочем, один раз на прогулке далеко от корабля я заметил какую-то серую фигуру среди таких же серых кам-

ней на склоне горы. При моем приближении она раскрыла широкие крылья и бесшумно улетела. Я успел рассмотреть ее — это была полярная сова (Nyktea nyctea).

Визе и Павлов вернулись 15-го октября. Задача, возложенная на Визе, оказалась в это время неисполнимой. Экскурсанты прошли на юг всего сорок два километра. Дорога оказалась худшей, чем в первую экскурсию. Недалеко от Архангельской губы путешественников застала в пути вьюга. Короткий день кончился, было совсем темно. Выбрав ровное место, поставили палатку, поужинали, уснули. Среди ночи почувствовалась какая-то влажность. Сначала на нее не обратили внимания. Однако наступил момент, когда стало очевидным, что молодой лед не выдержал тяжести и прогнулся. Палатка стояла у самого берега, пологого и песчаного, глубина в том месте была ничтожна, но достаточна, чтоб все вещи подмокли. Берег изобиловал плавником, одежду скоро высушили, но с провизией ничего сделать было нельзя: бедняги всю дорогу питались солеными сухарями, солененьким шоколадом, пили чай с солено-сладкой массой, заедали его соленым же раскисшим печеньем.

Через три дня после возвращения путников солнце покинуло нас. По вычислениям, оно должно было показаться в последний раз 18-го октября, но в дни около этого числа небо держалось закрытым облаками, мы простились с солнцем раньше.

Надвигалась полярная ночь. Впереди почти сто дней сплошной ночи, трескучих морозов и бурь. Бури, действительно, как будто поджидали исчезновения солнца, чтоб со всею силой обрушиться на беззащитные пустыни. С первым из зимних штормов, со свирепым ураганом, четверым — мне, Павлову, Пустошному и Шестакову — пришлось познакомиться очень близко. Мы были застигнуты бурей в палатке.

Вышло так: Павлову для определения скорости течения здешних ледников понадобилось поставить знаки поперек ближайшего ледника «Таисия». Павлов рассчитывал весной измерить угломерным инструментом, насколько знаки передвинутся, и вычислить, какое расстояние проходит за день тягучая ледяная масса. С установкой следовало поторопиться:

немного позже будет совсем темно, чтоб орудовать угломерными инструментами. Я присоединился, надеясь написать этюды гигантских ледяных стен.

В это время продолжительность «дня», вернее рассвета, равнялась четырем часам. Мы вышли с рассветом в 10 часов 19-го октября. Провизии взяли на четыре дня, хотя не предполагали пробыть больше двух. Пришли к леднику, когда уже темнело, начинать работу было поздно. Остающиеся светлые минуты употребили на разбивку лагеря. Палатку поставили на обдутой ветром земле, особенно тщательно забив железные кольца, чтоб завтра, когда все разбредутся на работу, можно было оставить лагерь без присмотра. Совсем стемнело. Забрались в палатку, разожгли керосиновую кухню — «примус» и занялись приготовлением обеда-ужина. Потом поболтали, распределили работу на завтра. К седьмому часу свеча догорела; что делать — спать!

В это время и начался дикий ветер, разметавший вместе со снегом все наши прекрасные планы. В последние дни часто налетали быстро затихавшие шквалы, — никто не придавал значения первым порывам ветра, мы продолжали надевать малицы, посмеялись досыта, глядя, как каждый поочередно сражался с неуклюжим меховым балахоном, как одевающийся приподнимался в тесноте палатки и натягивал на голову подол, — тогда верхняя часть малицы, как некая человекообразная фигура, — «оно» с повисшими бессильно руками — тоже поднималось и начинало странный танец все с большим жаром и азартом; «оно» — безликое, гибкое, нелепое. А потом сразу в отверстии капюшона показывалась голова и сердитое, смешное, обрамленное взлохмаченной прической лицо. Для полярных стран — малица ценнейшая одежда. Самоед носит ее круглый год, в ней гоняется за оленем и медведем, в ней же и спит, подобрав ноги и спрятав голову внутрь. Так же устраиваемся, пока не готовы спальные мешки, и мы. Мы утряслись в свои балахоны и легли пошучивая над ветром:

— Пусть себе подует!

Я проснулся среди ночи от какого-то треска. Что такое, что творится? Где свеча? Нахожу свечу и зажигаю. Палат-

ка ходит ходуном под напором ветра. Весь воздух, заключенный в палатке, бурно колеблется. Мечется дрожанием пламя свечи. Снаружи же как будто некто живой с силой и злобой кидается на полотно, огородившее чуждых пришельцев.

Испытывать яростные нападения не лишено само по себе некоторого жгучего удовольствия. Приятно иметь дело с могучим противником и не бояться худого конца. Еще приятнее сознавать себя в полной безопасности.

— Пусть потешится, только не долго. За последние дни ветер сильно балует, да все ненадолго. А палатка-то крепко поставлена: колья-то во как загнали. К утру перестанет.

Так порешили — особенно Шестаков. Его молодое, в добродушных красках расписанное лицо делается серьезным, как дело дойдет до предсказаний погоды. Он поднимает вверх корявый матросский палец и голосом старого морского волка, нарочито грубым, с сиплотой, провозглашает:

— То ж шалонник скрозь летник на обедник³⁴ свернулся. Ну и пылит. Шалонник — шалонник и есть. Шалун, как бы сказать, али баловник. Потом опять на свое место завернется!

Завернется так завернется. Завернемся и мы в свои малицы и подождем, пока шалонник не вздумает остепениться...

Утро или ночь еще — не разберешь. Часовая стрелка на восьми, но совсем темно. Наш оптимизм — растение без почвы, а шестаковские предсказания пригодятся ему в другой раз, когда погода капризно повернется. Палатка ходит как живая. Когда один по необходимости попробовал вылезть, вернулся весь в снегу: «это не погода, а чертов шабаш». Едва наш исследователь высунул нос из палатки, ветер бросил его на снег, подхватил и понес, колотя об встречные торосы, пока куда пола малицы не зацепилась за острый выступ льдины. Несчастный ползком добрался до нарты, потом уже под ее прикрытием сделал переход до входа в палатку.

Что же, надо запастись терпением и ждать.

Ждали. Лежали в своих малицах и ожидали конца бури, как мелкие насекомые под листом ждут — с такими же средствами бороться со стихией, как и мы. Даже разговоры не могли помочь скоротать время: чтоб быть услышанным соседом,

нужно кричать во всю силу легких, — иначе вой вьюги и пулеметная трескотня стенок палатки заглушает слова.

Рассветало. Напились чаю, объясняясь больше знаками, и опять в малицы. Спать? Нет, нельзя же спать целые сутки. Так — лежать. Не спать, не дремать, а грезить, иногда уносясь мыслью так далеко, что пребывание здесь кажется сном. В полудремоте под однообразные звуки, досуга для дум сколько угодно.

«Скажи, что заставило бросить родные места, налаженную жизнь и пойти путями дерзкими, опасными? Можно размышлять о капризе судьбы, забросившей тебя сюда, в логовище-берлогу. О том, как тонка нить жизни, если подумать как следует. Хотя бы жизнь четырех букашек, поставивших свой карточный домик рядом с ледяным дворцом и воображающих, что они, очутившись среди самого пыла сражения сил природы, находятся в полной безопасности за полотняной стенкой в один миллиметр толщиной.

А там, на загадочном ледяном покрове, что-то совершается, а что именно, — букашки не знают, но *жаждут* узнать, за *этим* они и приползли. Одной — приходит в голову, не слишком ли самонадеянны они? Может быть, в это самое мгновение нечто совершилось? Может быть, на ледяном покрове, где зарождаются стихии бурь, давление уже понизилось до предела и в следующие минуты новая страшная лавина воздуха рухнет на хитроумно построенный домик из материи, сомнет его как клочок бумаги и, разметав спрятавшихся, пронесется дальше со свирепым равнодушием? Что же тогда? Куда денутся мысли, маленькие чувства, впечатления, весь мир образов, называемый наукой, искусством, жизнью? Он замерзнет, как и все остальное здесь.

Да, не велика цена жизни здесь, в царстве смерти. Впрочем — не больше и где-либо в любом месте планеты. Здесь только выпуклее осязается эта *мысль*. Да. Так. Но жизнь сильна! Там, далеко на юге родилась мысль — дитя жизни. И она привела живых в царство смерти. Живые с радостью следуют ей... И смотрите! Вот жалкий комочек в мокром меховом мешке, без движения, но он живет. Он думает о смерти — и сама смерть в его мозгу — жизненный образ. Он думает и о жизни. И вонючий мешок, закрывший его голову, не замед-

лит его воображения, не задержит образов, видений жизни, что принеслись за тысячи и десятки тысяч километров. Они стоят перед его глазами ясно, отчетливо, как в яви, и славят жизнь и красоту ее во всех проявлениях. Красота звезды в небе и отражение ее в тихом северном озере, красота единоборства, прелесть пальмы над тропическим морем, очарование линий и изгибов женского нежного стана и пухлой ручонки ребячьей с ямками — хрупкой, как ниточкой перевязанной, — вся прелесть жизни тут, в этом неподвижном, но живом — в его живой мысли...»

Что-то очень трещит. Очнулся. А Павлов уж и керосинку распалил, чайник кипит, под ним пляшет синее пламя. А к пламени тянутся четыре лица... Что за образины! Из неуклюжих звериных одеяний выглядывают неумытые, заспанные физиономии и при виде огня расплываются в улыбку. Все в одной куче, — повернуться нельзя. Вот они — представители жизни и культуры! И ты, «сосуд хранения красоты» — такой же, совсем такой.

На вторую ночь ветер, по выражению Пустошного, «одичал». Творилось невообразимое, не укладываемое в понятие «ветер». Иногда, после сравнительного затишья, он рвал с такой внезапностью и силой, что мы чувствовали как бы удар. Непривычный — никак не мирится с мыслью, что такой страшный удар может быть нанесен воздухом, а не живым, сверхъестественной силы существом, поставившим целью снести палатку во что бы то ни стало. Мы поняли: кто бы там ни был, следует за своим убежищем смотреть в оба.

Среди ночи я проснулся от прикосновения струн ветра к щеке. Неужели?.. Да, виден просвет. Вырвал-таки злой ветер колья!

Очень бесцеремонно разбудил товарищей. Но прежде чем все успели повскакать, палатка была уже повалена. Ближайшая задача — удержать ее. А буря прилагала все усилия вырвать из рук наше спасение. Борьба продолжалась долго. То тот, то другой валились с ног, мы незаметно очутились поверх палатки. Иногда она, как флаг, развевалась над четырьмя поверженными на землю, в другое время они стояли на ней, пытаясь выпрямиться или освободиться от подола

малицы, завороченного ураганом на голову. Но, падая и вставая, каждый цепко — руками и зубами — держал оледеневшее полотно так, как будто бы оно было собственной жизнью.

В то же самое время мы пытались закрепить несколько кольев, и это удалось. Ура! Быть может, присноровившись, сумеем и поставить?

Мы копошились, падая и вставая, как истые муравьи, спасающие свое жилище в ливень, работали долго и неустанно, не обращая внимания на пустяки вроде отмороженных кончиков пальцев. Прошел по крайней мере час до поры, когда забили несколько кольев и могли уже думать, что палатки не отпустим. Мне приходилось тяжелее других: с самого начала катастрофы вихрь сорвал с головы шапку вместе с одной из рукавиц. Прекрасная оленья шапка унеслась со снежными смерчами, а голова в несколько мгновений покрылась коркой льда. Если б другим было время взглянуть на мою голову, они могли бы принять ее не за мозговую коробку товарища, а за оледенелый шарик смоченного термометра — точь-в-точь такой вид имел в морозные дни термометр для измерения влажности воздуха. Я чувствовал, как голову схватывают ледяные обручи — но что же делать. Пока не появилась уверенность, что палатку не выпустим, я не мог ничего предпринять. Только тогда можно было завернуть голову чьим-то подвернувшимся под руку башлыком.

Наконец, на зло всем стихиям, палатка стояла. Как оказалось, колья не выдержало, а согнулось в дугу треугольное железо, из которого они были сделаны.

Забравшись в палатку, расположились отдыхать. Нельзя сказать, что были уверены в невозможности повторения приключения. На подветренном крае палатки теперь стояла нарта, нагруженная большими льдинами, но ветер как будто еще свирепел, палатка качалась, поникала мельчайшая ледяная пыль. Снаружи казалось, что находишься не в привычной сфере воздуха, а в стремнине могучего течения, простое движение рукой так же трудно, как если бы находился в текучей воде. Стоять на ногах, не держась за что-нибудь руками, — невозможно.

Мы ждали — когда же утихнет. А ветер как бы смеялся над нами, лежавшими в мокрых малицах без движения, отупевшими от безделья и невозможности размять свои члены. Только к полудню 22-го октября чуть потихло.

Провиант подходил к концу, свечей не было совсем. Сытые по горло трехсуточным лежанием, мы решили попытаться дойти до «Фоки». Нелегко собрать вещи во время вьюги. Когда вышли из палатки, собак не было видно: несчастные, они лежали в глубине сугробов. Одну за другой откопали всех. Пробовали покормить — почти все, как и раньше, отказались от пищи. В то время как их запрягали, некоторые качались от слабости.

Продолжалась сильная вьюга, мы тронулись в путь, держа курс по компасу. После нескольких часов блуждания мы наткнулись на берег полуострова и решили, — «пришли домой».

На «Фоке» нашим отсутствием сильно беспокоились. Буря наделала бед: «Фоку» прижало ближе к берегу, баня, выстроенная на льду, провалилась в воду на пять венцов.

По определению метеорологической станции, скорость ветра доходила до 36 метров в секунду, т. е. до 190 километров в час. Можно думать, что отдельные порывы, не совпавшие со временем наблюдений, были значительно сильнее.

Приключение «четырех в палатке» закончило период пред зимней ночью. «До нового света, до нового года, до весны! Тогда пойдем к северу. А пока — нужно скоротать ночь».

Глава седьмая

Ночь, усеянная звездами, ты прекрасна.
Но не слишком ли могущественные крылья
даешь ты нашему духу, крылья, которые
больше, чем можем вынести...

Фритьоф Нансен

«Давно, в юности, мечтал ты, читая Нансена, Кэна и Норденшёльда³⁵, о далеком чудесном Севере, о льдах, о молчании зимней ночи, усеянной звездами. Ты завидовал видевшим те чудеса. По прочитанному ты создавал образ и жадно стремился к нему; но не верил сильному духом, когда тот в минуты страстного стремления к жизни восклицал: «Кто вспомнит эфемерное существо, умевшее сковывать в цепи звук и свет, которое было так неразумно, что целые годы своего краткого существования проводило в странствовании по замерзшим морям?» Ты не верил, — пусть кратка жизнь, пусть наше существование — жизнь однодневки, можно отдать время даже из столь непродолжительного бытия, лишь бы видеть край, где не закончены еще дни творения, край, ждущий разумной воли для размещения стихий.

«То были расплывчатые мечтания ранней юности. А теперь в зрелом возрасте ты сидишь, пишешь эти строки в каюте с замерзшим иллюминатором и вспоминаешь мечтания, капризом судьбы превратившиеся в действительность. После кипучей жизни громадного города ты теперь в крошечной каютке, одной из таких же других на борту корабля, затертого льдом.

Пробивается в иллюминатор слабый рассвет и спорит со светом керосиновой лампы, но не может пересилить. А в коридоре уж совсем темно — где-то в самом конце его горит тусклая свеча. В кают-компании три-четыре человека. Один склонился над чертежной доской и что-то тщательно перерисовывает из своей записной книжки на новую карту. Другой читает, еще один — сидит над вычислениями, бормоча: «Прямое восхождение... ноль, ноль, два, семь, три... девять, ноль, один... Как девятая высота, так и заест, якорь-то ее раздери!.. Два, пять, косинус...» — Это труженики. А вот еще двое с шахматной доской пристроились на углу стола — сегодня уже одиннадцатая партия... Открыта дверь в каюту Седова. Он там. На столике — раскрытая книга, но сидящий смотрит не на страницы. Рядом с книгой карандаш и бумага, там колонка цифр — расчеты путешествия к полюсу, его неотступная мысль. Откуда-то из каюты вдруг доносится через распахнутую дверь отрывок спора: «...работать как англичане, устраивая склад за складом, или обладать нансеновским счастьем и его же энергией»... Потом заходит в каюту весь заиндеветший боцман и спрашивает: «А что, шлейки-то для собак будем еще шить, али нет? Нужно бы про запас, а то вчера снова опять какая-то голодная постромку съела!..»

Кусочек жизни. Опять вспоминаешь читанное, и в голову приходит: когда после чтения ярко написанных книг сталкиваешься с самой жизнью, с действительной жизнью, всегда остается чувство, что авторы умолчали о самом главном: о каждодневности. Она есть и здесь. Да, ночь, усеянная звездами, прекрасна! Но если б прилететь взглянуть на нее и сейчас же улететь, на душе не осталось бы никакого следа, во всяком случае не больше, чем от всякого мимолетного явления или феерической сцены на театральных подмостках. А между тем *действительно* есть что-то в ночи, дающее «слишком могущественные крылья нашему духу».

Да, немного времени прошло, как ты оставил прежнюю жизнь, а уже существует нечто, заставляющее сказать: во мне есть перемена. Новое входит изо дня в день, — нельзя еще определить, в чем оно, — но день за днем прошлое отрезается от настоящего бесповоротно».

Такова одна из страниц дневника вскоре после исчезновения солнца: оно, казалось, унесло с собой старый порядок мыслей, а ночь приближала к другим, еще не додуманным до конца.

А солнце уходило. 25 октября я писал: «Как темнеет с каждым днем. Около восьми, когда просыпаюсь — ночь еще глубока. Только в десять начинает немного светать. Удивительный рассвет! Весь воздух насыщен темнотой. Рассвет силится прогнать ее, и не может. Окрашиваются торосы с южной стороны, но в угрюмой тени отражено ночное небо. Даже затмение радостнее такого бессильного рассвета.

26 октября. Вчера и сегодня время рассвета провел на воздухе. О, какая симфония красок лилась в глаза! Вся красота ее в неопределенности. Нет ни одного кричащего или яркого пятна, все тонет в нежном полусвете-полумгле. Синий купол ночного неба с крупными звездами и луной. Одновременно свет зари на выдающихся льдинах и отсвет оранжевой луны в тенях. Когда хочешь передать красками это освещение, не знаешь, за что принять свет луны, за свет или за тень? Где граница света и тени — она неуловима, но существует, как переход смычка гениального музыканта.

Писать можно только до обеда — обедаем же мы в 1 час. После обеда — жалкие остатки света, при них возможно только прогуляться или съездить с нартой за плавником.

30 октября. Тихо. 15° С. Пасмурно. Рассвет очень слаб, все тонет в однообразной молочной мгле. Я работал недалеко от судна. Не желая складывать оружия, я делал этюд сибирской собаки. Мне оставалось работы не больше, чем на полчаса, когда руки стали коченеть. Я ушел на судно немного отогреться. Вернулся минут через десять. Подходя к этюдному ящику, оставленному на снегу, я заметил, что собака из безымянных архангельских стремительно бросилась от ящика. Подхожу в недоумении, что она тут делала? Проклятие, что с моей работой! Где краски с палитры? — Она вылизана дочиста, а почти готовый этюд попал на завтрак голодному псу! Смеяться или досадовать? Кому пришло бы в голову, что краски, перетертые на нефти, могут сойти за съедобное даже для вечно голодного пса?

Уходит, уходит свет. Скоро я должен буду прекратить работу на воздухе. Тьма побеждает.

1 ноября. Легкий ветерок от востока до юга, -7° С. Первое ноября. Мы ждали его с морозами, но до сих пор больших еще не было. Стоит тепло. Температура совсем не полярная. Только ночь да постоянные вьюги напоминают, как далеко все, чем жил раньше. Мало-помалу мы сгруживаемся на корабле и уходим далеко только на прогулки.

2 ноября. Тепло, -6° С. Юго-западный ветер. Рассвет слишком пасмурен, работать невозможно. Я даже рад передохнуть, просто побродить и взглянуть на место зимовки при рассвете. А то я так дорожу каждой секундой света, что смотрю на все с точки зрения: где выгоднее начать работу? Сегодня принимаюсь за пилку дров, потом помогаю штурману распутать какую-то снасть, смотрю, как возят собаки: одна запряжка — дрова из бухты, другая — лед на кухню. Захожу и туда к повару Ване. Он, в клубах пара, выпускает из бака воду, чтоб зарядить его новой порцией льда для воды. Потом опять иду разгружать дрова и отправлять сани за новым грузом.

После экскурсий собаки совсем привыкли к упряжи. Нет приятнее зрелища видеть дружную запряжку в работе и следить, как белые комочки сразу наваливаются на хомутики и принимаются перебирать ногами. Издали кажется — сорока-лапый червяк ползет по волнам снежной пелены, ныряет и прячется в складки — пестрый и шустрый червяк.

Около десятка архангельских начинают приучаться к работе, еще две-три везут сносно; остальные — безнадежны. Не потому, что их нельзя приучить к упряжи (что всем взятым из Архангельска упряжь совершенная новость — это теперь вне всякого сомнения), нет, иное — почти все архангельские совсем не приспособлены к холоду, они не умеют спать, зарывшись в снег, их мех без подшерстка; все эти — мерзнут даже при теперешних слабых холодах, худеют от мороза, не умеют защитить свой кусок от чужих посягательств, — это не собаки севера. Они погибнут.

Теперь-то уж с полной очевидностью выяснилось, что такое вообще эти «архангельские лайки». Поставлял их некто фон Вышомирский. Учитывая невозможность испробовать

собак до отплытия, он продал нам по 50 рублей за штуку дворняжек, без сомнения, собранных где-нибудь в окрестностях города, а может быть попросту купил у фурманов по полтиннику за штуку. Поставщик долго не приводил собак, все это стало понятным здесь: он боялся, как бы обман не раскрылся до уплаты. Мы же наглое надувательство обнаружили только сейчас, когда нет никаких средств исправить зло, сделанное этим человеком всему нашему делу. В то же время Тронгейм из Тобольска доставляет для нас 45 настоящих сибирских, прекрасно выезженных лаек, перевозит всю свору за свой счет по железной дороге, кормит, и, сдавая, просит Седова, чтоб он по окончании экспедиции удостоверил качество собак. Эти собаки обошлись нам по 45 рублей.

4 ноября. Бесконечная оттепель. Вчера -3° С, сегодня -5° С. Мы пленники на «Фоке». Сегодня я почувствовал этот плен; он, впрочем, не тяготит. На что жаловаться? Сыты, здоровы, находимся в дикой неисследованной стране, в центре удивительных явлений природы. Когда вернемся к людям, будет что порассказать, — нет, такой плен не гнетет; кроме всего — он добровольен. Но плен все же существует, и ощущение его дало сегодня совсем новое для меня понятие слову «родина». Я не чувствую тоски по ней — это было бы слишком рано. Нет, пока почувствовалась только сущность этого слова, и вслед за тем от сердца протянулась как бы нить туда, далеко, ко всему оставленному на родине.

И все произошло только из-за того, что вспомнил: ведь сегодня наш академический праздник. Мне почему-то особенно живо представились: волнующий момент открытия отчетной выставки, ожидания нового, семья товарищей, вся жизнь искусства. Как это стало далеко! Я пошел собственной дорогой, по ней еще никто не ходил, я не увижу новых достижений, сколько еще времени? Год, два, три? Но помнить об оставленном я могу. — Сегодня праздник.

И вот я прибираю, чищу свою каютку, развешиваю новые этюды, потом меняю рабочую блузу на куртку с воротничком. Седов заходит зачем-то ко мне. Некоторое время он молча и с недоумением озирается, потом быстро что-то соображает и говорит:

— У вас семейный праздник? Почему вы ничего не сказали вчера, — мы бы празднество на всю экспедицию закатили. Упустить в эту скучную пору чей-нибудь праздник — да это преступление!

Во время обеда Седов с присущей ему любезностью обратился ко всем с маленькой речью — поздравление с праздником искусства. Последняя медвежина, праздничный графин и сладости подкрасили экстренное торжество, а после ужина мы долго засиделись, все уже вместе уносясь на родину воспоминаниями.

6 ноября. Поразительно теплая погода установилась после бури в двадцатых числах октября. Сегодня опять южный ветер и температура -7°C . В местах смерзания отдельных льдин появились лужи, а кое-где даже полыньи. Только присутствием больших пространств открытого моря можно объяснить эту затянувшуюся оттепель. Но сказать с уверенностью, что поблизости есть открытое море, никто не может. Один раз я взошел на гору во время дневного рассвета. Мне показалось, что я вижу темную полосу моря на Ю.-З. горизонте, — но рассвет был так слаб! Было бы опрометчиво утверждать, что виденная вода открытое море, а не большая полынья. Мы замечаем каждый раз, когда направление ветра отклоняется от юго-запада и юга, температура резко понижается. Из того заключаем, что в той стороне — открытое море. Мы думаем, что ураган двадцатых чисел далеко отогнал льды от берегов Новой Земли.

7 ноября. Умеренный северный ветер -21°C . Пустошный, один из постоянных наблюдателей метеорологической станции, слегка заболел. Визе и я приняли на себя ночные дежурства. Будем сменяться по неделе. Теперь моя неделя.

С двенадцати часов все спят. Только в моей каюте светится огонек. Я пишу, читаю, рисую, поглядывая время от времени на часы. Наблюдения производятся каждые два часа. Все отсчеты и запись показаний инструментов отнимают почти четверть часа. За пять минут до срока записываются показания двух ртутных барометров и одного anerоида в каюте. С фонариком в руках направляешься на станцию. Там записываются показания всех инструментов в будках, проверяется исправность самопи-

шущих приборов, делаются отсчеты термометров, помещенных на разной высоте (для определения температуры нижних слоев воздуха) и термометров, разложенных на снегу (определяется излучение земной поверхности). Дальше, необходимо взглянуть на флюгер и ветромер, на небо и облака, отметить формы и направление северного сияния и атмосферные осадки. На обратном пути измеряется температура морской воды. Затем предстоит взлезание на ванты — там термометры, отмечающие температуру верхних слоев воздуха. Кроме всего, каждый час измеряется высота приливной волны. Мы гордимся, что нам удалось организовать на отдаленнейшем севере первоклассную метеорологическую станцию.

8 ноября. Легкий северо-западный ветер, -21 -28° С. Именины Павлова. К обеду явились в парадных костюмах, — капитан даже в сюртуке. За столом Седов пожелал здоровья имениннику и всем, кто его в этот день вспоминает. За седовским тостом посыпались горохом другие, пока бутылка коньяку не высохла. После обеда все отправились прогуляться, а вечером — грандиозный концерт. В заключение его — «Ночь на Лысой Горе» Мусоргского. Исполнители — именинник и Визе.

9 ноября. В.-С.-В. ветерок, -26° С. Прекрасная полуденная заря. К вечеру ветер перешел к западу и начался Ю.-Ю.-В. шторм. Монотонно тянется время. И сегодня могу занести в дневник только одно событие: собачья драка. При участии перворазрядных драчунов Волка, Варнака, Разбойника и Штурмана, собаки загрызли юганова любимца Черку. Его отняли с разорванным животом.

11 ноября. Шторм продолжается третий день. Около полудня наблюдалось некоторое затишье, но вечером снова завывло, снова потянулись бесконечные мелодии вьюги.

Вчера наблюдалось странное явление в проруби, где производятся наблюдения за приливами. Вода там поднималась и опускалась как бы от волнения, настолько высоко, что трудно было сделать отсчет: колебания доходили до 25 сантиметров. Ничтожное обстоятельство вызвало ожесточеннейшие прения в кают-компании. Некоторые думали, что морская волна доходит до нашего зимовья, и считали возможным, что

в один прекрасный день лед вынесется в море, как это часто случается в южных бухтах Новой Земли. Другие с цифрами в руках и с пеной на устах утверждали, что ледяное поле достаточной величины может зыбиться, как лист бумаги, положенный на воду. Ведь по отношению к величине ледяного поля, держащего «Фоку», слой льда не толще папиросной бумаги — колебанию льда удивляться не приходится. Не думаю, что наши рассуждения открывают Америку. Явление же заслуживает внимания... особенно для нас, когда носа нельзя показать из-за борта.

12 ноября. Вьюга прекратилась только сегодня. «Фока» занесен снегом до самого борта. Максимыч находит, что это «так, по-нашему. А то дует, дует, а снегу только барыням на мороженое».

Почти полнолуние, луна теперь светит круглые сутки. В полдень небо в южной части окрашивается, и тогда луна меняет свой цвет, горит красноватым огнем, как при восходе. В полдень борются два источника света: луна и отсвет зари. Но луна побеждает, прогоняет зарю и, торжествуя, заливает снежные равнины и горы холодным, мертвым, пепельным светом. Часто вокруг луны мы видим радуги, кольца со светящимися столбами по сторонам и «ложные луны».

15 ноября. Опять свирепая буря. Уже неделю, с малыми перерывами, воеет она; затихнет на несколько часов, а потом еще хуже.

Сегодня во время такого затишья совершили прогулку к мысу Столбовому. Пятнадцатиметровый отвес его выглядит во тьме особенно внушительно. Если с окружающих мыс сугробов спуститься в котловину, то с одной стороны видишь черную каменную стену с гротами, пещерами и кристальными орнаментами при входе, а с другой — вертикальную же 6—8-метровую стену снега, плотного, как земля. Мы долго бродили по коридору, образованному сугробом — там хорошо укрываться от вьюги. Потом поднялись на мыс и поставили несколько капканов на песцов — следы их видели в этом месте, когда было еще светло.

16 ноября. Ю.-В. ветер, -3° С. Как-то ночью, делая измерения температуры в проруби, я заметил, что вода загорается

фосфорическим блеском всякий раз, как подносишь фонарик. Приглядевшись, заметил множество маленьких рачков-креветок — «капшаков» — вода кишела ими. Они, как бабочки ночью, жадно стремятся к огню, превращая темную воду проруби в клубок спутанных нитей серебряного, фосфорического блеска, вызванного их быстрыми движениями, сегодня наловили драгой порядочное количество и попробовали сварить. Увы, в этих рачках почти нет мяса. Их можно сосать и воображать, что ешь настоящих шримсов: вкусом они не отличаются от больших.

Скоро будет месяц, как солнце покинуло нас. Отсутствие его начинает чувствоваться физически: чего-то недостает — странное ощущение. Иногда нападает апатия, не хочется ни думать, ни читать. Время тянется медленно. Как будто в ожидании. Будто вынут жизненный огонь. Не ночь ли вечная тушит дрожание нервов?

Полярная ночь. Сколько суровой поэзии в ее вечной настороженности и непроницаемости. Снеговым покровом — саваном мертвой природы закрылось все живое, сверху ночь навалилась, как тяжелый могильный камень. Все молчит. И ты, маленькое существо, идешь, угнетенный и восхищенный величием окружающего, и чувствуешь нечто, завлекающее идти вперед в царство теней и мрака, погрузиться в самую глубину музыки неизвестного, манишься надеждой — в ночи понять смерть и узнать связь ее с жизнью.

Полярная ночь! Темная, озаренная только отраженным от снега светом звезд, торжественная... Но разве только?.. Почему она кладет печать на все твои мысли? В чем ее загадка? Взгляни в глаза ночи. Со всеми живыми мыслями, с шумом крови, с трепетанием нервов, со всем, что есть в тебе живого, — взгляни пристальнее в глубину ее черных очей. О, как песок в приборе растают твои старые мысли о человеке — властителе природы, растворится гордыня, нервы запоют созвучием аккордам ночи, и неосознанные еще думы наполнит ее темная власть.

19 ноября. Вьюга и ветры — вот чем угощает нас изо дня в день полярная ночь. Сегодня во время метеорологических наблюдений я отбилса от каната, предусмотрительно протяну-

того Лебедевым на случай сильных бурь. Что-то больше получаса с залепленными глазами блуждал я по сугробам, пока случайно не наткнулся на собачьи будки.

23 ноября. Тепло, слабый южный ветер. 21 ноября кают-компания огласилась хоровыми песнопениями. Дирижировал Лебедев. Его разносторонние способности не имеют предела. Он прекрасный наблюдатель-метеоролог, на него можно положиться. Из мертвых будок своей постоянной хозяйственной заботливостью он создает что-то уютное. Теперь Лебедев занят усовершенствованием снежного домика для перемены лент самопишущих приборов и сооружает какие-то сложные снежные коридоры, соединяющие новую постройку с многострадальным дождемером.

Сегодня в числе обеденных блюд — собачьи котлеты — «для любителей». Юган и Линник давно уже по собственному почину стали готовить котлеты из собачины (Седов, убедившись в полной негодности некоторых архангельских дворняжек, приказал убить их: бессмысленно расходовать провизию на собак, негодных и обреченных на гибель из-за непригодности к климату). Оба собаковода уверяли, что мясо очень вкусно. Сегодня желающие могли убедиться. Заведующий хозяйством уверял:

— Все его кушали, будьте покойны, все, кто петербургскую колбасу покупал, смею вас уверить!

В конце концов попробовали все. Если б не было доподлинно известно, что едим мясо вертлявого Волчка, котлеты можно бы принять за обыкновенные. Однако, что касается меня — собачиной питаться, пока нет крайности, не собираюсь: остается в силе брезгливое чувство, хотя организм и просит мясной пищи. Вот великие события последних дней. Если б к ним прибавить «великое истребление клопов», оставленных на память прежними обитателями «Фоки», да еще бесконечный преферанс, то наша жизнь в эту темную пору была бы исчерпана во всем ее разнообразии.

24 ноября. Хорошая мягкая погода при 9° С. Долго гуляли у мыса Столбового. Наши прогулки получили прозвище: «ходить за песцами». Первое время мы действительно осматривали капканы — увы, даже песцовых следов не стало с темно-

той, скоро и капканы убрали; но «за песцами» продолжаем ходить: все стараются гулять возможно больше. Отсутствие солнца и недостаток мясной пищи начинают сказываться: все чувствуют слабое недомогание.

27 ноября. Метель с З.-Ю.-З. ветром. Время тихо тянется и при хорошей погоде, а во время штормов — угнетающе. Круглые сутки сидим на «Фоке», наш день отличается от ночи тем, что днем горят керосиновые лампы.

Признаюсь: раньше, читая отчеты разных полярных экспедиций, я подозрительно относился к описаниям гнета полярной ночи. Мне казалось, что авторы бессознательно сгущают краски. А в криках восторга, раздававшихся при первом появлении солнца, чудились некоторая театральность, или, по крайней мере, самовнушение.

Но — прошло всего полтора месяца, как ушло солнце, а я уже почти способен понять, что можно закричать от радости, когда солнце, милое солнышко пошлет приветный луч просидевшему три месяца в тюрьме-берлоге на корабле, совсем не приспособленном к зимовке.

Мы-то находимся в условиях несравненно лучших, чем какие-нибудь из искавших Франклина³⁶. На «Фоке» изобилие провианта, тепло, сухо, каждый имеет определенную систематическую работу, есть библиотека, музыкальные инструменты, можно развлекаться на разные лады. А самое главное — все здесь по доброй воле. И все-таки... С каждым днем слышишь больше и больше вздохов о солнце. Мы становимся солнцепоклонниками. Тоска по солнцу не имеет в основе тоски от безделья. Наблюдая, нельзя не заметить, что в самом деле лица всех участников экспедиции осунулись и побледнели.

Доктор Кук в отчете об экспедиции «Бельжика» объясняет недомогания в полярную ночь подневольной малоподвижностью и отсутствием необходимого организму солнечного света. Кук все недомогания называет «полярной анемией» и считает, что этой болезни подвержены все без исключения зимующие в полярных странах.

Доктор Шарко, два раза стоявший во главе французских экспедиций в южнополярные страны, замечал на себе и на

спутниках действие полярной ночи приблизительно в таких же формах, как и мы. Но он считает все недомогания следствием употребления консервированной пищи. При осаде Севастополя среди союзных войск, питавшихся исключительно консервами, по его словам, наблюдалась совершенно такая же болезнь. Он называет ее «консервной болезнью» (*maladie de conserves*) и приходит к выводу, что эта болезнь не что иное, как первоначальная стадия цинги. При неправильном питании она переходит в настоящую цингу. И цинга и «консервная болезнь», по его наблюдениям, излечиваются мясной диетой. Джексон, перезимовавший три зимы на Земле Франца Иосифа, считает, что цинга вызывается отравлением птомаинами — продуктами разложения мяса³⁷, зараженного бактериями.

Мы сопоставляем все эти наблюдения зимовавших до нас с собственными недомоганиями. Слово «анемия» начинает входить в моду.

30 ноября. В полночь вышел делать наблюдения и... очутился под дождем! Невероятно. На носу — декабрь, а здесь под 76° теплый дождь! Температура воздуха ниже нуля -3° С при свежем С.-З. ветре. Но очевидно, слои более теплого воздуха — не высоко над землей: дождь лил ливнем, а крупные капли его, не успевая замерзнуть, омывали грешного «Фоку» и застывали уже на мачтах, снастях и вантах. Сегодня весь такелаж покрыт толстой коркой льда, везде блестят сосульки. Когда налетает порыв ветра, кусочки льда валяются со звоном. Бедным псам попадают славные щелчки — собаки с визгом убегают прочь с палубы.

3 декабря. Готовимся полным ходом к морскому празднику 6 декабря. На мою долю досталась декоративная часть. Теперь моя келья завалена холстом, париками, бородами из раздерганного манильского троса и подобной дребеденью. Хлопоты по бутафории, приготовление костюмов и тайные репетиции — чуть не единственная работа экспедиции в этот момент. Но они занимают время и развлекают всех — что и требовалось.

6 декабря. Штиль, -12° С, к вечеру Ю.-Ю.-З. ветер. Совсем слабый отблеск зелено-желтой зари. Вступаем в ряд праздников: сегодня — первый — праздник моряков. Программа дня:

иллюминация, салют из китобойных пушек, завтрак, сон и обед. Кают-компания разукрашена до неузнаваемости гирляндами бумажных флажков и фонариков. Книжные полки и станки для ружей затянуты флагами.

После завтрака под гром пушек зажгли на палубе огни. Горящие плошки (консервные жестянки, наполненные медвежьим жиром) везде: по бортам, на мачтах и вантах. У сходней пылающие бочки из-под керосина. Отблески огней скользили по снегу, изборожденному бурями, играли на мертвенно-белых берегах и слабо замирали на отдаленных торосах. Если какой-нибудь бродяга-медведь наблюдал издали наше празднество, он, вероятно, составил о человечестве представление, как о породе, производящей страшный шум и склонной к чудачествам.

Кто-то еще осенью вспомнил, что среди моряков существует обычай справлять праздник Нептуна — «крестины» переходящих экватор или полярный круг впервые. Правда — полярный круг у нас далеко позади, при переходе его не было времени заниматься крещением, но теперь, — отчего не подурчиться: времени слишком много. Придуманно целое действие в стихах с остротами и злободневными намеками.

Началось оно пушечным выстрелом. Режиссер поясняет: — Это лед у борта лопнул! Смотрите, смотрите!

Стоим и видим: из-за борта лезут ряженные в костюмах из рогожи. Сначала один — это герольд Морского Царя, объясняют нам.

Под кудельной бородой не сразу узнаешь мягкие черты Лебедева. Роль свою он ведет так хорошо, как будто только вчера оставил профессию актера. Нарочито напыщенно он декламирует:

В полунощной стране,
Где царство вечных льдов,
Где море стынет ледяное,
Подвластны все великому царю —
Полярному Нептуну.

Кто, дерзкий, преступив границы,
Пред стужею Борея не трепещет?
Над всем и всеми здесь — могучая Нептуна воля.

Кто Нансена три года по морю носил,
Сковавши «Фрам» цепями ледяными?
«Жаннету» дланию всесильной кто
В ничтожные осколки превратил?
Всем памятна судьба жестокая «Франклина»!..

Так ведайте ж вы, смертные,
Что час и ваш уж близок!
Вы вторгнулись в полярные владенья
И дерзостно нарушили покой и вечное молчанье.
Наш грозный царь разгневался,
Сегодня явится и призовет к ответу вас.
О, горе, кто противится ему!
Явите ж полную покорность
И подданство полярное примите!

Снова удар пушки. Под пронзительный вой рожка пожаловал
сам Царь Морской с царицей и царевной, за ним свита: два черта.
Царскую фамилию вахтенный пропустил, а чертей — нет:

Ваше благородие:
Это — чертово отродие.
Вид неприличный,
Дух не чистый!

Герольд — Лебедев между тем представляет:

Царь Нептун Полярный
Повелитель вод Арктических,
Князь Карский, Беломорский,
Президент Американских всех морей,
А я — слуга его Борей.

Царь взобрался на судно достаточно величественно. По-
требовал начальника и учинил ему допрос:

- Кто такой, как зовется судно?
- «Святой мученик Фока»!
- Слышал, слышал. Не раз я мял ему бока!

Потом Царь объявил целый обвинительный акт:

С некрещеною командою,
Злой разбойничьею бандою,
Не спросивши разрешения,
Совсем без крещения
Вторгся ты в мои владения.
Двух медведей ты убил,
Зря их в море потопил.
Дерзок на море ты больно,
Я терпел уже довольно...

В результате Нептун потребовал:

По законам моим и Полярного Царства,
Великого Морского Государства,
Обязан мне дань уплатить
Провизией, водкой. Больше отпустить!
Людей же твоих я должен крестить.

После длинных препирательств с чертями, морской царевной и царицей и рассчитанных на фокинскую публику намеков и шуток, Нептуну вручен список девяти человек, не бывших еще за полярным кругом. При хохоте и криках началась церемония крещения.

Первым попался в руки чертей капитан, за ним Кушаков, матросы. Крещаемый получал на голову основательную порцию смеси снега и воды, а в лицо — добрый мазок сажи, — не спасали никакие отговорки.

Окрестили всех, а по списку не хватило матроса Линника. Черти поискали, понюхали и бросились на самого царя. Когда физиономия его морского величества достаточно почернела от сажи и слиплись волосы, начальник обратился к нему с двусмысленным вопросом:

— Доволен ли, великий государь?

— Нет, не доволен, — проворчал Линник, — еще одного крестить желаю — боцмана Инютина.

Инютин был уже за полярным кругом, но в уважение царской воли под горячую руку крестили и боцмана.

Меню обеда в этот день отличалось изысканностью:

Водка и закуски,
Бульон с пирожками,
Пельмени из сушеного мяса.
Селянка с капустой и малороссийским салом,
Компот,
Кофе, какао и конфеты.

После обеда музыка и попытки танцевать. День закончился прогулкой «за песцами».

8 декабря. Шквалы и вьюга с Ю.-Ю.-В. Подвижная и кипучая натура Седова не выносит навязанной бездеятельности. Он решил предпринять небольшое путешествие на север.

Уже сейчас намечаются планы весенних работ. После Баренца — мы первые зимующие так далеко на севере Новой Земли. Имея все необходимое для далеких санных экскурсий и усовершенствованные инструменты, мы не можем отказаться от крупнейшей задачи: привести в порядок карту новоземельского берега и фантастическим представлениям о внутренней части Новой Земли противопоставить точные наблюдения.

В короткий промежуток времени до навигации необходимо сделать очень большую работу.

Предполагается, что Павлов пересечет Новую Землю, исследует ее ледяной покров и постарается сомкнуть съемку восточного берега с самой северной точкой, достигнутой Пахтусовым. Визе берет на себя задачу пересечь Новую Землю и исследовать северо-восточную часть Карского берега. В своем путешествии Визе должен встретиться у мыса Желания с Седовым, который отправится туда же по западному берегу. Задача Седова самая трудная. Теперешняя экскурсия — небольшая разведка пути. Седов боится, что весной его подолгу будут задерживать необходимые для точности съемки астрономические определения места выдающихся мысов. Теперь он хочет с возможной тщательностью произвести определение места мыса Литке, первого по пути на север, чтоб весной начать хронометрический рейс оттуда.

Ночные путешествия — предприятие рискованное. На луну надеяться трудно: луна — коварное светило. При отправлении Седова было светло, тишина. Но несколько часов прошло, и снова подул ветер, теперь свирепствует вьюга.

11 декабря. Стих ветер, луна ярко светит. Свет ее более ярок, чем на юге. В прошлые месяцы я думал, что это — просто обман зрения: здесь или вовсе нет контрастов, или они слишком велики. Сегодня я убедился, что лунный свет здесь действительно ярче, чем где бы то ни было на юге: я попробовал фотографировать при луне и получил прекрасные снимки. При полном отверствии объектива Цейса Тессар F: 4,5 — выдержка всего четыре минуты. Весь снимок совершенно не напоминает лунных снимков на юге: те снимки выдерживаются часами, — все тени выходят смазанными — луна успевает пройти немалый путь.

14 декабря. Много гулял при луне, много думал в одиночестве. Много мыслей, совсем новых мыслей приходит, когда остаешься один с пустыней, со звездами и тишиной, которая шепчет на ухо нечто о *самом важном* и здесь, где ты чуть не единственный представитель жизни, и там, где жизнь расточительно разнообразна. Чудится по временам, что подходишь совсем близко к разрешению главной загадки бытия: *зачем ты пришел в мир?* Тишина подводит вплотную — еще шаг, и ты будешь свободен сделать выбор между вечным пребыванием в тишине и — краткой, странной сказкой в мире живых, но бродящих без цели или с целями — здесь, пред лицом тишины — имеющими такую же цену, как серебряный пятиалтынный, случайно оставшийся в моем кармане.

19 декабря. Долгое отсутствие Седова начинает беспокоить. С тех пор, как он ушел — все время сильные ветры. Постоит один тихий день, а три — метель. Со вчерашнего вечера начался страшный шторм. Ночью я отправился на метеорологическую станцию с двумя фонарями, боясь, что один может потухнуть раньше, чем я успею сделать наблюдения, и тогда будет пропуск. А мы гордимся, что до сих пор ничто не могло заставить пропустить наблюдения, или опоздать хотя бы на минуту.

С фонарем в руках и другим — за пазухой я спустился со сходней. Ударом встретил меня ветер. Цепляясь за поручни, я

кое-как спустился, добрался ощупью до каната и, еле удерживаясь на ногах, добрался до станции. Фонарь погас на полдороге. Второй — я сумел сохранить и сделал отсчеты в будках, но по дороге к флюгеру буря сбила меня с ног, погас и второй фонарь. Я не мог записать наблюдений. К счастью записывать, кроме направления ветра, было нечего: доска, показывающая силу ветра, прыгала выше верхнего деления.

Тут же около флюгера я заблудился, не мог найти даже будок, а канат начинался от них. С чувством брошенного в пучину водопада, ничего не видя залепленными глазами, я долго не мог определить: где же я — между «Фокой» и станцией, или... Принялся бродить зигзагами, подбрасываемый ветром, меняющим свое направление. Но я держал в уме, что общее направление ветра постоянно, и поисков не оставлял. Через полчаса нашел канат. Вернулся с плотной снежной маской на лице, снег проник до нижнего белья и тела.

В такую погоду где-то во тьме странствует Седов. Луна сильно ущерблена, а во тьме бури ее не видно совсем.

20 декабря. Седов вернулся вчера вечером. Незадолго — сильно завывали и залаяли собаки. Выйдя с ружьем посмотреть, в чем дело, я увидел Варнака — одну из запряжки Седова. Километрах в двух мы встретили наших путников. Седов привез с собой серию астрономических наблюдений и — о сюрприз! — убитого медведя!

На мысе Литке первым делом построили снежный домик для магнитных наблюдений, но пользоваться им пришлось недолго: разрушил какой-то любознательный медведь. Палатка Седова оказалась в зимней резиденции медвежьего царства. Первый медведь подошел во время сильной метели. Варнак и несколько сибирских собак смело атаковали незваного гостя. Пока медведь бросался то на одну, то на другую собаку, Седов подошел совсем близко и быстро прикончил бродягу.

Открытое море плещется почти у самого мыса: ледяной припай у берега не шире километра. Седов почти каждый день оказывался лицом к лицу с новыми посетителями медвежьей породы. Один какой-то особенно предприимчивый забрался в снежную хижину, где было сложено мясо и шкура

убитого. Разломав хижину, грабитель вытащил мясо наружу и собрался было предаться пиршеству. Помешали собаки. Когда приходил первый медведь, на того нападали 3-4, остальные проявили преступное равнодушие или трусость. На этот раз наглость проходимца-полуночника вывела из нейтралитета всех. Даже наиболее робкие вступились за поправное «право собственности» и напали на грабителя мясной кладовой дружно — полетели ключья шерсти. Седов тяжело ранил и этого, но зверь был крупный. Собрав остатки сил, он пробил себе дорогу до воды и уплыл. Если б наши путешественники догадались захватить с собой побольше патронов, и этот не ушел бы. Седов не хотел стрелять не наверняка, боясь остаться безоружным в этом «медвежьем лагере».

Солнце приближается. Сегодняшний рассвет в полдень показал зарю слегка окрашенной у горизонта в оранжевый оттенок. Приподнимается темная завеса, и будет время — она подыметя совсем! Тогда покажется светило — источник жизни, и сиянием лика осветит берега, высокие мачты, а потом и всего заброшенного «Фоку».

Глава восьмая

...Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь всех ядов злее...
Лишает долгий зной здоровья и ума,
А стужа в севере ничтожит вред сама...

Ломоносов

Глубока еще ночь. Больше двух недель прошло с 9 декабря, а рассвета еще нет. Впрочем, в день Рождества отблеск полуденной зари имел явно оранжевый оттенок. Скоро, скоро поднимется черная завеса!

Рождество встретили по-русски, сумбурным весельем. После пушечного салюта объедались всем, что было лучшего в кладовых и трюмах. Но «праздничным гусем» оказался все-таки медвежий бифштекс. Пока шли разные закуски, орошаемые вином, компания весело гомонила, разговоры даже усиливались по мере усыхания бутылок. Но вот подали бифштекс — и все умолкло. Стук вилок и ножей о тарелки и аппетитное чавканье прерывались только возгласами:

— А не перекрыть ли по одной?

После трехмесячного воздержания все пожирали мясо подобно дикарям. Куски таяли, как масло на сковороде. Подчистив тарелки — обменялись впечатлениями:

— Хорошо мяско?

— Спасибо охотничку. — Хорошо!

А один даже разразился целой одой в прозе во славу мяса, ниспосланного отшельникам в ночи. Он закончил:

— Дайте, дайте сюда самого ярого вегетарианца! Я его не съем. Нет. Но посажу сюда на тощую диету каш, супов, киселей и консервов, он сам в два месяца вылечится навсегда от вредного психоза!

Вышел срочный номер журнала «Кают-Компания». Основался он еще при свете дня, но тогда влачил довольно жалкое существование из-за неимения постоянных сотрудников и редактора. Теперь журнал вышел в объеме большой газеты со всеми отделами с подписью редактора Визе. Как полагается газете, впереди в черной рамке траурное объявление:

Родные, друзья и знакомые его Превосходительства
Генерала-От-Инфантерии

Михаила Михайловича *Топтыгина*

извещают с душевным прискорбием о скоропостижной смерти его, последовавшей в бою при мысе Литке 14 декабря с. г.

Погребение 25 декабря.

Объявлений было немало; среди них выделялись:

«ОПЫТНЫЙ ЛОЦМАН прекрасно знает опасный фарватер в камбуз*, благополучно выводит из духовки пирожки и остатки обеда.

Адрес: Метеорологический проспект №1».

«К т о и з л е ч и т слепоту правого уха и восстановит утраченный слух левого глаза?

Адрес: Вилла Ароматов Ю. Т.»

Из телеграмм:

«*Ницца*. Известный поставщик продуктов для полярных экспедиций Д. приобрел в окрестностях Ниццы роскошное палаццо графов Х. Бакалейная торговля Д. в Соломбале за последний год дала 25.000% прибыли».

В журнале был отдел «Северная война» (читай: с белыми медведями). Фельетон, несколько стихотворений и рассказов, помещено даже официальное опровержение «Северного опведомительного бюро».

---

* Камбуз – судовая кухня.

Вечером в заключение всех праздничных утех состоялся концерт с участием хора сомнительной стройности и балетных упражнений весьма спорной грациозности, характера — явно неустойчивого.

28 декабря. Сильная оттепель $-1,1^{\circ}$ С. После обеда Лебедев, ворвавшись ураганом, объявил, что над ледниками показался огонь: «кто-то там ходит». Через несколько мгновений между матросами на мостике горячо обсуждался вопрос: что за загадочный огонь?

— Кто-нибудь ушел с фонарем — вот и всё!

— Вот и не всё! Все дома.

— Луна?

— Где ты — у себя в Шенкурске, что ли, такую луну видел?

— Какой-нибудь житель зазимовал здесь и поше...

— Нет, братцы, у него, видно, не все жители дома, ежели он думает, что здесь жители есть!

— А по-моему, блазнит. Леший амманыват!

Огонек же сверкал и, казалось, даже двигался у смутно различаемой черты горизонта над Новой Землей. Долго бы гадали, если б Седов не вспомнил, что Венера, ближайшая спутница солнца, должна взойти как раз в этих числах. Она была невидима до сих пор, но солнце приближается, и Венера — первая вестница близости его восхода.

1 января 1913 года. Новогоднее торжество: елка, чтение нового журнала и встреча. Елку для взрослых детей устроил Карзин из палки, лучинок и проволоки. Хвою изображали волокна раздерганного манильского троса. Елочные украшения — несколько отличались от обыкновенных. Бонбоньерок и хлопушек не было. Украшавшим елку пришлось припомнить все вкусы и желания обитателей «Фоки». Балерина самого разудалого вида, «молоденькая и хорошенькая», «эскимосочка», «богатая старушечка», «такая маленькая курсисточка», — простирали с ветвей свои картонные объятия. Рождественский дед с бутылкой казенки, амур с младенцем на руках, кильки в красных воротниках, куски селедки, колбаса, пробирки с ромом и коньяком, — вместо украшений. Под елкой целая батарея подарков в виде бутылочек для проб морской воды, на этот раз наполненных перцовкой.

Ровно в двенадцать часов удар пушки. Поднялся Седов и сказал:

— С новым годом, друзья! Новый год! — Что будет в конце его? С какими надеждами встретим следующий? — Не знаю. Но будем веселы, будем бодры, будем надеяться на самое лучшее! — Да! Да! Ура!

Мы сомкнули стаканы. Седов взвинчивал всех и заражал весельем.

Предавались мечтам, что сделаем в этот год, с чем вернемся. Говорили об упорстве и настойчивости, необходимых здесь, вспоминали родных. Позже, в 1 час 40 минут — в петербургскую полночь — еще раз поднялись стаканы:

— За друзей, за родных!

4 января. В.-С.-В. ветер. Вчера ударил сильный холод. Ртуть в термометре стояла на -28°C , но сильный штормовой ветер быстро забирался под одежду. Холодно. Сегодня температура понизилась до -33°C , ветер затих и, казалось, стало теплее. Во время рассвета работали на воздухе, убирая со льда постоянно проваливающуюся баню. Вместо нее в одной из цистерн трюма сложат русскую печь для выпечки хлеба. Там же будем и мыться.

7 января. В воздухе морозный туман. Луна светит тускло через его неподвижную пелену, не выходит из кругов и радуг. Круги иногда больше, иногда меньше, но всегда красивы.

И искрящийся туман заволок все видимое, мерцающими кристаллами осел на мачтах и снастях, убрал их белым пухом, превратив паутину вант в чудесную белую решетку, легкую и воздушную. Побелело все. Даже незанесенные снегом доски борта покрылись кустиками кристаллов, и черная смола превратилась в белый бархат. Выйдешь на воздух, и тебя волшебник-туман быстро перекрасит в общий цвет. Белым покрывалом сядет на шапку, покрасит одежду, подведет густо-белой краской брови и ресницы, застынет сосулькой на усах.

Крещенские морозы, как по заказу. Вчера минимальный термометр показал -41°C , сегодня $-42,3^{\circ}\text{C}$. Мы чрезвычайно рады прекрасной погоде. Пусть стоят трескучие морозы, только бы не надоевшее завывание вьюг.

10 января. Вчера мороз достиг $-45,4^{\circ}\text{C}$. «Фока» потрескивает на холоду, как жилой дом. Мы не думаем, чтоб мороз мог усилить течь: корпус достаточно защищен снегом — треснуть могут только верхние части наружной обшивки.

Сегодня ушли на охоту к мысу Литке Кушаков с Максимчем и Линником. С охотниками 16 собак.

Морозы не страшны пушистым красавцам сибирякам. Но архангельские собаки — в очень плохом виде. Мы пытаемся поддержать в это холодное время наиболее слабых. Я взял на свое попечение Волкодава. Кроме таких питомцев, у каждого из нас есть собственный фаворит-любимец. Любимчиков можно узнать по гладкому виду, по нахальству, с каким они рвутся в жилое помещение. Фаворит считает долгом сопровождать хозяина на прогулках и всегда сидит поблизости входа в ют. Завидев хозяина, пес выгнет спину и, бешено крутя хвостом, норовит лизнуть в усы.

14 января. День заметно прибывает. В полдень можно уже прочесть обыкновенную книжную печать. Стоят те же морозы. Сегодня -34°C .

Визе заметил интересные периодические колебания температуры и давления воздуха. Колебания очень слабы, но довольно постоянны. Мы думаем, что эти изменения — воздушные, приливо-отливные волны, вызываемые, как и морские, силой притяжения луны. Еще Гумбольдт указывал, что должны существовать воздушные приливы, но до сих пор никто не наблюдал их. И немудрено: в странах, где солнце восходит и заходит каждый день, нет возможности отметить эти слабые колебания воздуха, — они теряются в атмосферных явлениях, имеющих своими источниками влияние солнца и перемены давления воздуха. Только здесь в полосу штилей, при отсутствии влияния солнца можно обнаружить эти слабые воздушные волны.

15 января. Морозы дошли до $-50,2^{\circ}\text{C}$. Никто из нас не предполагал, что температура может опуститься так низко: до сих пор таких температур на Новой Земле еще не наблюдалось. Ртуть давно замерзла. При неосторожном встряхивании термометра шарик пробивает стекло и падает пулькой. Керосин превратился в густую маслянистую массу. В воздухе висит непроницаемый ледяной туман.

Вечером состоялось несколько партий преферанса. Во время игры мы поминали отсутствующих товарищей; общее мнение было — мы скоро можем ждать их обратно: при этих морозах море должно замерзнуть. А не будет воды, не будет и медведей. Мы боимся: не слишком ли легко снарядились ушедшие?

Около судна залаяли собаки. Под влиянием предыдущего разговора кто-то сказал: «Уж не наши ли охотнички?» — но произнес свое предположение настолько неуверенным тоном, а лай был так слаб, что игра продолжалась, засаленные карты с прежним азартом шлепались на стол.

И вдруг, в самый горячий момент игры, послышался стон, будто кто-то невнятно произнес:

— Братцы!

Все, вздрогнув, обернулись. В дверях стоял штурман. Он сильно дрожал и силился что-то сказать, но не было возможности разобрать ни слова. Сплошной кусок льда закрывал рот. Усы, смерзшись с одеждой и шапкой, спускались книзу, как моржовые клыки. Из страшной ледяной маски выставлялась только часть почерневших щек и конец багрово-красного носа.

Засыпав Максими́ча вопросами, почему он один, где остальные, живы ли, не нужно ли помощи, мы с трудом добились ответа — штурман почти не мог говорить, казалось, он был в состоянии сильного опьянения. Мы узнали, что остальные в палатке — километрах в двенадцати. Несчастный поморозил руки и ноги. Опасаясь вовсе лишиться конечностей, он не остался на ночлег — боль мешала уснуть, — а вышел к кораблю в сопровождении своего фаворита Штурки. С мыса Литке партия отправилась утром — штурман сделал переход в пятьдесят три километра. Последние километры Максими́ч почти полз. Потерявшие чувствительность ноги не держали усталого тела — бессонные ночи вовсе отняли силы. Несколько раз путник ложился на снег в полном изнеможении и начинал дремать.

Любимец Штурка в такие минуты садился поблизости и начинал выть по волчьему, как будто понимая опасность, какой подвергался хозяин, оставаясь без движения. Тоскливый вой будил замерзавшего. Он напрягал всю волю и поднимался.

Когда до судна оставалось уже небольшое расстояние, Штурка прибежал на «Фоку» — тогда-то мы и слышали лай собак. Один из матросов видел Штурку, но не обратил на него внимания, — совершенно позабыв, что Штурка в числе ушедших е охотничьей партией. Побегав около судна, Штурка вернулся к Максимычу и принялся лаять и теребить зубами замерзавшего хозяина. И на этот раз Максимыч имел достаточно воли, чтоб подняться и пройти оставшиеся полтора — два километра. Неподалеку от метеорологической станции он обессилел окончательно. К счастью, в это время вышел наблюдатель Пустошный и помог подняться.

Мы принялись оттирать пострадавшего. Более всего отморожена правая рука и нога, левые — сравнительно слабо. После часовых стараний удалось восстановить кровообращение везде, кроме пальцев правой ноги и ступни: они оставались такими же белыми, твердыми кусками, как и раньше.

16 января. С утра Седов отправился на помощь охотничьей партии. Кушаков заблудился; Седов отыскал его недалеко от перешейка Панкратьева полуострова. Температура воздуха -49° С.

20 января. Штиль, -37° С. Бедный Максимыч в постели. Отмороженные места превратились в пузыри, как от ожогов. Правая ступня покрыта сплошным пузырем, доставляющим большие мучения.

В эти дни многие из нас ходят с «розами» на щеках. В большинстве случаев розы — плоды кокетства. Существует такое — «полярное кокетство». Применяется оно здесь не женщинами, нет, это кокетство «полярных волков» или кандидатов на это почетное звание. Трудно иначе назвать поведение, свойственное в других странах «прекрасному полу». Вы читаете в книге старого полярника: «погода стояла какая угодно, только не приятная», а дальше помечена цифра -38° средней температуры за три недели санного путешествия и жизни в палатке — знайте: матерый волк хочет указать, что он жестоко страдал от холода, но волку жаловаться не годится. Это — наиболее тонкое кокетство. В книге другого выдающегося исследователя вы найдете описание случая, когда автор, проплыв вдогонку унесенного ветром каяка и окоченев, нашел

возможным щегольнуть пред своим спутником парой выстрелов по мимо плывущим пичужкам без крайней к тому нужды. Если заслуженные полярные волки не свободны от кокетства, то как нам, молодым волчатам, не позаигрывать немного с сердитой природой. Выскакивание на мороз в белье, купанье с каяка, ходьба при -50° без башлыка — все это виды того же кокетства. Но это не худо. Говорят, что женщине идет умеренная доля кокетства. Если так, то почему бы нашим волчатам не показать себя?

22 января. Сегодня в кают-компании красуется бюллетень метеорологической станции за январь (нов. ст.). Абсолютный минимум за месяц $-50,2^{\circ}$ С. Абсолютный максимум: $+1^{\circ}$ С.

Вечером прекрасное северное сияние. Одно время в зените наблюдалась слабая корона в виде пучков света, расходящихся из одной точки.

Чудо! Пройдут года, много лет, не останется на земле никого, кто бы мог видеть чудеса неба, а прекрасные ленты и короны будут разворачиваться, как и раньше, до первого проблеска мысли на земле, в полном равнодушии — наблюдает их кто или нет. А мысли, старавшейся проникнуть в сущность прекрасного явления, уже не будет.

Она умрет с последней живой клеткой. Так ли? Какая же цена жизни, если властительница мира, прекрасная в своем равнодушии, только смерть?

25 января. Свет прибавляется. Он радует сердце, несет бодрость и крепкие мысли. — Нет, не смерть владычица мира. Взгляни на бесконечное небо. Теперь Венера целыми днями шлет радугу лучей и только на ночь прячется под горизонт. Как прекрасна эта далекая планета! — По вычислениям — через два дня должны увидеть солнце. Да будет свет!

Во время рассвета пробежался на лыжах по направлению Южно-Крестовых островов: там над льдом держится водяное небо. Километрах в пяти от зимовья я увидел совсем близко темную полосу воды. Повернул было к ней, хотя казалось странным: почему я не видел ее с высокого берега? Чтоб проверить направление, которого следовало держаться, я поднялся на высокий торос.

Что за чудо. Вот так наваждение! Вода — как расплылась. Перед глазами тот же ровный лед, — никакой воды. Удивленный, я спустился с тороса... и снова увидел полынью. По ней плавали льды и, казалось даже, рябила зыбь. Снова поднялся на торос, и снова исчезла полынья, как будто лед всосал воду. Я несколько раз поднимался и опускался в нижний слой воздуха, производивший мираж! Само слово заключает представление о прекрасном видении! А здесь мираж — та же картина полуночного океана, столь же мертвая и мало отрадная, как и все окружающее.

Возможность совершать прогулки необычайно приятна. Весь светлый промежуток времени мы на воздухе.

27 января. Сегодня солнце перешло наш горизонт. Праздник. В 11 часов с флагами, плакатами и знаменами отправились на гору встречать восход.

Процессия прошла к заранее раскинутой палатке с яствами. Горела яркая заря, небосклон был чист, всех манила надежда увидеть солнце. Около 12 часов поднялся на небе красный столб-отблеск восходящего солнца, но оно не поднялось настолько высоко, чтоб показаться нам из-за новоземельских гор. Впрочем, несколько праздничных рюмок в палатке-буфете настроили всех достаточно празднично .

6 февраля. С 27-го по сегодня непрерывно свирепствовала выюга. Сегодня к полудню потихло, небо очистилось совершенно. Только поземь мела струйки снега по бухте и закрывала горизонты низким туманом.

И вдруг, неожиданно снеговой туман прорвался нежным лучом. Осветив текучую реку снега, блеснуло солнце.

— Солнце, солнце! — закричали на палубе.

Все бросили работу, закричали ура, ура — без конца — как будто совершилось особо радостное событие. Кто-то выстрелил из ружья, потом ударила пушка. Без слов мы стояли небольшой кучкой и смотрели на солнце, медленно высвобождавшееся из снежного тумана. Наконец-то дождались настоящего дня!

Состоялся экспромптом праздник. Лозунг дня: да здравствует солнце на долгие времена!»

Глава девятая

...Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло,
Как пламенна гора, казалось меж валов,
И простирало блеск багровый из-за льдов...

Ломоносов

«Нет никаких оснований называть «весной» время года сейчас же за окончанием полярной ночи. Действительно, приближалось весеннее равноденствие, а далеко на юге и взаправду наступала весна, но в стране, где жили мы, ничто не напоминало о весне. — Те же морозы, бешеные вьюги — не замечалось никакого влияния солнца: оно светило холодным блеском, и косые лучи не могли повысить температуру хотя бы на десятую долю градуса.

Но мы говорили — весна пришла. В самом деле, как иначе назвать радостную перемену в природе, как не весной? — При свете дня выступили почти забытые подробности окружающего пейзажа. Все казалось новым. На горах почти не осталось темных пятен — они поднимались к небу белыми привидениями. На льду, там, где раньше стояли высокие торосы, расстилась ровная волнистая пелена снега, изрытого застрягами*. На

---

* Застрягами называют сделанные ветром выбоины в снегу. Застряги встречались везде, но особенно крупны были на склонах гор и поверхностях ледников. Там эти твердые, как лед, снежные волны сильно мешали ходьбе, а нарта прыгала по ним, как телега по бревенчатой гати.

скалистых обрывах гор повисли узорами лавины, а у подошвы каменных стен образовались глубокие снежные коридоры. «Фока» тоже закутался: из снежной одежды видны только стройные мачты, бушприт с утлегарем да ют с трубой. Нет необходимости пользоваться сходнями, — прямо с борта шагаем на снежную равнину.

Все сияло белизной и радостью. Но наши жилые помещения при свете дня казались еще мрачнее. Когда в первый раз золотой солнечный луч ворвался в иллюминатор и заиграл в темноте кают, стало заметно, сколько копоти накопилось за зиму: при искусственном свете мы не замечали, что стены стали серыми от табачного дыма и копоти сутками горящих ламп.

Однако эти серые стены нимало не мешали предаваться самым розовым мечтаньям и никогда, думается, не слышали таких бодрых возбужденных голосов, как в эти первые «настоящие» дни.

Солнце взошло, наступает время, когда мы можем, наконец, приступить к работе в полном объеме. Мы готовы к ней; пред каждым непечатый край дела. Новая Земля почти неизвестна в этой части, — местности, где ступала человеческая нога, — все наперечет, и этих мест чрезвычайно мало. За высокой линией восточного горизонта скрыта загадка Новой Земли. Что там — отдельные ли фирновые* поля, как на Шпицбергене, или же — ледяной покров, как в Гренландии и на южном Антарктическом Материке? Мы уже теперь склонны думать, что вся земля погребена льдом, но это нужно доказать, наука не верит поверхностным наблюдениям. И мы чувствуем силу, необходимую для исследований. Осенние экскурсии дали опыт и показали чрезвычайную важность всех, на первый взгляд, ничтожных мелочей снаряжения. Мы способны были часами обсуждать разницу в несколько граммов суточной провизии, или посвящать целое заседание усовершенствованию укупорки саней.

Разумеется, такие споры можно было услышать только в дни бурь и метелей. Каюты пустели в каждый хороший день.

---

* Фирн — слежавшийся в зерна снег, мутный полуснег — полулед.

Затворники разбрелась на работу по съемке окрестностей, по исследованию ледников, или занимались очередной работой у корабля. Медведь, посетивши «Фоку» 27 февраля, мог хорошо рассмотреть все наши занятия. Часть матросов пилила дрова, другие примеряли шлейки и кололи лед на айсберге; оба наблюдателя хлопотали над чем-то у будок, Седов делал наблюдения для поправки времени, я проверял работу кинематографического аппарата. Порядок мирной работы был нарушен незнакомцем. Он, не торопясь, направлялся прямо к «Фоке», обнюхивая по дороге все заслуживающее медвежьего внимания. Седов заметил гостя в двух десятках шагов от пиливших дрова. Я принес винтовку раньше других. На мой маневр обхода с целью отрезать отступление медведь не обратил внимания, но обхода я не выполнил: зверя заметил Варнак. Медведь, завидев несущийся желтый клубок, струсил и быстрым галопом побегал прочь. Тем временем и остальные собаки заметили зверя. Началась погоня. Медвежий галоп на вид очень неуклюж и медлен, на самом же деле собаки с трудом догоняют. Видя, что расстояние увеличивается, я подумал, что состязание в беге выиграет медведь, и попытался остановить зверя выстрелом с большого расстояния, но, конечно, не попал. Мишке к его несчастью вздумалось отдохнуть; он взобрался на высокий торос. Тут беглецу пришлось плохо: наши псы, оцепив медведя, задержали его до прихода охотников. Медведь бы рад выбраться из западни, но поздно. Собаки кидались на пленника единодушно при первой же попытке прорвать кольцо. Едва медведь делал движение, дорогу заступал Варнак. Обозленный зверь кидался в его сторону, но Варнака и след простыл. В то же самое время Разбойник и Весельчак вцепились сзади; мишка оборачивается, но те далеко, а на шее сидит Ободрыш, снизу же — подоспевший Варнак рвет и теребит живот. Наконец медведю удастся стряхнуть с себя всех. Он прыгает на пять метров и поднимает зазевавшегося Весельчака. Можно подумать — Весельчаку конец. Нет — другие не зевают; тотчас же после прыжка на спине и на шее медведя — вся компания, ему уже не до подмятой. — А та, отделившись царапинами, с еще большим ожесточением кидается в бой.

Эта была первая охота с собаками. Я не был уверен, что собаки долго задержат зверя, и потому подбежал на сотню шагов и, выждав, когда поблизости не было собак, выстрелил и убил медведя наповал. Пуля попала в висок. Медведь рухнул, и вся свора набросилась теребить и рвать убитого. Это был самец с прекрасной шкурой.

1 марта. Сегодня под вечер Седов явился с прогулки с прелестным пушистым медвежонком за спиной. На Южно-Крестовом острове Варнак с Разбойником отыскивали на склоне горы берлогу и выгнали из нее медведицу с двумя медвежатами. Седов застрелил мать на расстоянии пятнадцати шагов. Одного медвежонка загрызли собаки, Седов едва спас другого. Варнак, перервав горло одним ударом зубов, самой волчьей ухваткой закинул детеныша за спину и понесся прочь, рвать и терзать свою добычу.

Итак, в кают-компании новый пассажир — Мишка. Звереныш успел покусать и исцарапать всех. Его укус посерьезнее собачьего, а удар лапки такого полутора-двухнедельного детеныша дает понятие, что за сила должна быть у взрослого.

2 марта. Кушаков в сопровождении Линника отправился на Ю.-Крестовые острова, привезти убитую вчера медведицу. Недалеко от первой берлоги собаки открыли вторую. На этот раз хозяйка ни за что не хотела покидать логовища, шипела, рычала, но выставляла только голову. Было бы просто застрелить медведицу, но винтовка Кушакова была чрезмерно смазана, курок не разбивал пистона. Тогда наш доктор вытащил револьвер, велел Линнику достать рогатину и, промолвив: «Линник, не выдай», пошел на медведицу со своим браунингом. Увы, револьверные пули слишком слабы для такого зверя, как белый медведь. К тому же Кушаков, держась на приличной дистанции, никак не мог попасть в голову. Выпустив целую обойму патронов, он прострелил только шею и ухо несчастной медведицы да выбил несколько зубов. Если бы зверь оказался более решительным, Кушакову со своей нестреляющей винтовкой и слабым револьвером несдобровать бы. Видя, что охотник никак не справится с медведицей, Линник, не дожидая выхода ее из берлоги, подошел вплотную и принялся,

сколько было уменя, орудовать рогатиной. Страшное оружие сделало свое дело: двух ударов не понадобилось. Через полминуты медведица лежала мертвой.

Одного из двух оказавшихся в берлоге медвежат и на этот раз загрызли собаки.

3 марта. Медвежонок, принесенный Седовым, начинает привыкать к перемене квартиры и стола. Сначала питомец упорно отказывался от еды и при приближении людей немилосердно шипел и ворчал. Вместо того, чтоб брать соску, наскоро состряпанную местными химиками из лабораторной пипетки, он норовил вцепиться в руку. Кому-то пришла мысль просунуть соску в кусок медвежьей шкуры и уже в таком виде преподнести нашему младенцу. Дело пошло на лад: Мишка хорошо тянет из соски разведенное молоко Нестле, мнет, как котенок, лапами шкуру, издавая звуки удовольствия, напоминающие пыхтение автомобиля на тихом ходу. Питомец окружен нежностью людей, которую им, видно, некуда девать. Усердные няньки, не обращая внимания на исцарапанные руки и порванные брюки, окружают Мишеньку неслыханным для медведя комфортом. Другой питомец, Васька, пользуется меньшим вниманием из-за своего тяжелого характера. Это — злющий звереныш. Проходя мимо него, следует оглядываться, если хочешь сохранить в целости штаны и икры».

Полярной ночью только и было разговоров о дальних весенних экскурсиях. Наступило для них подходящее время. Света — достаточно для хорошего дневного перехода. Собаки наезжены. Перевычислены поправки инструментов, путевые хронометры выверены. Готовы палатки, спальные мешки, кухни и вся мелочь, нужная в дороге. Пора и к делу.

5 марта вышли две партии. Одной ушли Визе и Павлов на разведку подъема на ледяной покров. Другая нарта потянулась на Южно-Крестовые острова — поехали Седов и я.

Те острова лежат на запад от зимовки. У первого — острова Назимова — плескалось море. Льды белели только на юго-западном горизонте. Море у островов мелкое. Окаймляя весь западный берег, белели «стамухи» — обмелевшие торосы. Остров красиво пустынен: единственный гурий на север-

ном крае свидетельствует, что некогда и сюда приходил за чем-то человек.

Второй, остров Пинегина, напоминает о многом. Вблизи его в 1872 г., затертый льдами, зазимовал и погиб вместе с сыном норвежец Тобисен, образованнейший ледяной капитан, доставивший много сведений о крайнем севере. В свою последнюю поездку Тобисен отправился без достаточного запаса провианта и был задержан льдами на зиму. Чтоб спасти людей, он отправил большую часть команды в шлюпках на юг; эти — после невероятно тяжелых приключений возвратились на родину. Сам Тобисен с сыном и двумя матросами зимовал на судне. Стесненный всем, в холоде, больной, он не прерывал наблюдений над природой и климатом и вел дневник до самой смерти. Обходя остров, убеждаешься, что он был обитаем не одними матросами Тобисена, переселившимися после его смерти на берег. Повсюду встречаются гурии, остатки построек, на северном берегу развалины очень древней русской избы. Попадают куски железа, доски от бочек. Нашли мы чугунную печь. Есть накренившийся восьмиконечный крест, другой недалеко — повален бурями. Есть несколько груд камней, похожих на могилы, в одной из грудок торчит обломок бревна, похожий на сломанный крест.

С чувством, как на кладбище, ходишь по следам человеческой жизни. Думаешь: вот он, холодный север, все победил, все разметал. И беспокойные новгородцы, и суровые норвежцы, и упрямые поморы — где они? А ведь это все были храбрые молодцы! Робкие не ходят искать удачи и счастья в неведомые страны!

Крестовые острова — медвежье царство³⁸. На второй же день один бродяга поднял нас с постели, едва мы устроились в палатке спать, другой встретился Седову в проливе, третий переполошил лагерь в пять часов утра, четвертый явился следом за этим. Мы не могли застрелить ни одного: заметив человека, медведи бросались в море и уплывали раньше, чем мы успевали взяться за ружья.

При посещении о. Пинегина я отделился от саней, чтоб измерить анероидом высоту горы. В это время сопровождавшие меня Варнак и Разбойник вдруг что-то почуяли и во весь

опор побежали к склону горы шагах в двухстах. Собаки в упряжи тоже взбесились и, завывая, понесли перевернувшуюся нарту. С трудом остановив упряжку, мы взялись за ружья.

Под самым обрывом чернело отверстие, дымящее паром, а оттуда, свирепо щелкая зубами, редела и шипела огромная медвежья морда. Собаки рвались в берлогу, но вход заграждала страшная лапа и могучая пасть.

Мы, не торопясь заканчивать охоту, с пяти шагов долго рассматривали медвежий дом и его хозяина, а в это время ярый охотник Фрам, вырвавшись из оставленной позади упряжки, стрелой пронесся мимо нас и с разбегу нырнул прямо в берлогу. Медвежья морда исчезла, из берлоги донеслись глухой рев, рычание и дикий визг собаки. Мы считали, что с Фрамом уже покончено. Но вот прошло секунд пять-десять, — показалась в отверстие Фрамова голова, опять исчезла задним ходом, а в следующее мгновение весь Фрам вылетел в виде сильно помятом, но живой. Парой выстрелов почти в упор мы кончили охоту. Еле-еле вытащили матерую медведицу. Я отправился исследовать берлогу.

В логовище вел тесный полутемный коридор, длиною метров в шесть. Сама берлога — просторная пещера в рост человека вышиной и диаметром метра три. При голубоватом свете, проникавшем через тонкий потолок, мохнатый от кристаллов замерзших испарений, я заметил двух медвежат, притаившихся в углу. Бедняги! Они видели в образе моем нечто неизмеримо-страшное своей чернотой, — с таким ужасом смотрели на вторгшегося! Однако при попытке взять бедных сирот пушистые создания показали себя настоящими храбрецами: они так основательно вцепились в рукавицу, я долго чинил ее потом. Пришлось, отогнав одного от другого, позвать спутника и потом уже вязать поодиночке. Наши пленники подняли невероятный вой; заслышав его, Варнак пробил лапами тонкий потолок и бросился на помощь с очевидным желанием разделаться с медвежьим отродьем по-своему. Мы еле спасли медвежат от его умелых зубов!

На Крестовых островах мы пробыли шесть дней. Седов, по подошедшему ледяному полю, пытался достичь Северно-Крестового острова, но потерпел неудачу.

Если б кто-нибудь чужой посетил «Фоку» в половине марта, он подумал бы, что попал в бакалейную лавку. Горы мешков, сбруя, белье, одежда, меха, инструменты, письменные принадлежности, пачки шоколада, вязанки сушек по стенам, кучи банок с консервами, кули, кулечки, мешочки и сверточки заполняли каюты, лежали на палубе, пока отвешивались и упаковывались разнообразнейшие продукты. Шли сборы в дальние санные путешествия. 17-го марта отправились одновременно экскурсии Павлова и Визе, а 19-го ушел к мысу Желания и Седов.

Время шло. Медленно, неуловимо для глаза солнце поднималось выше. Все длиннее становился день, а ночь, быстро укорачиваясь, светлела. Одни погоды, казалось, оставались прежними: те же холода, вьюги и морозные туманы. Однако 5-го апреля почувствовался перелом. Нахожу в дневнике под этим числом: «10° С. Штиль. Наконец-то стало теплей! С утра до обеда просидел за этюдом у мыса Столбового, несколько не озяб. На «Фоке» узнал, что максимальный термометр показал +3° С. Под вечер принес еще этюд, а днем сделал рисунок. Солнце ослепляет, а синева в тенях невероятна. По горам, не тая, но медленно испаряясь с черных камней, сходит снег. Около полудня пролетели над «Фокой» две чайки — первые вестницы с юга, куда в эту пору невольно уносишься воспоминаниями.

— Там у нас весной настоящей, чать, пахнет, — сказал сегодня со светлой улыбкой Лебедев. — Наверное, уж почки набухают, а сынишко то да... с веснушками уж ходит! — Весноватый он у меня.

Чайки весело кричали. Вся команда с детской радостью следила за полетом: «Это наши, беломорские!».

Медвежата тоже целый день на солнышке. Они совсем привыкли к людям. Наш первый питомец Мишка, надоедая всем, тянется лизать руки и сосать палец: ко-ко-ко-ко-ко, «кокает», как говорят матросы. В свободные минуты, бывает, сажусь на снег и подзываю медвежат. — И Мишка и другой, сердитый Васька, свои клички знают хорошо. Мои — Полынья с Торосиком — моложе всех и еще плохо усвоили имена, но на руки забираются; пестуешь, гладишь зверушек, а они,

шутя, кусают пальцы, ласково ворчат и «кокают». На ночь заваливаются в собственную конурку и спят вповалку друг на друге.

8 апреля. Со вчерашнего дня шторм. К вечеру он разразился хорошим крупным дождем. Опять сидим на судне и досадуем на непостоянную погоду. На этих днях сели на бак* две птички-пуночки (*Plectrophenax*), снежные жаворонки. Матросы побросали для них крошек хлеба. Поклевав, птички улетели куда-то дальше на север.

11 апреля. Тихо. Событие дня: скончался медвежонок Мишка. Бедняга больше недели страдал расстройством желудка: перекормили поклонники Мишиного ласкового характера. Покойный был уморительный звереныш и к людям привязался до чрезвычайности. Ласкался ко всем, играл с каждым, у кого было свободное время. Кушаков сделал вскрытие и нашел желудочную язву.

— ... Что с тобой? Ты плачешь? О зверушке? — весело закричал он помогавшему держать трупик К.

— Что же, доктор, хоть и зверушка, а полюбился он всем, жалко. Я смотрю, лежит ободраный, ровно ребенок. Уж такого больше не будет!

14 апреля. Пасха. Ясно. Салют, процессия и утренний обед. Сегодня на «Фоке» целый день колокольный звон «во вся». На взгляд — колокольная странна. На баке рядом с ездовым скляночным колоколом развешаны на палке различные звенящие предметы. Тут медная ступка, чугунный лист, и разных размеров клапаны от паровой машины. У каждого «колокола» — отдельный звонарь, вооруженный молотком, а хором звонарей страстно дирижирует то один, то другой. Звон хоть куда!»

Пятнадцатого апреля почти одновременно вернулись Визе и Павлов. Они — чтоб помогать друг другу — не разделялись до самого Карского моря. Только там разошлись в противоположные стороны.

Подъем на Новую Землю с западной стороны не особенно труден: начало его облегчается моренами. Обе партии подня-

---

* Бак — передняя часть корабля.

лись по моренам почти до самых нунатаков. Дальше подъем также не крут, но очень опасен бесчисленным количеством трещин и провалов, закрытых без следа ровным слоем хорошо слежавшегося и прибитого ветрами снега. Несколько раз караван останавливался, чтоб обойти ту или другую трещину, и наконец случилось: Павлов, шедший впереди, внезапно исчез. Визе так описывает это происшествие:

«С утра я и Павлов пошли вперед, чтоб проложить путь. Павлову начало казаться, что мы идем не по леднику, а по снежнику, и мы поспорили об этом. За спором мы совершенно забыли о трещинах. В это время я обернулся, чтоб взглянуть, далеко ли мы отошли от нарт. Убедившись, что мы отошли еще недостаточно, я хотел продолжать путь, но к моему удивлению, я не увидел Павлова. На том месте, где он стоял, виднелось в снегу круглое отверстие. С большим беспокойством я подошел к трещине, заглянул в отверстие и увидел казавшуюся бездонной синюю пропасть шириной аршина в два. — «Михаил, ты ушибся?» — крикнул я в трещину, в которой должен был находиться Павлов, но которого я не мог видеть в голубом мраке трещины. — «Нет!» — донесся до меня глухой, точно из подземелья голос. На сердце у меня сразу отлегло: жив! — «Ты глубоко упал?» — «Да! И теперь я убедился, что это не снежник, а глетчер!» Я предоставил Михаилу заниматься исследованиями глетчерного льда, правда, вынужденными, а сам побежал за Коноплевым и за Линником, спутником Павлова, чтоб общими усилиями вытащить его из трещины».

Вверху подвели к трещине обе нарты и спустили веревку. Она не достала. Вытащив ее, связали с другой, от укупорки нарты. Только связав три конца, получили надлежащую длину: Павлов висел на глубине 16 метров. Обрушив своим падением часть моста и пробив его одной ногой, геолог другой ногой и спиной упирался в стены скользкого ледяного ущелья — положение ненадежное. Более получаса понадобилось Павлову на разрешение трудной задачи: как поймать конец веревки, не двигая корпусом, и обвязать себя достаточно прочно одной рукой? Все приключение отняло около четырех часов. Бедный геолог отделался только ушибами, но уверяет, что мину-

ты полета он не забудет до самой смерти. Когда Павлов был наверху, решили поставить палатку недалеко от злополучного места. Распрягая собак, Коноплев вдруг заметил: «Тут место поло!» Визе ударил в снег палкой и обнаружил тотчас же большую трещину. Несколько шагов вправо тоже трещина, влево — тоже: друзья попали в лабиринт. Убедившись, что под самой палаткой трещин нет, решили другого места для лагеря не искать.

Визе сделал подробную съемку всего пути. Ширина Новой Земли под 76° около 75 километров. Вся средняя часть ее завалена льдом, скрывающим даже вершины гор. Высшая точка ледяного покрова — 900 метров. Перевал выглядит ровным, бесконечно белым плоскогорьем с поверхностью снега, сильно изрытой застрюгами. Белая равнина, слабые очертания гор на самом горизонте, струйки вечно курящегося под ногами снега — вот, по описаниям Павлова, пейзаж этого ледяного царства.

Карская сторона выглядит более жизненной. Может быть потому, что там ледники не доходят до уровня моря, а спускаются на сушу, как гигантские бараньи лбы. От прибрежных «столовых» гор, не опоясанных глетчерами, как на западной стороне, до моря остается полоса свободной земли. Визе видел двух оленей³⁹. Следы оленей и песцовые встречаются всюду. Перевал — ближе к Карской стороне, и потому уклон льда там круче, а спуск и подъем по нему значительно трудней, чем на западной стороне. Наши путешественники долго не находили места, годного для спуска. Овраг между двумя отполированными ледяными горами получил у друзей прозвище «чертовой лестницы». Крутой уступчатый спуск не годился для пользования санями даже на тормозах. Пришлось весь груз распаковать и спустить на плечах.

Весь переход на Карскую сторону, включая и дни, проведенные в палатке из-за свирепых бурь, длился две недели. Визе был в отчаянии: с оставшимся запасом провианта на две недели, ясно, невозможно дойти до мыса Желания. Визе прошел 40 километров к северу по восточному берегу, чтоб определить астрономически его положение⁴⁰ и снять на карту виденное. Из-за долго длившегося перехода через ледяной покров и

Павлов не мог пройти далеко на юг, но его главная цель — разведка внутренней части острова — была уже достигнута.

Обратный путь дался Павлову нелегко. Три дня просидел он на перевале, осажденный бурей. Одна собака замерзла в эти дни. Визе потерял трех собак.

Среди обитателей «Фоки» вера в удачу на севере стояла невысоко. Считалось, что там больше помех, чем возможностей. Ветер дует всегда навстречу. Медведь приходит, когда в него невозможно стрелять: если нет собак, вредит это обстоятельство, — есть собаки — мешают они. Есть патроны — нет медведя, есть медведи — нет патронов. Ружья стреляют все время, кроме поры настоящей необходимости. Много таких примет копили бывалые морские волки с «Фоки». Была еще одна: самые сильные бури — во время экскурсий. Чтоб испортить погоду, следует отправиться в экскурсию. И в этот раз, как бы подтверждая суеверие, с возвращением двух путешественников погода дразнила. Наступили дни умеренно холодные и ясные. Потянулись с юга птицы. 17 апреля отмечен полет больших стай маленьких нырочков (*Mergulus allae*).

22 апреля до пятого мая я совершил санное путешествие, обойдя морскую сторону островов: Панкратьева, Назимова, Пинегина, Берха и Б. Заячий. Эта экскурсия была сильно стеснена малым количеством провианта для собак. Обходя остров Панкратьева, я нашел громадные залежи плавника⁴¹, а на мористом берегу о-ва Берха открыл несколько пещер⁴². Несчастье, случившееся при осмотре этой пещеры с моим спутником Линником (он сильно расшибся, скатившись на камни по обледенелому откосу), заставило меня преждевременно вернуться на «Фоку», не исполнив цели — обследования о-ва Вильяма и берега за мысом Черным. Для характеристики санного путешествия в это время года привожу несколько страничек из путевого дневника.

«Спустился морозный туман, весь из мельчайших иголок. Они садятся на ресницы, на мех и одежду. Пред глазами, кроме собак и саней, ничего. А на десяток шагов во все стороны — навешена пелена. Мутная и неподвижная. Второй день не видим иного.

Ныряет по ухабам между торосами заиндевелая нарта, скрипит и качается. Иногда застревает между льдин в грудях торосов и валится набок. Тогда, надсаживаясь и браня не зная кого, мы ставим ее на полозья, помогаем собакам и бьем их. Потом опять идем длинным цугом. Часы проходят. Идем без конца, идем, идем. Становятся усталые собаки, хватают снег.

— А, ну, собачки, пррррр, пррррр, пррррр, нажмите, собачки! Ну, Динька!

Не говорим друг с другом: уж очень глухо звучит голос в белой мути. Глаза болят от напряжения проникнуть зрением туман. Где мы? День ли еще или ночь наступила?

...Днюем, лежа в палатке. После большого перехода к вечеру второго дня завидели в тумане неясное пятно, едва различимое. Через час были у мыса Крушения⁴³, и ставили палатку подле каменного сугубо мрачного обрыва. Были страшно горды: два дня скитаться в тумане, держать направление только по компасу и прийти в самую точку!

Собирались с утра так же смело проложить курс на юг, но еще с вечера мы оба почувствовали, что с глазами — неладное. К утру проснулись слепыми. Вот она, снежная слепота. Мы не надели в дорогу темных очков, думая, что в тумане не страшно блистание снегов. Теперь лечимся, льем друг другу капли в глаза. Еду готовим с закрытыми и завязанными глазами, на ощупь; свет — даже через закрытые ресницы — причиняет боль. За день до того мечтали: вот подойдет медведь, убьем его и подкормим собак. Теперь же больше всего хотим, чтоб медведи оставили нас в покое. Теперь мы слепые охотники. А медведь бродит поблизости. Накануне видели во время просвета тумана следы и самого медведя. Я было взялся за винтовку, но уже тогда глаза отказывались служить: он двинулся — виднолось сквозь слезы. Пока я разрешал вопрос, в которого же целить, медведь исчез.

...Мы стали ночью жить. Встаем в четыре вечера, ложимся утром в девять-десять. Ночью легче глазам: солнце ниже плывет, снежный отблеск слабеет. Ночью ветры умеренней, птицы с невидного моря прилетают на скалы, а тюлений сон крепче и покойней.

Когда после бурь и долгих туманов проглянет солнце и щедро раскинет животворящие лучи по здешнему великому простору — каждый раз кажется, что праздник наступил. Внутренняя струна сильнее бодрит. Любо ловить улыбки сфинксов — льдин, любо прищуривать глаза на блески алмазами зажегшегося снега — зеленые, оранжевые, розовые. Привольно брать грудью воздух для крика и получить веселый отклик:

— А-а-а, сейчас!

...Идем о кромку полыньи, пересекая синие-синие тени, которыми переплелись, словно обнялись, торосы, льдины и ропаки. Все, что совсем скрывается в туманную погоду, что еле различимо в пасмурные дни, при полуденном солнце обозначается с необыкновенной скульптурностью. Малейшая морщинка и складочка рисуются на снеге резко; застрюги же становятся похожими на орнамент. На снегу не видишь неизузоренного места. И вот по этому узору солнце проходит красками.

Идем по медвежьему большаку. Следов так много, что в иных местах не разобрать отдельных: сбиваются в одну тропу. Есть совсем старые — в виде возвышающихся столбиков, обдутых ветром, есть совсем свежие. Мы, обучаясь следопытству, пробуем сдувать кусочки снега, движением мохнатой лапы брошенные вверх.

— Эге, вот этот еще тепленький, — кричит мой спутник. — И правда — собаки рвутся, почуяв свежий след. Удерживать их не в наших расчетах. И вот, под вой и лай собак, несемся в погоню за мишкой, который успел убресть невесть куда.

...Первое мая. Сыплется снег. Метель и холод — 11 градусов — вот так маевка! На скалах, искрапленных снегом, дремлют кайры, а вдоль берега, несмотря на вьюгу, летят чайки и глупыши. Куда-то на северо-восток.

Не мигая круглыми глазами, они внимательно осматривают темные обрывы. Что они ищут? Родные места и старые гнезда? — Что ищем мы здесь?...

...Вчера брели до колен в снегу, проваливались по пояс между торосами, вязли ногами в трещинах, скользили по скатам льдин и падали. Снова вставали, снова шагали навстречу бешеной метели — страшному слепящему потоку. В поту, с

безудержной бранью на устах и в сердце, надсаживались мы, ставя и толкая тяжелую, облепленную снегом нарту. Трясушимися от натуги руками подымали кнуты и хлестали милых старательных собак и заглушали свирепым криком жалость к ним, качающимся на ногах.

И было пленящей, прекраснейшей мечтой: лечь без движения. Под первый попавшийся торос, но лечь, чтоб больше не натягивать ослабевших, дрожащих мускулов, — пусть то стоило, быть может, жизни. Но проходили долгие часы, а мы все шли. Другая мечта еще сильнее манила. То стояло райским видением, толкавшим нас, мокрых, голодных и обессиленных, навстречу злой буре. Мы поставим палатку под гротом, известным нам. Там палатку не сорвет. Там ляжем в теплый мешок и скажем себе: ты победил и пришел к своей маленькой цели! Свирепа и упряма природа, но ты ее еще упрямей и хитрей.

И вот потом, уже действительно лежа в палатке, спросил я себя, как спрашиваю часто: счастлив ли ты? Не нужно ли еще чего-нибудь? И я ответил себе: нет — только спать хочу; вот — засыпая, буду счастлив без оговорок».

Глава десятая

...Когда в воздухе был аромат сирени
и росла трава пятого месяца...

Уолт Уитмен

Мы ждали Седова к концу апреля — началу мая. Возвращаясь после двухнедельной отлучки, я ожидал услышать свежие «новости с мыса Желания», но Седова еще не было. Мы знали хорошо, что провиант его рассчитан только до первого мая. Следовательно, в мае Седов мог жить исключительно в счет удачной охоты. Охота же должна была быть — мы в том не сомневались: бродили же где-нибудь все те проходимцы, следы которых я видел? Да и к «Фоке» через день после моего возвращения пришел один из неуловимых в экскурсии. Я уложил его одним выстрелом. Медведь был небольшой, трехгодовалый, но мы говорили: пусть Седов почаще встречает таких молодцов! Хватит на две недели. Наконец, птицы прилетели — ими пропитается. — Так успокаивали мы себя, обсуждая долгое отсутствие нашего вождя. Однако было решено, что после 20 мая я с большим запасом провианта отправлюсь навстречу.

Седов вернулся в ночь на 14 мая.

Мы не узнали своих товарищей — так изменились они за два месяца. В прокопченной одежде, с заросшими бородой, черными, как у мулатов, лицами, настолько похудевшими, что губы обтягивали блестящие зубы, Седов и Инютин выглядели настоящими дикарями. Сильный запах ворвани обдал меня при встречном поцелуе.

Седов исследовал весь западный берег до мыса Желания — план исполнил целиком. Даже больше: не найдя в условленном месте Визе, Седов, обогнув северную оконечность Новой Земли, направился дальше на юг и достиг мыса Виссингер-Гофт⁴⁴.

Выяснилось, что очертания северной части Новой Земли совсем не таковы, какими мы привыкли видеть на картах. Изгибы берега нигде не совпадают с изображавшимися до сих пор. Седов, опытный картограф, часто разводил руками: как сохранить существующие названия, если их оказывается в одном месте несколько? Как закрепить названия мысов, заливов и островов, если в действительности их не существует? К концу путешествия Седов пришел к выводу, что больше всего можно доверять самой старой карте — Баренца. Но в местности у Большого и Малого Ледяных мысов береговая черта не сходится и с Баренцевой картой. Впрочем, те мысы не что иное, как выступы ледников, спускающихся в море обрывами 50—60 метров высотой. Вполне допустимо, что во времена Баренца, триста лет назад, очертания ледяного берега в общем совпадали с изображенными на карте Баренца.

Съемка однообразных ледяных берегов очень трудна. Половина времени ушла на астрономические определения⁴⁵, остальное — на преодоление трудностей пути. Поверхность льда вблизи берега всегда отвратительна, говорил Седов. Со стороны моря — страшные нагромождения торосов или открытая вода, обойти которую возможно, только поднявшись на ледник. Наиболее же неприятная из дорог — там, где ледяные стены опоясываются полосой недавно образовавшегося льда, иногда настолько тонкого, что от движения саней расходятся круги, как по воде. Поверхность молодого льда всегда покрыта слоем выкристаллизовавшихся морских солей. Сани и лыжи по такому льду скользят не лучше, чем по песку.

Можно представить, что путешествие по льду, обладающему такими свойствами, особенного удовольствия не доставляет. Но — что же делать, если с одной стороны высится неприступный ледяной обрыв, а с другой открытое море? Се-

дов, не имея выбора, несколько раз шел по узенькой полоске припая подле самой ледяной стены. Неоднократно нарта оседала, но удавалось каждый раз находить куски более плотного льда. У мыса Малого Ледяного сани, попав на особенно тонкий лед, внезапно оказались в воде вместе с людьми и собаками. Положение казалось безвыходным: при попытках вытащить нарту лед не выдерживал ее тяжести и обламывался. На месте крушения образовалась широкая полынья — в ней плавали сани. Люди же и собаки — то выбирались на лед, то снова проваливались. Седов считает, что спаслись чудом, а еще больше — упорным желанием жить.

Собаки, казалось, понимали беду. Когда, наломав вдосталь льда, сани достигли небольшой плотной льдины, вся запряжка дружно взвыла и разом выволокла сани из воды. Путешественники пробыли в воде более часа. Все, исключая ящик с хронометрами, привязанный на верху саней, подмокло, погибли все фотографические снимки, растаял последний сахар.

Окрестности Малого Ледяного мыса вообще памятны нашим путешественникам. Проходя той же узкой полоской прибрежного льда, приходилось часто приближаться к страшным ледяным стенам. Миновав один выступ ледника, сильно нависший над морем, Седов и Инютин услышали страшный грохот. Обернувшись, они увидели, что выступа больше не существует: он рухнул в море, уничтожив бесследно полоску льда, по которой только что прошли. В том месте бурно вздымались волны, из моря, сталкиваясь, выныривали громадные айсберги. Лед ломался вокруг по всем направлениям. Можно вообразить душевное состояние живых существ, оказавшихся поблизости ледяной катастрофы! Еле управляя обезумевшей запряжкой собак, тревожно оглядываясь, путники спешили убраться подальше!

По пути вперед открытое море виднелось только вдали. На обратном — оказалось, что лед успел оторваться от берегов. На месте старого — образовалась та самая полоска припая, которая доставила столько приключений. И эта полоска в конце концов прервалась. По счастью, в том месте подъем на береговой лед был возможен. Седов обошел полосу открытого моря по ледникам. Две собаки, Черный Медведь и Штурка, при восхождении на ледник провалились в трещину. Медведь

погиб. Штурка же какими-то загадочными путями выбрался из глубокой трещины. Через сутки израненный, с разбитым боком, пес догнал сани.

Открытая вода принесла не одни неприятности: стали встречаться медведи. За все путешествие Седов убил трех. Не будь медведей, положение его оказалось бы трагическим: главные запасы провианта иссякли еще до 1-го мая. Последние две недели путники питались исключительно мясом, варя и жаря его на медвежьем же жиру. Кухню заменила порожняя жестянка. Первобытный очаг действовал исправно, но... имел способность немилосердно коптить. Этим обстоятельством и объяснялся «прекрасный негрский цвет лица», так поразивший всех нас при первой встрече.

На мысе Желания⁴⁶ один медведь навестил палатку в то время, когда поблизости ее никого не было. Разорвав полотнище, мишка принялся хозяйничать по-своему. Услышав отчаянный лай собак, Инютин, в то время собиравший неподалеку плавник, бросился на выручку остатков провианта. С топором в руке матрос, под прикрытием палатки, подкрался к нарте, стоявшей с противоположной стороны палатки. Незаметно для медведя, смачно чавкавшего — в каких-нибудь двух-трех шагах за другой полой — Инютин с величайшими предосторожностями вытянул ружье и выпалил в грабителя почти в упор. Тяжело раненый медведь побрел по направлению моря. Седов, прибежавший на выстрел, не имел нужды преследовать вора: мяса имелось достаточно.

Кончился запас собачьих галет. Собаки отыскивали пищу сами. На одной стоянке Седов обратил внимание на усердие, с каким собаки, собравшись на крутом склоне горы, роют снег. Думая, не берлогу ли они нашли, Седов с ружьем поднялся туда, но, кроме глубокой ямы в снегу, не увидел ничего. Возвратился было в палатку. Но собаки своего занятия не бросали. Через некоторое время донесся радостный лай: докопались до трупа медведицы. Странная находка: медведица с двумя мертвыми же новорожденными медвежатами! Трупы были погребены слоем около полутора метров. Было ли семейство задавлено лавиной? — Или буря занесла берлогу очень толстым слоем снега, а ослабевшей в родах медведице

оказалось не по силам разрыть его? Или — тяжелые роды, быть может, бывают и у медведиц?

На мысе Желания стоят каменные гурии и старинный русский крест. Возможно — то знак полуполюгендарного олончанина Саввы Ложкина, который будто бы в XVII веке за три года обошел на карбасе всю Новую Землю. Подобный же крест Седов нашел поблизости мыса Медвежьего. Кресты — русские. Кто бы их ни поставил, они остаются памятниками отваги и предприимчивости безвестных русских мореходов из народа.

Глава экспедиции набросился на еду голодным волком. Борщ, консервы и больше всего хлеб исчезали, к удовольствию Кизино, в количествах невероятных. Мы не спали всю ночь, разошлись по каютам около полудня. Рассказывал Седов, рассказывали и мы о своих делах и приключениях. О чем не говорилось только!

За время путешествия Седов из прежнего веса потерял 16 килограммов. Отмыв смываемые слои копоты и грязи, вождь наш возвратил отчасти прежний облик. Только худоба осталась на некоторое время да что-то новое в лице — навсегда.

Вскоре после возвращения Седова погоды изменились. Холода ослабли, все чаще напоздали низкие, сырые туманы; когда их пробивало солнце, становилось теплей. Походило, что не воображаемая, а настоящая весна наступала и здесь. Мы скоро разочаровались в полярной весне: не радостную игру солнца, а слизь постоянных густых туманов видели мы, не шум быстрых ручьев, а вой ветров, не новые проталинки являлись каждый день — шло медленное разрыхление и оседание снегов. Меня, Павлова, Линника и Коноплева эта пора застала на Горбовых островах. Там на Большом Заячьем острове стоит избушка, построенная некогда норвежскими промышленниками; мы переселились в нее на некоторое время, чтоб быть ближе к острову Берха, который мы исследовали. Очистив избушку от снега, мы привели ее в порядок, вставили стекло в разбитое окошечко, устроили нары, умывальник и полочки, поправили трубу и печь. Просматривая путевую книжечку, в отделе метеорологических наблюдений, всегда аккуратно веденных в экскурсиях, я нахожу записи погод от 19 мая до

6 июня: за это время мною отмечены только три дня без тумана, все остальное время — сырая мгла, ветер, густой туман, изредка вьюга и дожди.

«Туман, туман, туман! — записано в дневничке. — В палатке такая погода показалась бы еще неприятней, но в домике живем неплохо. В сравнении с палаточной жизнью — роскошно. Спим раздеваясь, умываемся; вымокнув, сушим одежду не на себе, а перед печкой. Вот — только погоды. Сегодня быстро вернулись в избушку: усилилась метель. Не видать за несколько шагов, замела даже окошечко. Пережидаем. Пьем чай, играем в самодельные шашки, слушаем одним ухом философию Коноплева:

— Проснулся вчерась и думаю: какой сегодня день? Думал, думал, вспомнил, — воскресенье. Так. Значит, надо рожу мыть для праздника? А потом на память и пришло: ведь воскресенье-то уже прошло — ночью ведь живем. Стало быть — ночь понедельничная! Как же праздники считать-то будем? Вырежу я палку с зарубками и каждую седьмую отмечу тавром. И зарок такой положу, — как на сон отходить, зарубку новой зарубкой нарезывать, а то не разберешь, который праздник, которые будни!..

— Платон, зачем палку делать, у нас календарь есть. В нем не только воскресенье, но и положение солнца на каждую секунду показано; когда луна восходит и заходит, как звезды поднимаются — все есть. Вот он морской альманах. Даже обозначено, когда будут затмения и восхождение каждой планеты.

— Вот и назначен лунный восход! Где она, луна-то? Я позабыл, когда ее и видел! А по-моему так: если с устатку спать по-настоящему, то очень просто, можно полторы суток проспать. И в нашей стороне проснешься другой раз после обеда — не сразу поймешь: утро или вечер, а здесь — вон как! Что день, что ночь — все равно, а солнышка по сколько дней не видим. Вот вам и морской манах!.. Приедем в Россию, и вдруг окажется, что неверно здесь жили. Сколько греха-то будет!

— Платон, брось умные разговоры, — вступает Линник, — все равно никакой палки не сделаешь! Давай лучше топор точить, наверное затупился.

Топор остер. Но нет и дела. И спать больше нет мочи. Накалена докрасна чугунная печь. На нарах — мечтатель Коноплев и положительный Линник...

А на воле — метель сменилась густым туманом. Воздух совсем неподвижен. Но тишина зимы ушла. Несутся какие-то шорохи, часто слышен свист невидимых крыльев, тяжким вздохом ухает в проливе оседающий снег. А по ночам с невидимых берегов всегда доносятся зовущие птичьи голоса...

— Платон, пойдем на базары*.

Туман непрогляден. Снег вязок и труден для ходьбы. На лыжах — невозможно: липнут к дереву пудовые комки, под пяткой — ледяные кочки. Месить ногами снежную кашу, увязая по колено, тоже нелегкое дело. Но мы достаточно научились упрямству. Похватывая на ходу снег для утоления жажды, упрямо идем под мокрыми каменными обрывами. С невидимой нам в тумане верхней части этих каменных стен валяются оторванные морозами крупные камни и застревают глубоко в снегу.

— Платон, ведь так, пожалуй, голову проломит?

— И очень просто!

Платон останавливается под самым обрывом, снимает шапку — рад поговорить — и скребет пятерней мокрую, кудлатую голову.

— Вишь, сколько накидало!

— Так вот тебя сейчас и стукнет по голой голове, как по орешку.

— Ну, ну. Не так страшен черт! Уж и в самую голову! Авось и не заденет!

Навстречу тянут глупыши — буревестники (*Fulmarus glacialis*), ледяные чайки (*Larus glaucus*) и чайки-клуши (*Rissa tridactyla*). Чайки против обыкновения молчаливы, не вертлявы, летят, не меняя пути, на нас внимания не обращают.

— Платон, почему чайки молчат?

— Гнезда строят, вишь, рты-те мусором полны.

Убили несколько чаек и буревестника для коллекции. Коноплев долго щупает буревестника и хмурится.

---

* Птичьими базарами поморы называют места на островах и скалах, где гнездится много птиц. Птичье общество всегда крикливо. Наверное, и название произошло от постоянного птичьего гомона, «как на базаре».

— Самку убили... С яйцом... Грех!

...Ночным ветерком раздуло туман. Выявилось полночное солнце, и показалось нам «ущелье чаек». Рядом с ущельем живут кайры-пискуньи (*Uria mandti*). Даже днем, когда кайр нет на базарах, можно узнать, где их гнезда. На отвесных обрывах, с трещинами и уступами. Там всегда набивается снег. Глазу чудится, что это белые полосы на крылышках кайр; подойдешь поближе — нет ни одной. Ночью белых пятнышек становится больше — кайры прилетели с полыни. Самую птицу рассмотришь только вблизи, услышав тоненький посвист. Близорукому не рассмотреть совсем: черное оперение сливается с цветом скалы и снежным узором на ней.

Мы часто, оставив ружья, подползаем сверху к самому обрыву и, свесив головы, долго смотрим на жизнь непуганой птицы. Кайры видят пришельцев, беспокоятся немного, повертывают головы, но, если не делать резких движений, не улетают. Потом осваиваются и почти не смотрят на нас.

Видим, как кокетливые самки разбирают перышки клювом, словно кровавым внутри, потом счищают кармино-красными лапками с клюва пух и долго трясут коготком. Слышим негромкий птичий разговор, пискливо-протяжный. Драк у кайр не видали. Тихие, незлобивые птички. Всю ночь, до позднего утра, пищат на обрывах, присаживаясь иногда на лапки и прикрывая их пером. Спят неподолгу и чутко.

Гнезда кайр тут же в трещине, высланной пухом и перьями, выщипанными матерью из собственного брюшка. В это время у всех самок живот между лапками обнажен.

Мы пробуем спугнуть одну кайру с гнезда. Она не сразу поднимается, а прежде укрывает яйца пухом, подпихивая его движениями клюва.

Сходим с обрыва, а одна любопытная птичка слетает вслед. Почти остановилась в воздухе. Смешно растопырив лапки и часто-часто махая крылышками, она долго рассматривает нас.

— Не стреляй, — шепчет Коноплев, — смотри, брюшко-то выщипано!

Так же туманно, но теперь к туману прибавился дождь. В сенях норвежской избушки озеро; вода везде: наступишь

покрепче на половицу, и оттуда брызжет фонтаном вода. Идти далеко невозможно: уходишь в месиво воды и снега выше колена. Через полчаса такой прогулки возвращаешься мокрым с ног до головы.

Как-то дождь перестал ненадолго. С вершины нашего маленького островка стало возможно осмотреться. Как сильно переменялось все за две недели! Вместо белесого неба — темно-синие тучи, таких мы не видели с осени. Горы запестрели проталинами, у берегов образовались забереги-лужи. На проталинках, щебеча и играя, прыгают резвые пуночки, а около убитого нами тюленя стайка слоновокостных чаек (*Pagophilus eburnea*) ведет с огромной чайкой-клушей войну за право на внутренности убитого.

Грохот разносится по воздуху. Что это, гром прогремел, или звук ледникового обвала?

— Разрази меня на месте, — да ведь это гром! — кричит мне с восторгом Платон.

2 июня. На родине Троицын день — древний весенний праздник: цветы, яркое солнце, зелень березок, игры и любовь. Мы помним родину. Прибрались, помылись, а стены избышки изукрашили аршинными крыльями большой белой чайки. — Вольные крылья — не о вас ли мечталось и грезилось в детстве!

А Коноплев приуныл.

— И вот, скажу я, летела она, миляга, — а где, подумаешь, смерть нашла. Так-то и оно. И гляжу я — сторона такая чужая и дальняя, нет ни куста, никакой веселой живности, — прямо ничего. Гиблая страна, холодная. Зачем стоит такая земля? Кому она нужна? И человеку здесь — одна погибель, вот что.

— Вот ходили мы с Визе на Карскую сторону. Какая с того прибыль? Случись что с ним, — трещины-то везде, как капканы понаставлены, — куда бы я пошел? Объяснял он мне долго: шли мы на норóст, значит, обратно — держи на зудвéст. И компас показывал. А я — как никаких норостов и зудвестов не знаю — уж думаю: и мне помирать в таком случае. Лягу и буду помирать. Вместе пошли — один и конец. Куда пойдешь? Где ни были — везде все лед и лед, бугры да трещины, а если земля и покажется, все равно нет на ней никакого произрастания. Вот она, сторонка!

И теперь думаю: приеду в Архангельск, стану на базарной площади, шапку сниму и скажу: люди добрые и почтенные, не ходите на Новую Землю и детям своим закажите. Нет там ничего, кроме льда и ветров невиданных! А на зверя и птицу не льстите — своей жизни лишиться можете...

— Платон, зачем же ты-то сам пошел?

— Из-за интересу. Вот и теперь сосет в груди: какая такая земля Францусифа? Даже во сне сколько раз видал! — Тянет. Жизни не жалко».

Павлов, закончив свои наблюдения к первому июня, уехал на «Фоку». Я предполагал остаться на Заячьем до половины июня.

Пятого неожиданно приехали две нарты с «Фоки», с ними пришли Линник и Коршунов. Они привезли мне письмо Седова.

Седов решил послать на юг партию, которая доставит к первому пароходу, приходящему в Крестовую губу, копии всех работ, исполненных экспедицией. Во главе партии Седов решил поставить капитана Захарова. Главная задача — сообщить в Петербург, что в прошлом году «Фока» не достиг земли Франца-Иосифа, что более половины собак оказались негодными и погибли, что угля осталось ничтожное количество. С такими средствами достижение полюса становится маловероятным. Необходима помощь в виде присылки судна с углем и хорошими собаками. В письме Седов просил меня поместить привезенную на санях провизию в сухом месте: партия Захарова будет на о. Заячьем дожидаться возможности тронуться в путь на шлюпке. Меня просил вернуться, чтоб принять участие в составлении отчетов и успеть до отъезда отпечатать копии всех фотографий.

Все новости с «Фоки» — о предполагаемой поездке, да еще разве о посещении особенно настойчивого медведя: он подошел к зимовке среди бела дня. Собаки приняли его довольно дружно. Даже пуля не сразу остановила его горячего желанья рассмотреть «Фоку» поближе.

Глава одиннадцатая

...Стоит мне своим дыханьем
Только раз на землю дунуть,
Зацветут цветы в долинах,
Запоют, заплещут реки...

Лонгфелло

«7 июня. «Фока» неузнаваем. Покрашен и прибран. Сугробов, закрывавших борта — как не бывало. По палубе снуют люди в легких одеждах, жизнь кипит. А давно ли вылезали из-под снега угрюмые, бледные люди, торопясь бежали куда-то и опять ныряли под палубу — сугроб.

Весь откос полуострова обнажился. Там бегут веселые ручейки. Давно ли он высился бело-чеканной стеной, а отблеск сияния серебрил льдом затянутые камни? Где карнизы лавин? Где наша анемия и сумрачные мысли, где вялость и нерешительность осенней поры?

Бодрые люди с лицами, крепко опаленными снеговым красным загаром, встретили меня недалеко от «Фоки».

— Волчата подрастают, — подумалось.

17 июня. Те же туманы. Мы почти не покидаем «Фоку». Все спешат закончить научные отчеты и написать письма. Вычерчиваются карты и диаграммы; спешная работа закончится не ранее двадцатого июня. Досадно бы сидеть в весеннюю пору в каютах, если б погода манила. Но туман бесконечен; часто выпадают дожди. Впрочем, я иногда выхожу по ночам, посмотреть, как далеко подвинулась работа солнышка, не прилетели ли новые птицы, нет ли в гнездах яиц.

21 июня. Вчера капитан Захаров уехал на остров Заячий. Копии всех работ экспедиции и кинематографические ленты вручены запаянными в два цинковых ящика. Шлюпку поставили на двое саней. Тридцать собак неожиданно легко повезли ее. С Захаровым отправились: помощник механика М. Зандер, плотник Карзин, матросы Катарин и Юган Томиссар. Выбор спутников Захарова был сделан Седовым. Партию снарядили очень заботливо, снабдили тщательно подобранным провиантом, картами, компасом, инструментами, оружием и патронами... даже теплой одеждой на случай непредвиденного несчастья, которое заставило бы задержаться в необитаемой местности.

Сегодня в виде редкого исключения разъяснило. Температура в последнее время держится около 0°, редко поднимаясь выше. Один раз наблюдали + 6,4° С, но и минимум доходил до -10,9°С.

К метеорологическому отчету приложена табличка черт здешнего климата. Вот она:

По новому стилю									
	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь
Средняя температура за месяц: С	-12,3°	-10,6°	-12,0°	-25,1°	-18,3°	-15,3°	-13,9°	-9,0°	-1,6°
Средний месячный минимум: С	-16,8°	-14,4°	-17,2	-30,9°	-23,9°	-21,5°	-19,9°	-12,3°	-3,4°
Средний месячный максимум: С	-7,9°	-6,2°	-7,1°			-10,8°	-9,3°	-6,2°	+0,3°
Абсолютный максимум за месяц: С	+ 0,0°	-0,3°	-1,8°	+1,0°	-0,5°	-3,0°	+3,7°	+0,7°	+6,4°
Абсолютный минимум за месяц: С	-24,2°	-30,4°	-32,4°	-50,2°	-39,7°	-36,2°	-33,9°	-23,6°	-10,9°
Средняя сила ветра за месяц: м/с	3,9	6,2	6,2	4,3	7,6	5,2	5,1	4,7	7,7
Число дней с сильным ветром: больше 15 м/с	2	9	8	8	16	10	10	3	12
Вероятность бури	1%	4%	2%	5%	12%	4%	4%	0%	2%
Вероятность тумана	6,5%	2,2%	0%	3%	2,4%	5%	8%	13%	49,7%

26 июня. С утра дул свежий Ю.-В. ветер, насыщенный влагой и мглой. Отчаявшись работать на воздухе, принялся

было за генеральную приборку каюты-лаборатории. Вдруг в дверь просовывается голова Максимыча и выразительно-таинственно шепчет:

— Медведь!

Замешкался с непослушными, мокрыми сапогами. Выбежав, увидел, что охотничий гон далеко за мысом, а свора собак едва различима в тумане.

Пробежал было на лыжах некоторое расстояние вдогонку, но заметив, что медведь круто повернул от охотников к Панкратьеву проливу, я взял сильно правее и, пробежав километра два, сблизился с медведем настолько, что можно бы стрелять. Другие охотники были очень далеко, я решил подождать их и полюбоваться за это время движениями зверя, на редкость крупного и резвого, в борьбе с собаками.

Мишка, уже утомленный беготней по мягкому, влажному снегу, хватал его вспененной пастью, испускающей клубы пара и хрипкое рычание. Крупный медведь. Собаки рядом с ним ничтожно малые комочки. Сколько храбрости собачьей надо иметь, чтоб бросаться на такое чудовище! И совсем невероятна возможность удержать на бегу зверя, столь хорошо вооруженного природой. Однако, вижу: медведь бежит полным галопом, а из стайки собак вырывается отчаянный Волк, крепко с разлету впивается в бок и, не разжимая стиснутых зубов, волочится по снегу. Медведь задерживает бег: нужно же стряхнуть дерзкое ничтожество. Но едва галоп замедляется, — Разбойник виснет на самом горле и тянет книзу вытянутую шею, — необходимо остановиться совсем. А в момент остановки несчастный зверь уже весь облеплен собаками. Кто сидит верхом на спине, кто тербит брюхо, кто старается куснуть самую морду. Остановился. Попали одна-другая под удар могучей лапы. Ускользнув от страшных зубов, вся стая рассыпалась кольцом. С тяжелыми вздохами и злобным рычанием медведь переносит с плеча на плечо длинную шею и высматривает, где слабое место кольца. Не находит: везде зорко сторожат презренно-жалкие маленькие враги. Зверь что-то соображает. Садясь на задние ноги, начинает выдвигать их так, что они оказываются впереди, и втягивает одно-

временно шею; теперь все туловище напоминает согнутую пружину. — Момент... и пружина разгибается. Опираясь на задние ноги, медведь делает прыжок в шесть-восемь метров, прорывает кольцо и, подминая на ходу какую-то собаку, несетя что есть силы дальше. Ненадолго. Попадается на пути торос.

Пользуясь задержкой, собаки всей сворой рвут, теребят и останавливают. Я держусь шагах в тридцати. Вижу раскрытую синюю пасть со страшными зубами, клочки пены на ней и налитые кровью злые глаза. — Пробует опять сделать прыжок, но пред самым моментом его маленький Пират, впрыгивая сбоку, хватает за ухо и виснет. Медведь, сидевший в неустойчивом положении, от поворота и неожиданности падает. Происходит неопишуемая свалка, очень короткая, но из нее медведь вырывается, имея на белой шкуре красное пятно. Кровяные пятна и на собачьих следах.

Невозможно уйти от дружной стаи. Медведь оглядывается, замечает айсберг и пробует пробиться к нему. Опасаясь, что, заметив с высоты айсберга забереги, медведь укроется в воде, я пробую стрелять, но ружье дает осечку за осечкой из-за снега в затворе. Наконец раздается выстрел: разрывная пуля пробивает грудь навывлет. Страшная рана как будто не произвела впечатления: медведь помчался дальше и скрылся между обломками айсберга. Разыскивая, я внезапно очутился в двух шагах. Пришлось благоразумно отступить еще на десяток — стрелять, не задев пулей собак, было невозможно. Медведь кинулся было в мою сторону, но, осаждаемый собаками, счел за лучшее полезть на айсберг. Я застрелил беглеца в то время, как, провалившись между льдинами в сугроб, он силился освободиться.

Седов и Павлов прибежали, сильно утомленные, под самый конец охоты. Убитый зверь — крупная медведица с двумя детенышами. Живыми мы их не видали: собаки, отбив от матери, быстро затравили. Медвежата — этого года, но чуть ли не вдвое крупнее наших Васьки, Торосика и Полыньи. Очевидно: вольная жизнь и мясное питание идут медведям больше на пользу, чем молоко Нестле, кашка и ласки воспитателей.

Дни идут уже на убыль. Ночные солнечные тени становятся длинней. Ждем лета. Больше всех жду летних ясных дней, погод не меняющихся. Западает сомнение, — да будет ли такая пора? До сих пор моя работа с природы случайна, урывочна из-за туманов и ветров. Разъясняется, стихает ветер — я бегу писать. Часто берешься за кисть без охоты: но разве может быть иначе, когда знаешь почти наверняка, что только минутной радостью заморожены освещенные солнцем горы, что через полчаса они скроются в густых туманах, задует ветер, повалит снег? А ты — с досадой на помеху, с проклятьями будешь складывать малоуместные здесь художественные принадлежности.

6 июля. Изменчивы оттенки снегов, но человеческое настроение еще непостоянней. Разве не может одна улыбка женщины перевести все мрачное в радость ликования? Здесь женских улыбок ожидать не приходится. Но есть солнце. Оно одно наряжает краски и весь мир в праздничные цвета. Нет, не в тропических странах, а здесь быть солнцепоклонникам!

Сегодня я и Визе вернулись из небольшого трехдневного путешествия на Новоземельские ледники. Мы собирались отправиться первого июля, но только третьего перестал дождь, разошлись туманы, и улыбнулось солнышко.

Кругом — как расцвело. Снег превратился в крупные кристаллы, рассыпающиеся под ногой, как горох. Сани скользят не по снегу, а по мелкому льду. На морском льду — везде озера растаявшего снега. Мы обходили их насколько возможно, но ближе к берегу попали в запутанную сеть их: весь лед казался покрытым водой. — Пошли напрямик.

Кругом вода. Тихие озера оборачивают чистым рисунком светлое небо и ледник. Оглядываюсь — и кажется мне, что нарта с шестью веселыми собаками плывет по воде. Наши собачки сначала очень неохотно шли в воду. Но солнце заметно греет, тонкий слой воды заметно теплее влажного снега, и я вижу, как храбро рассекают грудью воду передовые — Беля и Труженик. У самого берега пресных озер на льду не видно: он разбит быстро ползущим ледником и речкой, что, слышно, шумит по камням.

Раскинули палатку на сухом мелком щебне. Одно это приводит в веселое настроение. В палатке жарко — забытое ощущение! Этот день мы работали на леднике. Идти по нему теперь безопасно: трещины крепко запаяны и легко отмечаются по грязному цвету снега, в них набившегося. Местами лед обнажен, изборозжен морщинами, буграми, но большая часть еще под снегом. Под ногами где-то внутри гулкий шум водопадов, кое-где в озера, наполнившие глубокие ледяные овраги, с шумом вливаются ручьи.

На ночь мы по старой привычке завалились в спальный мешок. Под утро проснулись от нестерпимой жары. Ноги, — как расплавленные, все тело ныло. С трудом открылись глаза. Сквозь тонкую ткань палатки бились солнечные лучи. В палатке жарко, как в бане. В небе — ни облачка. Тишина.

- Идем исследовать морены?
- До самого ледяного покрова?
- Хоть до Карской стороны!

После утреннего завтрака вышли. Перевалив гору в восточном направлении, подошли к озеру, питаемому ледниками. За озером путь по морене. Она как червь тянется в глубь земли длинной полосой грязи и камней между двумя громадными ледниками: «Таисия» и «Профессора Попова». Ежеминутно наталкиваешься на конусообразные возвышения грязи. Иногда сапог скользит по ее тонкому слою, закрывшему лед. Морена тянется километров на семь, то высоко поднимаясь над ледниками, то проходя по дну оврага между ледяными скатами. Морена привела нас к небольшому холмику — нуна-таку, и тут окончилась. За холмиком прекрасное горное озерко. С трех сторон спустились в него ледяные стены. Особенно величественна стена ледника Попова. Словно могучими взмахами огромного ножа нарезаны глыбы нежно-зеленого льда, — хватил тут-там беспорядочно, потом, кажется, кто-то все глыбы опрокинул, а одной полосы не осилил. Та — лишь погнулась, да так и стоит, смотрясь зазубренным краем в прозрачную голубоватую воду.

За озерком ледники сливались в один ледяной покров.

Собрав небольшую коллекцию окаменелостей, мы вернулись старым путем к палатке.

Следующие дни посвятили исследованию близлежащих гор и морского конца ледника Попова. По дороге к леднику мы изнывали от жары — пришлось снять фуфайки и остаться в одних нижних рубашках. На сухом песчаном берегу прилегли ненадолго отдохнуть; солнышко разморило. Мы уснули — в чем были — с фуфайками под головой.

9 июля. Прекрасная погода стоит неизменно. Почти безветрие. Солнце печет по-летнему — по крайней мере, так кажется нам. Работаем целыми днями на воздухе, опаздываем и к обеду и ужину. Какое действие производят горячие солнечные ласки! И эту промерзлую землю возможно немного оттаять, согнать толщу снегов, превратить их в пенящиеся ручейки. Ручьи шумят везде. Из-под каждого снежного пласта выбиваются веселые струйки, соединяясь, растут, прыгают по камням, образуют речки и озера. Лед в бухтах затоплен водой. Куда ни посмотришь — озера и лужи. И горы освобождаются: более низкие ополосованы длинными лентами снегов по оврагам. Дрожа в дальнем мареве, ленты переливаются каким-то странным колебанием, — чудится, что по горным склонам ползут живые белые змеи и свертываются на вершинах в плотный клубок.

Но там, дальше прибрежных гор, на отдаленном ледяном покрове, убежище белых снегов ненаруσιμο. В прозрачном воздухе теперь ясно видна главная линия могучего льда. Она — так же чиста, как зимой, и всегда из года в год, из столетия в столетие. Накаплиются новые массы снегов, расплываются, но верхняя линия оттого не меняется. Она слишком глубоко погребла все живое.

Почти так же мало надежды на то, что лед в нашей бухте растает. А Седов часто посматривает на горизонт, и складка его лба, приобретенная на мысе Желания, становится резче. Все море покрыто густым плавучим льдом, небо за ним — «ледяное».

Кругом «Фоки» лужи и озера. По ним плавают бесчисленные консервные жестянки и все, что бросалось за борт зимой. Среди всей этой грязи снуют собаки и медвежата. Медведки уже солидны, ходят переваливаясь и роются в грудах отбросов — нет ли чего съедобного. Питомцы наши грязны,

как сама грязь. Трудно поверить, что они детеныши белого полярного медведя, а не диковинная серо-зеленая разновидность этой породы. Я часто наблюдаю повадки славных зверьков. Какая своеобразная грация в каждом движении! Они не помнят матери, не знают свободы ледяных просторов, все их впечатления — «Фока» с его двуногими и четвероногими. Но все движения зверьков — точное повторение повадок взрослого медведя. Часто замечаю: неподвижно лежавший Торосик вдруг поднимается и, заноса голову против ветра, долго втягивает воздух мускулистыми ноздрями. Деловито повертывая шею, звереныш переносит голову направо и влево, внимательно смотрит прищуренными глазками куда-то далеко-далеко — «нет, не видно». Тогда поднимается на задние лапы, — все так же усиленно щурясь и вбирая ноздрями почудившийся запах. Потом лезет на льдину и долго высматривает оттуда. — Говорят родовые инстинкты.

Наши питомцы становятся очень сообразительными. Час еды и своего благодетеля Ваню-повара знают прекрасно. Еще задолго до обеда они все в сборе пред дверью камбуза. В это время с палубы их не прогнать. Для штурмана Максимыча палуба священное место. Он частенько пошвыривает нечистоплотных медвежат прямо за борт с достаточной бесцеремонностью. Но предобеденное состязание в упрямстве всегда и неизменно оканчивается победой нарушителей чистоты и порядка.

Только успеет Максимыч прогнать последнего, еще слышит, как Васька, убирая от ударов плетки неуклюжий зад, шипит с досады змеей и пыхтит паровозом, — а хитрая мордочка Полыньи уже у самого камбуза. А за ней и Торос.

Беда собаке — подойти к корыту медвежат. Удар лапы, быстрый как пуля, оглушает дерзкого; нередко в тот же момент другой — хватать зубами: медвежьи же зубы — серьезная вещь!

Ночью, когда все отдыхают от трудового дня и палуба пустеет, наши проказники обыкновенно отправляются к излюбленному ими айсбергу «Колодцу». Сначала взбираются на вершину и внимательно осматривают все дали. Затем — начинается возня, катание по снегу, повертывание, бесцель-

ные как будто бы прыжки, мытье шерсти, — особенно передних лап и ушей. Наблюдая их в это время, я не мог не заметить, что друг с другом играют редко. И выходит, что игра всегда кончается дракой. Чаще всего общительный Торос начинает заигрывать с Полыньей, щекоча живот или покусывая шею. Но, очевидно, медвежьи зубы созданы совсем не для ласк. Полынья, взвизгнув, начинает защищаться, — сначала шутя, потом дело переходит всерьез. Более благополучно кончается игра, когда они принимаются попросту бороться, стоя на задних лапах и наклоняясь в стороны, как заправские борцы.

Мирная жизнь медвежьего питомника в последнее время нарушена. Заметив их понятливость, я как-то дал Седову мысль приучить их к упряжи. Седов за эту мысль ухватился горячо:

— Великолепно! Что они дармоедствуют, в самом деле. На «Фоке» не должно быть дармоедов. Будут они у меня дрова возить! — Взялся за дело рьяно. Сегодня в первый раз запрягли несчастных мишек.

Бедные медведи сначала ничего не поняли. Тогда Седов пустил в дело кнут. Достаточно поревев во всю силу медвежих легких — все же сообразили, что нужно делать для избежания ударов плетки. В конце первого урока Полынья и Торос уже не упирались, а тянули нарту, — но только по направлению судна. Однако уроки упряжной езды очень напугали их. На человека смотрят подозрительно, не бегут сломя голову при первых звуках «ко, ко, ко, ко»: так подзываем их, когда хотим дать съедобного. Но в беде держатся скопом. Когда одного запрягают, остальные идут рядом. Когда бьют запряженного, ревут все три медвежьих горла: один медвежонок кричит от боли, спутники же — по сочувствию беде товарища.

12 июля. На берегу весь снег сошел; остатки по оврагам проедены ручьями. Под защитой камней зазеленела мелкая полярная растительность. Вблизи «Фоки» и у берегов появляется «розовый снег»⁴⁷. Теперь здесь не теплее, чем в середине зимы на юге России или в средней Европе. Но никто из нас на холод не жалуется. Наоборот: мы радуемся солнцу и теплу,

в то время как тепла в сущности нет: солнце стоит ниже, чем на родине в зимнюю пору. Точные наблюдения показывают, что температура воздуха не поднималась выше +11° С. Выходит, что не тепло радует нас, а отсутствие привычного холода? Где же верная мера человеческим ощущениям? Не так ли и счастье людское?..

18 июля. Стоит лето, полярное лето. Оно кратковременно, как узор на тучке, как пена волны. Нет, не лето, а зима здесь владычица. Не верится ни теплому ветру, ни совсем летним облакам. Речка вздулась, шумит, играет, прыгая по камням до самого моря — вот-вот его затопит! Но понаблюдай: настанет светлая прохладная ночь, туманы поползут, на горах выступит иней — спесь речки разом спадет. Полярные цветы раскрыли чашечки. — Припадаю к ним жадным взглядом и блестящим оком объектива: вот она жизнь вездесущая! Мертвящий холод большую часть года, и двух-трехнедельное лето. Быть скрытым одиннадцать месяцев из года и торопливо цвести несколько дней, чтобы успеть забросить на мерзлую почву живые семена под саженную толщу снега, которая может и не растаять! Это ли не символ надежды!

Над песчаным берегом моря, недавно обтаявшим — на длинных прекрасных крыльях взмывает кверху грациозная крачка — морская ласточка (*Sterna macrura*). Мечется по воздуху с жалким плачущим криком, усиливающимся по мере моего приближения. Без ее беспокойства не отыскать бы гнезда, но крачка, того не замечая, ведет к нему. Склонясь над гнездом, дивлюсь бесконечно: гнезда-то нет! Между кусками плавника, прямо на мокрой земле, перемешанной с гнилой древесиной, лежат два живых, теплых яйца. Где же предел живучести земной? Кто побеждает здесь — владычица зима или жадная жизнь?

У всех берегов большие промоины. По ним, кружась в течениях впадающих туда ручьев, плавают льдинки. Тихие розовые ночи. На «Фоке» только спим и едим.

25 июля. В эти дни погода резко изменилась: дожди и холодный ветер. На дожди никто не сетует, — они отлично разъедают лед. Нужно сказать, что старый лед не уменьшается в своей толщине: наоборот. Многократные измерения в одном

и том же месте ясно показывают, что лед не тает, а утолщается. Объяснение такого странного явления довольно просто. Я уже упоминал об озерах и лужах пресной воды, скопившихся на морском льду. Эта вода должна была рано или поздно просочиться через трещины и попасть в море. Но морская вода имеет более тяжелый удельный вес, быстрого смешивания потому не происходит. Пресная вода только понемногу насыщается солями, а до того она плавает поверх соленой. Пока происходит смешивание нижних слоев, верхние — успевают частью обратиться в лед, ибо обыкновенная температура морской воды здесь около $1,8^{\circ}$ — ниже точки замерзания пресной воды.

Трудно надеяться, что лед, заковавший «Фоку», может растаять. Все-таки дожди несколько разъедают льдины с поверхности и — главным образом — в местах спайки старых пластин. Там лед сравнительно тонок и пропитан кристаллами солей. Дожди и талая вода быстро растворяют их. Лед, лишенный солей, становясь рыхлым и пористым, легко распадается.

Таким образом мало-помалу распаивается лед, набившийся в бухту «Фоки» осенью прошлого года. Теперь окочечки морской воды темнеют по всей бухте.

Дождливая погода, мы замечаем, нравится тюленям. Всякий раз во время туманов и дождя видишь по бухте много неподвижно лежащих на льду. Не находят ли жители мокрой сферы, что без дождя в воздухе слишком сухо? Сегодня их сотни. Мы испробовали много способов охоты на них. Тюлени чутки, редко подпустят ближе 250—300 шагов, убить же нужно наповал, иначе раненый в секунду соскользнет в свою лунку — отверстие во льду. Для подобной охоты нужно обладать терпением и верностью глаза, чтоб сначала часами подкрадываться под прикрытием торосов и по открытому месту, в то время когда тюлень, опуская голову, засыпает, и потом сделать точный выстрел в голову — иначе случается, что в агонии убитый скатывается в море. Отправляясь на охоту, некоторые из нас надевают белые халаты, другие предпочитают быть похожими на тюленя, особенно в то время, когда придется ползти по открытому месту, и одеваются соответствен-

ным образом — в куртки и шапки, обтягивающие всю голову. Сегодня убито шесть тюленей.

27 июля. На мысе Столбовом много кайр. Иногда по ночам, лежа на краю его обрыва с сильным биноклем в руках, подолгу смотрю в расщелины, где спрятаны гнезда. Оттуда теперь доносятся веселые тонкие писки: птенцы вылупились. Гнезда неприступны: вверху отвесный каменный обрыв, внизу вода, огражденная со всех сторон высоким ледяным валом — остатком когда-то бывшего здесь громадного сугроба, любимого места наших зимних прогулок. Вчера я жестоко заплакал за попытку достать птенца для фотографии. Поскользнувшись в том месте, где ледяной вал примыкал к стене, я скатился вниз и попал в глубокую воду. Что-то около получаса плывал я, отыскивая выход из ледяной ловушки. Пришлось прикладом ружья выбивать ступени во льду.

Пока я плывал, кайры не обращали на меня внимания: может быть, они принимали меня за тюленя?.. Но переполошились не на шутку, увидев веселого человека без сапог, бешено носящегося по льду кругами в клубах пара и брызг!

28 июля. Если посмотреть с палубы, то по окошечкам морской воды замечаешь подвижные черные точки, иногда они показываются у самого судна. Это — тюлени выставляют головы, набрать воздуха. Вблизи — любопытное зрелище. Из воды выскакивают, как китайские болванчики, черные головки, похожие на человеческий череп, обтянутый кожей, — одна подле другой, часто до дюжины. Плясуны смотрят на человека с явным любопытством. Чтоб рассмотреть такую диковину — торчмя стоящего тюленя, они высовывают туловище наполовину, раскачиваясь блестящим телом. То один, то другой вырывается ластом на воздух и невольно погружается в воду, чтоб сейчас же высунуть еще более блестящую мордочку. Пляска длится, пока не подойдешь ближе. Вдруг наиболее пугливый с шумом ныряет, а за ним другие, — как по сигналу вспенивая добела зеленое море. Если поблизости есть другое отверстие, тюлени переключиваются туда, и пляска продолжается. Если же продушины поблизости нет, спустя несколько минут в старом месте показывается головка первого смельчака.

Мы бы оставили милых зверьков в покое, если б они не были так жирны. В каждом тюлене десятки килограммов сала, иначе говоря — топлива для будущего пути на землю Франца-Иосифа. Теперь, позабыв жалость, стараемся убить побольше тюленей⁴⁸. На старательно нюхающую мордочку смотрим не глазами исследователя, а — промышленника: велика или мала мишень для выстрела. Охотимся несколькими способами — один из них — с гарпуном* по «головкам». Один охотник стреляет, другой — наготове с гарпуном, чтоб сразу после выстрела, пробежав 20—30 шагов, успеть бросить оружие в тонущего тюленя. Попасть пулей за 30—40 шагов нетрудно. Но всадить гарпун удастся из трех раз один. То стрелять пришлось издалека, то лед по пути непроходим, то лунка широка, а, главное, гарпунеры мы плохие, это большое искусство — метко попасть в небольшую точку. Иногда случается, тюлень тонет как ключ. Охотник, подбежав, видит кровавый столб, спущенный в морскую глубину. Как все трудно достижимое, эта охота имеет своих приверженцев. Я за эти три дня три раза приходил на «Фоку» мокрым с головы до ног.

29 июля. Вернулся Седов с Горбовых островов, где он производил съемку берегов. Неприятную новость привез он с собой. Капитан Захаров до сих пор не решился отправиться на юг, в то время как открытая вода всего в шести километрах. Итак, наша почта к первому пароходу не попала. Очевидно, нужно бросить мечту о шхуне с углем и собаками и подумать, как без топлива дойти до Земли Франца-Иосифа. Теперь одна надежда, что шхуну или груз с нее мы найдем на мысе Флоры на З. Ф.-И., ибо об этом была последняя просьба Седова при уходе из России.

2 августа. Павлов отправился на остров Заячий с дополнительным провиантом для капитана и с поручением характера «дипломатического»... поторопить.

В паре с Седовым ходили стрелять тюленей. Седов выкупался, провалившись, казалось, на самом безопасном месте. Несколько дней назад и со мной случилась эта «обыкновен-

---

* Гарпун — копьё на древке с привязанной веревкой. Жало гарпуна — в виде острия рыболовного крючка.

ная история». Когда я рассказал о приключении за ужином, Седов воскликнул:

— Я очень рад!

Сделав вид, что обижен, я ответил:

— Ваше удовольствие мне дороже смены белья!

— Да нет же, я не злорадствую тому, что вы вымокли, а ведь лед тонким стал. Мы выберемся скоро! — Потом смеялись.

Сегодня, бросив Седову веревку гарпуна и вытаскивая его на крепкий лед, я со смехом повторил его фразу: «Ну что же, я очень рад»!

— Да и я также рад, — отвечал он, разбрызгивая воду подобно мельничному колесу. — Ведь это — прелесть, никакого подозрения, что тут можно провалиться. Пять раз в день готов купаться, только бы скорее лед к черту!

Лед разъеден. Даже с предосторожностями трудно избежать «обыкновенных историй».

С Кушаковым всегда происходят «необыкновенные истории». Он тоже попробовал спорт «по головкам». Выстрелив картечью в одного тюленя, Кушаков выбил ему глаза. Затем что было силы вонзил гарпун, веревка от которого для чего-то была затянута на руке петлей. Слепленный тюлень только после удара гарпуном нырнул в глубину и... повлек за собой остроумного охотника! Охота могла окончиться печально. Но — или раненый ослабел от потери крови, или было трудно везти на буксире такой солидный груз, — только тюлень, окунув жертву с головой, под лед ее не увел. В это время подбежал на помощь Седов и вытащил из воды двух связанных веревкой и одинаково мокрых.

4 августа. Бесконечный туман. Вчера вернулся Павлов. Капитан еще на острове. Седов, опасаясь, что капитан, ожидая особенно благоприятных условий для плавания, пропустит и второй рейс парохода, поручает команду над партией штурману Николаю Максимовичу с тем, чтоб он немедленно отправился в путь.

7 августа. Сегодня Седов, заметя особенно большого тюленя, послал за мной. Я, польщенный признанием меткости своего глаза, не ударил в грязь лицом и застрелил зверя одной

пулей. Он оказался самкой морского зайца (*Erignathus barbatus*), 2 метра 67 сантиметров.

Заметны ночи. Полночное солнце 2-го августа светило последний раз. Крепчают утренники, и иней на горах сходит не сразу.

11 августа. Медвежий день. В шесть часов утра Лебедев поднял тревогу. Прекрасное солнечное утро. Медведя заметил Коноплев. Мишка не достаивал взглядом «Фоку». Свернувшись пружиной у лунки, он поджидал тюленей. Коноплев, наблюдая через бинокль желтый предмет, долго не решался будить охотников, — так неподвижно застыл у лунки медведь. Наблюдавшему казалось — не желтая ли льдина там? Но вот появилась первая головка. Медведь, распластавшись в воздухе, прыгнул в воду, нырнул и через мгновение показался, держа в зубах добычу. Первым делом он раскусил тюленю затылок, потом отправился на высокий торос завтракать, таща тюленя подобно коту, несущему крысу. Из любопытства мы потом измерили, какое расстояние пронес тюленя мишка таким образом — не согнув шеи — оказалось 192 метра. Мы-то увидели мишу уже во время завтрака⁴⁹.

Вполне были уверены, что лакомка еды не прервет. Неспеша направились к нему, отдав распоряжение оставшимся натравить собак только при первом выстреле. Мы скоро должны были сменить шаг бегом: медведь, заметив нас, бросил трапезу и принялся удирать галопом. Я выстрелил в воздух, — собаки нужны, и мы погнались. Сблизились на пятьсот шагов только после долгой погони. После моего второго выстрела медведь схватился за зад. Наши псы окружили. Вместе с тем рана, хотя и слабая, мешала вырваться из круга. Прекрасный случай кинематографировать движения большого, сильного зверя и бешеную атаку собак. Я послал за аппаратом. От «Фоки» мы отбежали более трех километров, нельзя было ожидать аппарат ранее, чем через час. Седов и я, усевшись на торос, всласть насмотрелись на ухватки пленника.

Манеры этого взрослого господина те же, что у наших питомцев. Полынья после езды на нарте хватает снег для утоления жажды таким же движением и сквозь поставленные тон-

кой трубочкой губы вырывается тот же звук — у этого на две октавы пониже.

Собаки не давали медведю отдыха. Едва присядет, какая-нибудь проберется в тыл и куснет, как может. Укусы малочувствительны — но надоедливы. Один лишь Волк своими ужасными зубами заставлял медведя каждый раз яростно закидывать голову, чтобы схватить обидчика. Собаки в таких обстоятельствах стали нахальны до пределов возможности. Они лают в упор морды медведя. Понятна его ярость. Был случай: Арестант попался в лапы, медведь смял его, схватил зубами. Арестантов конец был близок, если б не другие собаки — они всегда дружно кидаются на выручку. Так и в этот раз медведь был вынужден выпустить добычу. Так что же, пострадавший убежал, или начал лизать раны? — Ничуть не бывало: он встал на задние лапы и стал хватать медведя за морду, точь-в-точь как собаки в драке между собой. За Арестантом вышла из строя Белька: ее медведь поймал зубами за плечо и, мотнув длинной шеей, швырнул по воздуху на десяток метров. Потом как бритвой располосовал ногу Гусара.

Мы стали думать, не обойдется ли кинематографическая лента слишком дорого? Собаки утомились и стали менее внимательными, а у медведя прием верный — хватать зазевавшуюся. Он нарочно прикинется утомленным, подберет настороженную шею. Раз! — и шея вытягивается. Или выстрелит лапой — иначе как выстрелом трудно назвать молниеносное движение толстого, на вид неуклюжего бревна. Рана мешала медведю делать большие прыжки, снять их не удалось в этот раз, но много интересных моментов на ленту попало. Иногда я с большой поспешностью хватал тяжелый аппарат и менял место. Винтовка Седова в это время поднималась на прицел.

Во время съемки собаки загнали медведя в тюленью лунку — мы боялись: не вздумал бы медведь нырять. Тогда Пустошный и Инютин накинули на голову ему петлю и с помощью остальных зрителей охоты потащили медведя из воды. Взбешенный медведь кинулся сначала на тянущих, потом на собак и оборвал веревку. Я этой игре мог уделить только несколько метров пленки: сто метров в кассете подходили к концу. Наконец, Седов застрелил одним выстрелом медведя.

Довольные удачной съемкой и охотой, мы весело направлялись захватить тюленя, брошенного медведем. Вдруг заметили еще одного. — Вместо заслуженного отдыха — опять бежать. Через полчаса догнали. Подбежали вплотную. Медведь, плавая в окошечке проеденного льда, еле вмещавшем огромную тушу, свирепо огрызался на собак. Мы постояли в нерешительности: как быть? Если застрелить его тут же — может потонуть, а у нас с собой — ни веревки, ни гарпуна. Посоветовавшись, решили попробовать выгнать мишку.

Я пустил пулю под самую кожу на лопатках. Несчастный взревел и поспешно вылез из полыньи. За пятнадцать шагов не трудно попасть под лопатку; однако пуля на задела сердца. Рассвирепевший до пределов зверь направился прямо на нас. В моем мозгу промелькнула быстрая мысль, — дальнейшая забота о красивом виде будущего медвежьего ковра может принести кое-какие неприятности мне и Седову, стоящему рядом с ружьем, но без патронов. Я поспешно выстрелил в голову, но промахнулся: пуля, скользя по височной кости, впиалась в шею, медведь продолжал двигаться на нас, оставалось пять шагов. Только после третьего выстрела в ухо он свалился буквально к ногам, обдав водой с ног до головы нас и только что подбежавшего Пустошного со своим оружием — веревкой.

Третий медведь подошел к мысу Обсерватория в то время, как все отдыхали после беготни за медведями. Этого собаки загнали в продушину, оттуда Пустошный выгнал его показыванием гарпуна. Мы быстро застрелили и этого.

12 августа. Судно наше живописно. На солнце светится свежая: краска. Палуба залита тюленьей кровью, тут же в ожидании съемки шкур лежат и туши; собаки лизут их.

На вантах освежеванные медведи и шкуры. Неободранный медведь лежит у борта. Наши медвежата с любопытством обнюхивают его. У Торосика проснулся инстинкт: он старательно роется носом в шерсти на груди и, не находя ничего, сердито ревет.

В награду за понятливость и за усердную работу в упряжи медвежатам дали под вечер наесться вволю тюленя, обгрызенного медведем. Еще раньше замечено, что наши лакомки

предпочитают мясу сало, если есть возможность выбирать. В этот раз они наелись до того, что не могли ходить. Животы их в буквальном смысле волочились. Полынья еще кое-как передвигала ноги, но Торос после двух-трех шагов зацеплялся брюхом и падал, блаженно вытянув морду. Не надо думать, что наевшись, они на некоторое время отказывались от пищи. Нет, нет! Первая цель их первого движения — как-нибудь добраться до недоеденного мяса! А там — ели, пока окончательно не утрачивали способности не только двигаться, но даже поместить в горло хоть бы один кусочек.

15 августа. Седов предложил мне вчера пойти прогуляться, взглянуть с Панкратьева острова на состояние льдов. По дороге мы обращали внимание на каждую дырку и трещину во льду.

— Смотрите, весь лед разъеден. Стоит подуть крепкому востоку — вынесет в море одним духом!

Такими фразами утешали мы друг друга, но чем дальше подвигались, тем мрачней становились мысли. Лед разъеден, но не поломан. Пловучий лед начинался в том же месте, где и зимой была полынья. Но и там лед сплочен, пробиваться кораблем очень трудно.

Едва вернулись на «Фоку», заметили возвращающихся штурмана и Визе. Свежие новости. Партия капитана вышла, наконец, 7 августа — об том гласил плакат в норвежской избушке⁵⁰.

15 августа. Годовщина отправления, вернее, прощания с близкими. По этому случаю праздничный пирог с медвежатиной, медвежьи почки и прочие изысканные блюда.

Седов в большой речи благодарил всех, указывая, что и незаметная работа каждого в своем деле становится видной в общем результате. А результат работы этого года таков: по пути к далекой еще цели мы за один год сделали работу, достойную специальной большой экспедиции. Именно: исследовали северный остров Новой Земли, уничтожив почти все белые места ее карты, и разрешили загадку внутренней части земли.

Достал новую тетрадь для дневника. Предыдущую я начал словами: это тетрадь солнца, — следовало бы в начале этой поставить «вторая — тьма». Да, солнце уходит: эти стро-

ки пишутся уже при свете свечи. Как торопится прийти сюда ночь! Ночи настоящей еще нет, но предчувствие ее ощущается. С каждым днем гаснут краски, что ни сутки — раньше замечаешь сгущение сумерек. Через два месяца, торжествующая — вступит в свои чертоги. Будет рисовать узоры сугробов, петь бесконечные песни.

Неужели вторая ночь застанет нас на том же месте?

Все приготовлено к плаванию. Эти недели решат нашу судьбу. Жизнь в ожидании. Мы работаем, наблюдаем, думаем, сражаемся с медведями — вот внешние формы жизни. У каждого есть своя мечта. Мы пытаемся делать все для нее. А природа смеется над нашими стремлениями.

И общая мечта всех плыть дальше на север зависит ныне от ветра: если будет «восток» в течение ближайшей недели, мы поплывем. Нет — останемся еще на год здесь.

Глава двенадцатая

Далеко за морями скрыта от людей
Белая земля...

В двадцатых числах августа сумрак полночней еще не густ. Шумят еще ручьи, еще не отцвели совсем жалкие растеньица, и горы только на ночь кутаются в серую сетку тонкого инея. Тепло еще... Но чувствуется уже о эту пору веянье близкой зимы. Холодком тянет утренний воздух, на ночь совсем замерзают ручьи, а пресноводные озерки по бухте покрываются звонкой корочкой — совсем такой, как поздней русской осенью на заводах и прудах. Еще неделя, две — выпадет снег, лед окрепнет, и будет здесь зима.

Беда мореплавателю, задержавшемуся до этого времени в глубоком вырезе берега. Известно, что Ледовитый океан в иных частях свободен — иногда даже после прихода зимней тьмы, тогда как тесные проливы и бухты уже давно стоят. Выдаются годы — отдельные куски моря не вскрываются совсем. Таких случаев мы знали множество. Не обольщаясь, определяли положение ясно: если в течение ближайшей недели залив не вскроется, ему не вскрыться совсем.

Так думалось всем. Но радость всегда приходит нечаянно. Двадцатого августа ледяные цепи разорвались совсем неожиданно. Еще накануне мы заметили слабое движение в чашке пресной воды около корабля. Льдинки, плававшие там, заколыхались, как будто бы отдаленное волнение, чуть

коснувшись нас, слабо колыхнуло эту чашку. Нечто подобное наблюдалось и ранее, никто не придавал явлению особенного значения. И я, в тот день дежуривший, добросовестно отметив в журнале волнение льда, подумал тоскливо: «Где-то, не так далеко, вздымается зыбь широкого моря, режут ее свободные корабли — их капитаны вольны избирать свой путь!..»

Вахтенный Шестаков вошел в мою каюту задолго до срока наблюдений. Он разбудил меня и, стараясь сохранить солидный вид старого помора, которого ничем не удивишь, доложил:

— Лед в бухте ломаться зачал.

А улыбка сорвалась. Пред тем насупленные брови заползли на половину лба, и раскололась безусая физиономия, — вместо баса юношеским тенорком вылетело:

— Ну и занятно!

Не было еще четырех утра. В безветрии, просекая жидкий туман, моросил дождь. Из-за мыса мягким ворчанием неся ровный гул, — не то совсем далекий гром, не то грохот прибоя, — за мглюю тумана что-то происходило. Гул усиливался, близясь, окружал корабль и нарастал. Со всех сторон, разрезая туман серыми и изумрудными штрихами, черкали трещины. Одна — выстрелом порвала лед под самым форштевнем* и, сразу же превратившись в канал шире метра, дальним концом скрылась в мути тумана. Весь лед грузно колыхался — тихий воздух все полней насыщался хряском и шуршаньем льдин, трущихся своими краями. Две собаки, отрезанные от корабля, с испуганным лаем и повизгом метались из стороны в сторону, отпрыгивая от расщелин, разверзавшихся всюду.

Пока я производил метеорологические наблюдения, картина зимовки резко изменилась. Трещины расширились, их пересекли новые. Некоторые льдины, развернувшись, поплыли, другие повернулись, и равнина вокруг «Фоки», так изученная за год во всех мелочах — с тропинками, с остатками

---

* Переднее крепление корабля.

построек — разъехалась, приняв подобие составной картинки, тронутой шаловливой ручкой ребенка.

Наши молодцы спали крепко: гул вскрывавшегося залива поднял одного только Лебедева. Записав отсчеты инструментов, я разбудил Седова и штурмана. Что за веселая суматоха поднялась на «Фоке»! Один за другим выскакивали люди в одном белье или в куртках и фуфайках, натянутых наскоро. — Где вспоминать про штаны при таком важном событии! Была бы шапка на голове!

Шире раздвигался лед. Туман поредел — определилось ясно: все проливы и бухты поломаны, от мыса Обсерватории — широкий канал.

Будь все в сборе, а котлы под паром, «Фока» одним духом прошел бы по этому каналу до Крестовых островов; за островами виднелось море. Недосчитывались Павлова: он с вечера ушел обследовать отдаленнейшую часть полуострова. За бродягой геологом отрядили Визе; тем временем Седов отдал приказание поднять пары.

Сладок земледельцу дух унавоженной нивы на первой борозде, художнику — аромат готового холста. Спросите еще моряка, что чувствует он, заслышав после долгой зимы запах пара и гретого машинного масла?

К полудню «Фока» уже вздрагивал; котлы кипели. Все на борту: собаки, медведи, приборы и шлюпки. На знаке зимовки у Михайловой Горки оставили записку. К вечеру вернулись Павлов и Визе. Все готово — можно в путь. В восемь часов заработала якорная ледебка.

— Цепь чиста-а-а! — донесся голос бакового. — Якорь готов!

День, день, зазвенел в машине телеграф; ответили, — готово! Вода пенным потоком хлынула на лед за кормой...

Нелегко освободиться от льдин, сжавших борта, — за год их толщина достигла почти четырех метров. «Фока» не меньше получаса рвался из тесных объятий; наконец, одна из «брюнеток», густо заваленная грязным винегретом из всяческого мусора, подалась в сторону. Корабль протиснулся в узкий каналчик, дальше пошел ходом, расталкивая обломки свежеомытых льдин.

В этот вечер «Фока» прошел не больше мили: повстречались крупные ледяные поля, спустился туман, пришлось остановиться. Весь следующий день мы дрейфовали со льдом недалеко от зимовки и едва не попали на камни у мыса Обсерватория. Только 24 августа подул желанный «восток». «Фока» поплыл вместе с потоком льда от матерого берега. Пред закатом солнца «восток» засвежел; полосы льда одна за другой уходили в море. К темноте и нас подхватили паруса, вынесли на свободную воду. Мы плыли по морю совершенно свободному недолго. Пред рассветом натолкнулись на густые льды, граница их почти на таком же расстоянии от берега, как в предыдущий год. Седов повернул на юг, — он решил на этот раз вступить во льды только на меридиане мыса Флоры. Путь по нему считается самым надежным для достижения Земли Франца-Иосифа. Мы зашли еще на остров Заячий, чтоб устроить в норвежской избушке склад провианта⁵¹, затем поплыли к югу, чтоб обогнуть льды, тянувшиеся до полуострова Адмиралтейства⁵².

Из дневника 27 августа. Опять в плавучих льдах. Вступив в лед около $75^{\circ} 20'$ с. ш., шли до позднего вечера почти без задержек. Теперь ночуем в полынье. Ясная, освещенная кровавой северной зарею ночь. Полный штиль. Встают у борта иглолочки и укрывают воду тончайшей прозрачной сеткой, — ее даже не видно. Нужно, чтоб лед чуть-чуть передвинулся — тогда в местах разрыва проползает по полынье белая ниточка. Выстанет тюлень — останется белое кольчишко.

28 августа. С утра пробивались довольно успешно, — лед не очень сплочен. Но ясно: дальше на север — все плотней и толще пластины, выше — торосы. Легкий морозец; иногда приходится идти каналами, покрытыми плотной коркой молодого льда. В таких местах «Фока» ползет подобно мухе, попавшей в соус. На палубе тогда угрюмое молчанье, его прерывают только сердитые выкрики команд да непрерывные звонки в машину: «назад — вперед — назад».

В самом деле веселиться не от чего: ледяной пояс только начинается, а топливо уже приходит к концу. Если изрезать на дрова баню, то ее вместе с плавником хватит на трое суток. Мы же, пробыв во льду чуть не двое суток, не достигли еще и

прошлогодней широты. Но, как и в прошлом году, отдельные пластины смерзаются в поля, оставляя все меньше каналов. Мы ждем перемены, через подзорную трубу высматриваем с бочки, нет ли лучшего пути, но не видим ничего утешительного. Куда ни взгляни — одна картина. По горизонту — марево белой безбрежной пустыни, в сеть редких каналов вкраплены лужицы и полыньи. Вблизи — горы изумрудно-белых чудовищ-льдин. Они не знакомы ни с жизнью, ни с теплой водой, капризно вылепленная поверхность чиста: ни следов зверей, ни кусочка грязи. Только после прохода «Фоки» остаются черные следы борта и измочаленные щепы. И в дополнение к картине — «Фока». Он бьется из последних паров, коптя последним мелким углем, вырывается из одного канала, чтобы застрять в конце другого. На мостике несколько черных, ничтожных в великой пустыне фигурок. Они напряженно следят, насколько их путь отклоняется от показываемого стрелкой, и сколько пройдено за час.

29 августа. Полуденные наблюдения $77^{\circ}1'$ с. ш. Ясный день. Морозит. С утра встретились мощные льды. Все каналы под толстой коркой. Наше положение таково: до мыса Флоры 157 миль, до южной границы льдов 75 миль. Топлива осталось на двое суток⁵³. Если впереди лед такого же характера, — все наши стремления к северу обречены рассеяться с дымом последнего полена под котлом. Двигаясь прежним ходом, мы остановимся немногим далее половины пути, и, если не придумаем особо-чрезвычайных мер, вмерзнем в плавучий лед. Истине нужно смотреть в глаза.

Вел разговор с Седовым о нашем положении. Меня, как дежурного по кораблю и человека Седову наиболее близкого, остальные члены экспедиции просили передать ему их мнение, что борьба со смерзающимся льдом может окончиться дрейфом во льду, — к нему «Фока» совсем не приспособлен.

Разговор произошел в то время, как «Фока» начал резать лед, образовавшийся за ночь. Кругом простиралась пустыня — жуткая бесконечностью и мертвой, грозящей тишиной. Георгий Яковлевич сказал мне:

— Нам нужна Земля Франца-Иосифа. На мысе Флоры Макаровым сложен уголь; если топлива не хватит — будем

жечь судно: что же делать? Идти же назад, пройдя труднейшую половину, преступление. Да и назад путь не легче, чем вперед. Проклятые льды!

30 августа. Со вчерашнего вечера — более проходимый фарватер. Подул ветер, слегка расширил каналы, слабеющей машине помогли паруса. Скажу правду: утром настроение на корабле — царство угнетенности. Чудовища, именуемые топками, сожрали, наконец, и баню. Теперь в ход пошли разные доски и иной горючий хлам; пробуют ворвань тюленей. И ворвань превращается в пар! Если ее смешать с только что выгребенной золой, горит чудесно, — механик не нахвалится. Матросы тащат последние поленья, доски и всякий мусор. Трудно удержаться от мысли о будущем. Наверное с меньшей жалостью провожает разорившийся богач красивую мебель, любимые вещи, чем мы остатки топлива. — Вот на этом бревне можно растопить льду для питья на два добрых дня, а обрубки канатов, смоченных в машинном масле, должны прекрасно накаливать печки.

Да, настроение подавленное. На мостике, по временам, мне кажется, я как глазами вижу, что в груди Седова кипит и пенится... Держит упорно по компасу прямо на норд, не сворачивая ни на полградуса. Часто по пути небольшие льдинки — он режет их с наслаждением. «Э-э-э-х! Если суждено пройти, то пройдем!» Я люблюсь им, как образцом воли, да и вообще человека. Есть нечто в человеке, заставляющее всех зверей отворачиваться от его пристального взгляда. Это нечто в Седове выражено резко, подчеркнуто. Такая подчеркнутость — самое характерное в нем.

Под вечер ветер стал крепчать. Полыньи, очистившись от сала, стали проходимей. Физиономии повеселели. Вплоть до темноты мы шли отлично под парусами. В последний час лот показал семь узлов, — если так будет продолжаться, мы достигнем земли.

31 августа. Проснулся от возбужденных разговоров в кают-компании. О чем может быть такой горячий разговор; уж не землю ли увидели, не идем ли открытым морем? Едва я спустил ноги с койки, — сильным толчком меня повалило обратно, посыпались книги, зазвенело рядом в буфете, а в кори-

доре кто-то раздраженно заворчал: «Вот бьют! Так без головы останешься!» — Нет, об открытой воде говорить не приходится, колотим лед по-старому.

Увидели — не больше, не меньше — Землю Франца-Иосифа, тотчас же после восхода солнца. До земли не ближе семи-десяти миль. Не верилось. Бывшие на мостике горячо доказывали, что прозрачностью воздуха и рефракцией* объясняется столь редкая видимость еще отдаленной земли. Мне-то до сих пор сомнительна эта прозрачность. Но в это утро нельзя было оставаться неверным Фомой.

Однако, нет сомнения, сегодня мы увидим Белую Землю. Главная преграда — позади. Во всех направлениях широкие каналы, все больше редеют льды. Попадают айсберги — предвестники земли.

Вечером. И вот мы уже на Земле Франца-Иосифа. Невольно вспоминаются слова Нансена: «Так вот какая она! Сколько раз представлялась она мне в мечтаниях, и все-таки, когда ее увидел, она оказалась совсем иной». И я ждал увидеть нечто похожее на Новую Землю, но земля явилась не похожей ни на что виденное раньше. Она открылась в тумане-дымке. Мы долго не могли определить: облако ли застыло или высокие пологие горы поднялись за горизонтом над свободной водой. Наконец выделилось нечто, похожее на белый перевернутый таз, а сзади его — белые же горы с темными полосками у вершин. Так вот она, пятьдесят лет назад еще неведомая страна. Мы более года плывем к ней!

Позднее к вечеру мы опознали очертания берегов по карте.

Мне чудились давно какие-то тяжкие вздохи и всплески под бортом. Мы все наше внимание отдали показавшейся земле — звуки не доходили до сознания. Но, наконец, сильный всплеск под бортом и какое-то хрюканье заставили посмотреть туда. — Из чернильно-зеленого моря высывались безобразные головы, вооруженные клыками. Большое стадо моржей, окружив корабль, долго сопровождало нас. По временам пасти чудовищ открывались, тогда с брызгами воды и пара вылетало мычание и хрип, похожий на хрюканье. Каза-

---

* Преломление световых лучей в нижних слоях воздуха.

лось, моржи, принимая корабль за особо-крупное животное, негодовали на появление дерзкого пришельца в заповедных местах.

— Еще две охапки рубленых канатов под котлы, еще полбочки ворвани!

— Верти, верти, Иван Андреич, догребай до Флоры, — кричит в машинный кап штурман. — Близо, близо!

Спускалась темнота. Бросили два якоря. С горы крепкий ветер: на берег ехать нельзя.

«Было или нет русское судно?»

Ночной шторм к утру улегся; первого сентября пасмурный, немного мгlistый день. За исключением штурмана и очередной вахты мы съехали на берег все.

Никто еще не приставал к этим далеким берегам в такое позднее время: в начале сентября на этих островах уже зима. Еще плещется по припаю дымное море, — там можно увидеть одиночек кайр и стайки запоздавших чаек, — но отойти от берега на сотню шагов — там зима настоящая. Коркой затянуты камни, снег затвердел, и появились застряги.

Чувство, близкое к благоговению, охватывает, когда вступаешь в первый раз на этот замечательный кусочек земли. Скольким отважным людям мыс Флора казался первой ступенью к осуществлению мечты о полюсе! Сколько неожиданных препятствий, бед и разочарований в извечно-фатальной борьбе человека за знание и жизнь!

История мыса Флоры интернациональна — это история стремлений человечества к полюсу за конец прошедшего века и нынешний. Тут работали представители разных наций. Англичане Лей-Смит и Джексон⁵⁴, американцы Уэльман⁵⁵, Балдвин и Фиала⁵⁶. Тут развалины жалкой избушки Лей-Смита и место замечательной встречи Нансена с Джексонем. Здесь был Макаров с его «Ермаком»⁵⁷.

По берегу, заваленному базальтовыми обломками, мы поднялись на плоскую равнину, где расположены близ озера все постройки, возведенные Джексонем в 1894 г. Главный домик смотрит маленькими окнами в холодную даль океана. Когда-то тут был самый крайний угол цивилизованной

жизни, — то было 20 лет назад. Теперь — хаос и разрушение. Мы вошли в первую постройку — жилия изба Джексона. Она сохранилась лучше других, ибо построена из бревен по типу русских изб. Двери ее были открыты, окна повывломаны медведями, внутри — оледенение. Мы изрядно потрудились, протискиваясь в узкий проход оледенелых сеней, и осматривали хижину с высоты слоя льда, лежавшего на полу толщиной около метра.

На фотографиях Джексона и по описаниям Нансена внутренность дома так уютна! Чиста комната, обитая сукном, по стенам эстампы и фотографии, на полках книги и разнообразные предметы из обихода европейца-исследователя. Если Джексон был бы с нами и увидел свой домик!..

За дверным косяком, зелено-бархатным от плесени, прилеплено гнездышко. Торчит изо льда прогоревшая печка, — труба ее рассыпалась при первом же прикосновении кого-то из наших. Вдоль стен в два яруса нары. На них и к стенам примерзли спальные мешки, посуда, медикаменты и провизия. Мы заключили, что большинство вещей принадлежало экспедиции Фиала, бедствовавшей тут.

И по равнине перед домиком разбросаны и вмерзли в снег самые разнообразные предметы снаряжения: ящики с консервами, обломки мебели, куски одежды и мехов. Недалеко от Джексоновских построек мы заметили возвышение: оно оказалось могилой Мюатта, одного из матросов «Уиндворта». Мы поправили как могли крест, сломанный и поваленный бурями. На восток от становища поставлен обелиск, высеченный из крупнозернистого мрамора. На памятнике надпись: («Requiem: F. Querini, H. Stokken, P. Ollier. — «Stella Polare». 1900»), указывающая, что обелиск поставлен герцогом Абрुцким⁵⁸ в память трех участников его экспедиции, пропавших без вести во время путешествия к полюсу. Вблизи хижины, построенной из судовой рубки и двух рядов бамбуковых палок со слоем оленьего мха между ними стоит знак Макарова. На знаке выжжена надпись: «Ermaк passed here 1901»...

Осмотрели подробно весь берег. Ни у хижин, ни в другом месте мы не нашли ни склада угля, ни следов вспомогатель-

ной экспедиции. Наоборот, чувствовалось, что давно не вступала на пустынную землю человеческая нога. Царила торжественная тишина, такая же, как пятьдесят лет назад до первого человека, побывавшего здесь.

Итак, все — сожжено. Макаровский уголь весь использован экспедицией Фиала. Плавника здесь нет, — впереди зимовка без топлива. Мы забыты и предоставлены собственной судьбе. Ну что же, знать это лучше, чем лелеять пустые надежды. Трудней борьба, но больше радости в победе, достигнутой своими силами. Беды еще нет. В стране, где два крепких человека сумели только с ружьем и патронами прожить в землянке без топлива и хлеба — целый год, нам, — с исправным кораблем и снаряжением говорить о беде еще не приходится.

Под вечер первого дня Седов, я и штурман пробовали охотиться на моржей. Охота на моржей, плавающих стадами, считается опасной. Если исключить из рассказов о приключениях норвежских промышленников все преувеличения, одна опасность остается несомненной — это постоянная угроза внезапно очутиться в холодной воде среди компании моржей. Удача охоты всецело зависит от искусства гарпунера. Он, бросая гарпун, следит за рулем; когда шлюпка на буксире, прыгая по волнам, несется за раненым моржом, гарпунер смотрит в оба, чтоб охотники сами не запутались в гарпунном лине, командует гребцам — то работать во всю мочь, чтоб ослабить натянутый струною лить, то тормозить движения слабеющего зверя. Мы-то — гарпунеры доморощенные. Правда, у нас не было даже настоящего моржового гарпуна; отправляясь на охоту, мы взяли тюлений, много раз испытанный гарпун.

Первое стадо встретилось недалеко от корабля. Направили шлюпку в самую гущу голов. Вся орда, разбрасывая пену, плавала от мыса к мысу, ныряла под нашу небольшую лодочку и с шумом дышала; крошечные глазки блестя зло и недружелюбно. Если шлюпку не слишком швыряют волны, убить одного из стада нетрудно, значительно трудней вонзить в добычу гарпун. Я выстрелил в ближайшего моржа почти в упор, — он потонул настолько быстро, что не успели даже замахнуться гарпуном. Со вторым

сблизились на два метра; почти в один момент я выпустил заряд, а Седов бросил гарпун. Очевидно на этих толстокожих обыкновенный железный гарпун совсем не годен, — он, не пробив полудюймовой кожи, погнулся и выпал. Седов три раза бросал свое оружие, оно сгибалось сильнее и сильнее. Что-то дико-жалобное слышалось в крике моржа, когда гарпун вонзался вторично, — то был крик чудовища, бесконечно уверенного в своей страшной силе, вдруг столкнувшегося с новой и ужасной силой неведомых. После третьего удара морж, казалось, с отчаянием обернулся к шлюпке и, широко раскрыв безобразную пасть, взревел во всю силу легких. Каскад кровавой пены и брызг хлынул в лицо Седову, как проклятие зверя. В то время как раненый морж рычал и метался по волнам, к нему стали собираться остальные. Животные, окружив шлюпку тесным кольцом, смотрели бессмысленно на раненого и на нас, не обнаруживая впрочем никакого желания вступить за товарища. Стадо сопровождало нас до борта корабля скорей из любопытства. Мы легко отгоняли чрезмерно назойливых ударами весла.

Утром второго сентября матросы съехали на берег собрать жалкие остатки угля, некогда выгруженного здесь адмиралом Макаровым; с той же шлюпкой уехал и Седов. Он скоро вернулся: за мысом увидел стада моржей и двух медведей на плавучем айсберге.

Спустили большой баркас; я захватил кинематограф. Конечно, медведи не стали дожидаться конца наших приготовлений к охоте и уплыли. Но моржей мы увидели множество. На припае и ближних льдинах я насчитал более сотни; вдали же повсюду виднелись стада и отдельные туши с подобранными под брюхо лапами. Шагах в тридцати — сорока от одного из стад в 20—25 голов мы пристали к льдине.

— У-у-х! — прошептал наш кормилец Иван, — да ведь в нем в каждом, чать, по тысяче бифштеков будет!

Пока я выгружал кинематограф и пристраивался снимать, моржи лежали не шевелясь, как груды сосисок на блюде. Пропустив несколько метров пленки, я попросил

Седова выстрелить, чтоб испугать стадо. Один из моржей был убит. К нашему удивлению, смерть товарища не произвела на животных никакого впечатления. Единственно — когда раненый взметнулся предсмертной судорогой и, приподнявшись на лапах, внезапно рухнул, — лежавшие рядом недовольно заворочались и захрюкали, а один — по-сварливей — наградил беспокойного хорошим ударом клыков, — а тот уже и голову склонил. Стадо успокоилось быстро. Прилетела чайка, уселась на убитого: картина становилась интересной в своей естественности. К досаде моей в этот момент Кушаков, не совладав с своим охотничьим пылом, выпалил в стадо и угодил пулей так удачно, что клык самого большого самца со звоном разлетелся вдребезги. Осколки задели рядом лежащих — поднялась суматоха. Два-три шлепнулись в воду, остальные собирались последовать за ними. Мы стали бояться, что моржи уйдут, — тогда для пополнения запасов мяса нам придется искать другое стадо, от «Фоки» более отдаленное. Открыли стрельбу. Первые выстрелы уложили ближайших к воде, остальные — заключенные в кольцо убитых — не могли броситься в море иным путем, как только через трупы товарищей, а тут их и настигали пули.

По правде сказать, подобное побоище отвратительно и жестоко; ему никак нельзя присвоить название охоты. Не нужно быть особенно чувствительным, чтоб сразу же потерять всякое желание убивать безобразных, но совсем беззащитных и мирных животных. Охота — опасность, выносливость, настойчивость, охота — добыча, даже просто спорт — имеют свое оправдание. Но такая охота — обыкновенная бойня и, как всякая бойня, противна нормальному, вконец не извращенному человеку.

Мы знали, что обыкновенная свинцовая пуля не пробивает голову моржа, — так толст его череп. Выяснилось, что и никелевые разрывные пули не всегда пробивают. Иногда через минуту после выстрела оглушенные животные оживали и с ужасным воем, истекая кровью, пытались неверными движениями перелезть трупы убитых. Некоторым удавалось столкнуть трупы в воду — эти упали в море. Обильно окрашивая

кровавым следом свой путь, несчастные метались в полубеспамятстве. Скоро побоище закончилось. Мы высадились на льдину, где лежали убитые; еще несколько выстрелов, чтоб прекратить мучения раненых.

Невдалеке лежало другое стадо. Седов полагал, что следует убить еще нескольких животных; мы можем без потери времени погрузить на «Фоку» до 25 моржей. Неизвестно, найдем ли мы столь же удобный случай добыть жир для топков и сделать годовой запас пищи для наших собак.

Эти моржи лежали на низком береговом льду, незаметно переходившем в ледник. С кинематографом в руках я осторожно подошел к стаду на расстояние четырех метров и стал устанавливать аппарат. Все стадо сладко дремало. Только один старый самец, приоткрыв ненадолго глаз, посмотрел, как я вставляю кассеты, и недовольно захрюкал. Впрочем он тотчас же закрыл глаза и, блаженно почесав за ухом ластом, почавкал, повернулся удобнее и, густо собрав жирные складки у шеи, уснул. Он даже не полюбопытствовал внимательнее рассмотреть живое существо, едва ли виденное раньше. А я-то опасался, что моржи испугаются, и кинематографическая съемка на близком расстоянии не состоится.

Долго стоял я, готовый начать съемку при первом же движении животных. Проходили десятки минут, моржи не двигались. Вся груда живого мяса и жира наперебой пыхла, сопела на разные лады, но ни один не шелохнулся. За спиной у меня собралась вся команда баркаса:

— Григорий, смотри-ка: у него бородавки-то больше, чем у соборного попа, и волосы такие же рыжие.

— А вон тот — отец; клыки-то больше аршина, пудов чать триста будет.

— Ну, сказал — триста. И ста не вытянет.

— Ну и житье им, братцы! Наелся и спи, не бояться никого. Медведь-то у всех на глазах обошел стадо, когда начальник поехал на корабль. Кто такому дьяволу страшен!

Я предложил нашим молодцам побросать в моржей снежками, — но и закиданные снежками, моржи даже глаз не открыли. Эти господа умеют сладко спать! Очевидно, нельзя ожидать проявления жизни этих животных ранее перемены

погоды. Мне не хотелось будить стадо выстрелами, я послал Лебедева потревожить их палкой. Лебедев принялся, как цепом, колотить ручкой багра направо и налево, — тоже почти без результата. Наконец, когда, перевернув багор, он сколько было мочи стал колотить моржей его остреем, стадо слегка зашевелилось. Получивший первый укол приподнялся и крепко всадил в спину соседа клыки. На концах осталась кровь. Тот приподнялся на ластах, разбудил движением другого и, уставясь на меня заплывшими глазками, долго смотрел. Не сообразив ничего своими маленькими мозгами, он еще раз беспомощно оглянулся и свалился спать. Все движения длились не больше минуты: на том съемка и закончилась. Из этого стада мы убили трех больших самцов, остальных прогнали в море.

На небольшой обмелевшей льдине у самого берега лежали две самки с детьми, небольшими сморщенными и безволосыми уродцами. Спали самки, спали и дети, уткнувшись мордами в материнские сосцы. Самки оказались пугливее, — не подпустили меня и на двадцать шагов, когда я хотел подойти с аппаратом поближе. Один детеныш не успел нырнуть в море за матерью, остался на льдине одиноким. Он жалобно замычал, смешно и бестолково двигая непослушными конечностями. Мать тотчас же закинула ласты на льдину, выбралась и свирепо хрюкая на меня, — я успел подойти к самому берегу, — принялась трогательно-ласково и настойчиво подталкивать к воде своего нерасторопного детеныша, не забывая и меня лишней раз утешить мычанием и хрюканьем. У края льдины она подхватила «малютку» ластом и вместе с ним скользнула в родную стихию. Вынырнув с младенцем под мышкой, она кинула еще один сердитый взгляд и скрылась в глубине моря.

Одно стадо расположилось высоко над морем. К месту лежки вела широкая и грязная дорога, проторенная по полоному подъему ледника, который опускался к морю незаметным скатом снега. Молодцы спали достаточно крепко, — вся дюжина носов дружно сопела. На нас сонные богатыри даже не посмотрели. Не было нужды убивать их, снимать же вторично компанию жирных колбас, чавкающих и пыхтящих во

сне, тоже казалось излишним. На ленте, запечатлевшей движения моржей в воде и на суше, поодиночке и стадами, оставалось немного свободного места. Я решил использовать его для съемки моржей, ползающих по суше.

Матросы погнали все стадо к морю. Очень не хотелось засоням оставлять покойное ложе, но нападение велось энергично, — все стадо покорилося. С трудом приподнимаясь на ластах, моржи поползли. Громадный старый и лысый самец, корявый от рубцов, шишек, морщин и клочков рыжей шерсти, — один не подчинился. Свирепо рассекая воздух полметровыми клыками, он двинулся на преследующих.

— Вот, этот настоящий папаша, защищает семейство. Молодец, старик!

«Папаша» в самом деле как будто прикрывал отступление. В стаде, среди взрослых самцов, были и самки без клыков и молодые моржи с едва показавшимися. Вожак, угрожая бивнями и сотрясая воздух ревом, дал стаду отползти и попятился сам. К моей досаде кинематографическая пленка подошла к концу как раз к моменту, когда стадо подползло к краю ледника. Стоило посмотреть, как туши в тонну и больше весом стали плюхаться об воду! Очутившись в родной стихии, моржи дали волю негодованию. Поджидая жоака, они бурлили тихое море и ревели хором, как заводские гудки поутру.

С «папашей» же случилось несчастье. Прикрывая отступление, он пятился задом. На пути попалась узкая трещина, которую стадо переползло без затруднений, но старик, очевидно, по привычному ощущению, принял ее за край льда и, спустив туда задние ласты, соскользнул. Он скоро понял ошибку и, глубоко вонзив в лед могучие бивни, пытался освободиться. Но — поздно. Тяжелая туша уже ушла в трещину и заклинилась там. Старый морж в отчаянии ревел и бил клыками в края, осколки льда фонтанами сыпались вокруг. Спасенья не было. Каждое движение только глубже втискивало тело в гладкую расселину льда. Один из нас пристрелил несчастного.

С большими трудами погрузив одного из моржей на баркас, мы, под вечер вернулись на судно.

Глава тринадцатая

...Ее сковали грусть без края
И синий лед, и белый снег...

Н. Гумилев

На следующий день, — только собрались погрузить убитых моржей — поднялся сильный ветер; пришлось положить оба якоря и вытравить побольше цепи. Береговой ветер сразу сменился штормом с южной стороны; на горизонте черкнули белой полоской льды, всегда страшные для корабля, стоящего у открытого берега. Корабль Лей-Смита «Эйра» был раздавлен при подобных обстоятельствах почти в том же месте, где стоял «Фока». Льдину с убитыми моржами береговым штормом унесло в море; из всей добычи осталось десять штук — и этот десяток пришлось убирать, торопливо сваливая в трюм: льды приближались.

Вечером 4 сентября мы подняли последнюю тушу и тотчас же снялись с якоря. Внезапно стих ветер, успокоилась узкая полоска моря, мы плыли по гладкозеркальной воде. Как-то сразу мы заметили, что тишина сгустилась, что нет больше чаек, улетели на юг последние кайры, даже моржи куда-то исчезли. Когда «Фока» поровнялся с памятником погибшим в экспедиции Абруццкого, Седов приказал всех вызвать наверх.

- На кормовой флаг, — раздалась его команда.
- Есть на кормовом!
- Приспустить кормовой!

— Есть! — донесся голос. Русский флаг приспустился в честь погибших итальянцев, с борта раз за разом понесся пушечный салют. Все стояли с обнаженными головами.

Обогнув западный мысок о. Нортбрука, мы повернули на север. Пролив Мирса был чист.

Что за мертвые земли открылись пред нами!

Нужно войти в проливы, чтоб увидеть З. Ф.-И. такой как она есть — без прикрас высоких базальтовых обрывов, венчающих уклоны южного берега. Белая, оледенелая земля. Остров Брюса невысок, а весь под льдом. Земля Александры выше, но и на ней не увидеть черного пятна. Правда, что о. Нортбрук и дальше за ним кое-какие земли чуть пестрят редкими темными пятнышками и черточками, — но так ничтожно малы они на широком горизонте!

Айсберги, постоянно встречающиеся кораблю, и цветом и формой не похожи на плавающие около Новой Земли. Здешние — матовы, пористы, невысоки, в большинстве похожи на стол, накрытый белой скатертью. Среди встретившихся этим вечером мы видели ледяные горы значительной величины. В сумерках мы разошлись с одним — длиной не менее 250 метров. Стоявшие на мостике приняли его сначала за островок, не нанесенный на карту, — только подойдя вплотную, заметили, что ледяной островок плывет.

Ночью «Фоке» пришлось остановиться в Британском канале из-за скопления льда и темноты. На рассвете с помощью сильного приливо-отливного течения мы легко одолели ледяное препятствие. С утра до полудня 5 сентября встречался лед, легко проходимый. Сейчас же после полудня мы были севернее мыса Муррея, позднее миновали С.-В. оконечность Земли Принца Джорджа. Казалось — еще немного, и 81 градус будет позади, а мы войдем в море Виктории. Увы, как раз в том месте, где мы ожидали окончания затруднений со льдами, «Фока» встретил плотный, вовсе неломанный лед. Путь на север закрыт! Британский канал в этом месте широк, не хотелось верить, что на прострaнстве двадцати миль не найдется ни одной лазейки на

север! Мы повернули по кромке льда на восток. Нет — кромка неломанного льда, приведя нас к о. Петлица, решительно завернула на юг. Нашему капитану не хотелось сдаваться. Может быть, другие проливы свободны? Не проникнем ли на север проливом Австрия? При входе в пролив Аллена Юнга нас настигла ночь. Остановились вблизи о. Скотт-Кельти.

На палубе хлопотали с креплением канатов, началась задача корма собакам и медведям. Механик Зандер поднялся на мостик и доложил Седову:

— Я подсчитал топливо: его не хватит на весь завтрашний день.

Седов задумался и долго молчал. Потом на мой немой вопрос сказал:

— Будем зимовать где-нибудь поблизости. Что поделаешь. Сто лишних километров до полюса!

Ранним утром шестого сентября поплыли на поиски спокойного зимовья. Недалеко нашлась бухточка острова Хукера. Подвигая судно у самого берега ее, Седов нашел подходящую глубину: ему хотелось поставить «Фоку» килем прямо на грунт, чтоб избежать необходимости откачивать воду. Тут же оказался айсберг для питьевой воды и берег свободный от льда. Седов назвал бухту — «бухтой Тихой».

Клочок, земли, близ которого стоял в этом году «Фока», невелик. На верху горы, недалеко от каменного обрыва, венчающего откос, незаметным подъемом начинается лед; в глубину бухты спускается пологий ледник; со стороны Британского канала тоже ледничок. Лед закрыл весь остров, — свободны только высокие мысы⁵⁹. Даже в местах, где ледников нет, вечный снег слежался по лощинам так плотно, что и они выглядят маленькими ледниками⁶⁰. Если от пристани «Фоки» перевести взгляд на юг, — там громадная скала — полуостров Рубини-Рок (скала Рубини). Его двухсотметровые обрывы, кроме восточной части, неприступны. На западе в трех километрах лежит островок Скотт-Кельти. И он и Рубини-Рок свободны от льда. Свободны и мысы острова Хукера вблизи этой скалы. В мгlistый день, когда мы увидели те мысы, они походили на видения художника-фантаста Чурляниса. Впос-

ледствии при съемке бухты Тихой эти мысы были названы «горами Чурлёниса».

Сравнивая местность первой зимовки и второй, мы были довольны последней во всех отношениях. Если бы сюда еще десятую долю новоземельских запасов плавника, — мечтали мы! Впереди зимовка без топлива. При окончательном подсчете оказалось, что мы располагаем двумя-тремя покрытыми салом моржовыми шкурами, сотнями тремя килограммов каменного угля, рассыпавшегося в порошок, да еще остатками порожних ящиков и бочек, — вот и все. Нужно сжаться и хранить тепло. Всякая мелочь, способная тому помочь, для нас решающа. На «Фоке» произошли перемещения. Кубрик* был упразднен. Пришлось потесниться, но в результате всех перемещений каждый матрос получил койку в кормовом помещении, куда собрались все, а разобранный кубрик сразу удвоило запасы топлива. Пред этой зимой мы особенно тщательно закупили свое жильё: достаточно сказать, чтоб выйти на волю, в эту зиму приходилось отворять каждый раз три двери, ибо к жилому помещению были пристроены полотняные сени.

Метеорологическую станцию в этот раз поместили на берегу в том месте, где отступавший склон горы не мешал ветрам касаться флюгеров. Тут же воздвигли снежную хижину для магнитных наблюдений, недалеко от нее поставили рейку для измерения приливов.

Быстро наладилась обыкновенная работа. Седов рядом наблюдений определил широту и долготу бухты Тихой: $80^{\circ}19'$ с. ш. и $52^{\circ}48'30''$ в.д.

Так вышло, что в эту осень мы не пытались совершать далеких экскурсий, да и трудно было предпринять их в то время, как везде по проливам носились еще льды. Спаялись они только во второй половине октября, когда уже спустилась полярная тьма. Но даже если б лед не препятствовал, мы не решились бы расходовать запасы легкого провианта, сильно сократившиеся после новоземельской зимовки. Около трех тысяч километров изъезжено там на

---

* Кубрик — помещение для матросов в носовой части корабля.

санях и сделана большая работа. Здесь главная задача — путешествие к полюсу. Земли, окружавшие нас, правда, исследованы только в общих чертах, но из-за небольших поправок, которые внесли бы наши картографы в карту З.Ф.-И, мы не могли расходовать ценный провиант. Небольшие однодневные экскурсии мы совершали всякий раз, как позволяла погода. Мы обследовали ледяной покров о. Хукера, ближайшие острова и глетчеры. В одну из экскурсий я нашел гурий — по всем признакам, поставленный Джексоном. С высоких частей островов мы наблюдали состояние льдов. Лед в ближайших проливах смерзся к 25 сентября, но в Британском канале мы видели полыньи вплоть до самой темноты. Даже в местах, где лед, казалось, смерзся надежно, он при первой же оттепели настолько разъедался сильными течениями, стремящимися по каналам, что тонкую пленку сгонял малейший ветер. Даже в нашей бухте лед оставался ненадежным. У меня отмечено, что до 8 октября мы не могли посетить острова Скотт-Кельти; я поплатился за одну такую попытку в начале октября. Провалившись на молодом льду, я долго плавал, ломая лед, как ледокол. Неприятность случилась в двух километрах от судна, стоял порядочный мороз. Я вернулся на корабль твердым, как сосулька. Одежда проледенела, нельзя было сделать сильного движения без того, чтоб не сломать ее.

Уместно отметить одно удивительное обстоятельство: купание в морской воде $-1,8^{\circ}$ С. температуры в продолжение четверти часа, затем получасовое пребывание на семнадцатиградусном морозе с резким ветром не имели решительно никаких последствий, даже насморка. Мы многократно замечали, что подобные приключения в полярных странах сходят с рук удивительно легко. В самом деле: в царстве холода и резких колебаний температуры мы почти не знали простуд. Можно разгоряченному и потному съесть добрый кусок снега для утоления жажды или высушить пот на резком ветре, мерзнуть неделями — и чувствовать себя более здоровым, чем на юге, где насморки и простуды носятся в малейшем сквозняке. Не будут ли, говорили мы, через сот-

ню лет посылать на аэропланах легочных больных в полярные санатории, в страны, где нет бактерий.

С начала зимовки мы долго не видели живых существ, даже песцовых следов не встречали ни разу. Только два медведя посетили нас на новоселье. С первым — старым самцом, большим драчуном, если судить по многочисленным царапинам и шрамам, украшавшим его могучую голову, повстречался штурман. Сошлись недалеко от зимовки, заметив друг друга в один момент. Старик потянул носом и скорым шагом направился на безоружного Максимыча. Тому осталось одно: поспешней отступить. Наш капитан, сохраняя по возможности свое достоинство, стал пятиться, давая весьма выразительные знаки Павлову на откосе горы: за спиной геолога торчала винтовка. Однако, ученый муж, всецело погруженный в рассмотрение горных пород, не оглядывался. Винтовка за спиной кивала Максимычу мирно и приветливо — помощи не было. Тогда Максимыч, оставив свое капитанское достоинство для более подходящих случаев, «дал полный вперед» и большими прыжками влетел на «Фоку».

Седов и я открыли стрельбу, когда медведь был шагах в трехстах. Моя пуля пронзила туловище во всю длину; однако он, смертельно раненый, собрав силы, сделал еще молодецкий прыжок с крутого берега в воду, покрытую шугой, и даже отплыл, но быстро издох, оставаясь на поверхности.

Второго зверя застрелил Седов в километре от корабля. То была молодая медведица. Собаки загнали ее на самый верх крутого снежного откоса, там ее настигла пуля.

Солнце покинуло бухту Тихую 7 октября. В этот день я писал:

«Вторая ночь подошла. Буду ждать рассвета и думать, что через сто двадцать дней не расстанусь с солнцем на годы. Само солнце не видели неделю из-за туманов и ветров с метелями — они всегда во дни разлуки стараются удлинить и без того долгую тягучую зиму.

И моему делу ветры главная помеха. Садясь работать, я только в редких случаях уверен, что доведу начатое до конца. Все же нужно отметить — здесь работается лучше. Уходит меньше времени на переходы, к морозам я приспособился: те-

перь мне известен предел, за которым упрямство становится излишним.

9 октября. Сегодня, сделав утром этюд, остаток светлого времени решил использовать для обследования острова Скотт-Кельти, недавно встретившего меня так неприязненно. Тихо, 15° мороза. На этот раз я обошел благополучно все опасные места: лед в проливе еще изрядно тонок. Остров — довольно высок. Крутые осыпи берегов местами увенчаны базальтовыми колоннами; вершина — слабоволнистая равнина.

Подходя к крутому снеговому склону, которым остров спускается к Зунду Мелениуса, я услышал лай — со мной побежали Разбойник и Пан — тот особенный лай, когда собаки тявкают тоненьким голоском, как будто горло перехвачено судорогой злобы и волнения. Я подошел к краю откоса. Собаки, старательно разрывая снег, лаяли на что-то находящееся под ним. «Наверное, песец спрятался в камнях», — подумал я и подошел к собакам, чтоб помочь раскопать нору лыжной палкой. Неглубокая яма привела к слою оледенелого розоватого снега, не поддававшегося даже железному наконечнику палки. Все это поставило мысли в недоумение и заинтересовало. Если б дело было весной, легко бы предположить присутствие медведя. Но зачем медведю лезть в берлогу теперь, ранней осенью, когда пищи довольно и достаточно света для успешного промысла? Нет, мысль о медведе исключается. Тут или песцовая нора или просто пустота под снегом: много раз бывало, собаки поднимали лай и, разрыв снег до пустоты, разочарованные — убегали. Подумавав так, пытался отозвать собак и идти по берегу дальше.

Между тем Пан производил какие-то исследования. Обнюхав снег в разных направлениях, он остановился на одном месте и, склонив красивую головку с настороженными черными ушками на одну сторону — на другую, — прислушался. Подумал. И вдруг, сильно подскочив, ударил передними лапами в снег, чтоб начать рыть сызнава, но пробив сразу снег, увязнул лапами по грудь, отскочил, оцетинился и залаял не своим голосом. Разбойник прилетел туда же, занял место рядом, и две собаки с поднявшейся на шее шерстью застыли.

Я начал думать, что тут есть что-нибудь живое, и снял с плеча винтовку. Рассмотреть я не мог ничего: как раз в том месте склон снега начинал падать очень круто — не удержаться на ногах, — заметил только пар, слабой струйкой показавшийся из отверстия. Не берлога ли на самом деле?..

В очень неудобном положении я стал раскапывать палкой вход в нору. Оледенелый снег трудно поддавался; однако, минут через пять я расширил отверстие, примерно сантиметров до 30-ти. Во время работы я заметил, что собаки не рвутся в пещеру, а, наоборот, отскакивают всякий раз, когда в клубах пара показывается темное пятнышко. Увидев в первый раз пятно, я уже догадался, кто сидит под снегом. Почти в это же время под самыми ногами раздалось басовое рычание, настоящий медвежий голос.

Сделав шаг назад, я выстрелил по направлению рычания и подождал: может быть, медведь ранен? Не вылезет ли из берлоги, — тогда с ним легче управиться. Но медведь не покидал логовища. Я постарался расширить отверстие, — долго не удавалось в заметной степени подвинуть работу: копать приходилось полулежа, одной рукой.

Во время моих усилий я заметил: всякий раз, когда палка проскакивает глубже, медведь приближается к отверстию, чтоб схватить ее. Тогда я принял новый план. Склонившись на одно колено и держа в одной руке палку, я стал дразнить ею зверя, другой рукой держал наготове ружье. Через некоторое время мне удалось выстрелить: я ясно рассмотрел голову с сердито вытянутыми губами. Этот выстрел ранил медведя. Выждав удобную минуту, я просунул винтовку и, выпустив еще пулю под лопатку, закончил эту странную охоту. Ни прикладом, ни ногами нельзя было расширить отверстия, — я ушел, не рассмотрев как следует своей добычи.

Потратив у берлоги полтора часа, я прошелся еще дальше к западу по краю высокого ровного берега. Уже совсем тухли краски короткого рассвета, когда я начал прокладывать обратный путь через торосы.

Медведя привезли вечером. Это была молодая самка, беременная двумя зародышами величиной с куриное яйцо⁶¹.

13 октября. Проехались с Г. Я. по еще не обследованной части Скотт-Кельти. Сделали в день километров тридцать. На обратном пути с Седовым случилось неприятное происшествие. В это время нарта катилась низким берегом, незаметно переходившим в небольшой зачаточный ледничок. Седов шел впереди запряжки, я же только что встал, чтоб облегчить подъем саней. Подняв глаза, я увидел на месте, где был пред тем Седов, черную дыру в снегу. Первая промелькнувшая мысль в голове — Седов провалился в медвежью берлогу.

— Сассс... сассс! — бешено кричал я, стараясь остановить собак, и тут же заметил, что весь собачий цуг бежит по широкой трещине, едва занесенной, — и я сам одной ногой на краю. Собаки остановились. Я заглянул в отверстие, позвал Седова. Спустя секунду из темноты провала, чуть не в полтора метра шириной, донесся голос: мой спутник висел, увязнув по грудь в снежном мосту на глубине шести с половиной метров. Я начал было подводить нарту и распутывать веревку, но она не понадобилась: Седов сумел, упираясь в неровности льда, выбраться самостоятельно. Он почти не ушибся.

20 октября. Небо на юге розовое, ярко-цветистое. Стылые перистые облака накинаны по нему, как гроздья винограда на деревенской перепелесовой шали. Свет зари не переливчат, а тускло-матов, — нет отблесков на горах торосов, едва заметны высветы на выпуклостях льдин и в углублениях волнистой корки снега — тени почти не темнеют.

Это — освещение надвигающейся ночи, последние остатки сумеречного дня. Обернись спиной к краскам на юге и посмотри на север. Там ночь. В густо-синем небе и в точках нелучистых звезд, в бронзовом блеске красного месяца — ночь настоящая. Ночь в воздухе густо-прозрачном и чистом, как роса: вот-вот немного еще — затвердеет, и он превратится в один кристалл, заморозив в себе и зорю, и синее густое небо, мертвые горы и усатую букашку — корабль, — и будет тогда страшная ледяная сказка.

Но теперь еще не сказка: мы не хотим покуда такой сказки.

Живых здесь пятьдесят: тридцать одна собака, семнадцать человек и три медведя. Стоит корабль. Подходишь к не-

му из пустыни и через туманную поземь-вьюгу видишь голые мачты чуть-чуть накренились, черкнули по небу стеньгами. Под задней мачтой огонек. Это гнездо жизни в полночной стране.

Сегодня в гнезде несчастье: собаки разорвали Гусара, как две недели назад — Весельчака.

Собачьи драки, кончающиеся убийством, обычно очень кратки. Люди, выскочив на палубу, видят кучку взъерошенной псины, слышат слитно-хриплое рычание, предсмертный вой и жалобный лай слабейших. Люди бежат разнимать, колотят палками, раздают пинки и в поле битвы часто находят истерзанный трупик. Драки возникают часто по самому пустому поводу. Например: какой-нибудь пес отойдет подальше от корабля, — достаточный предлог, чтоб скверная дворняжка Аника по глупости бросился с лаем на ушедшего. Лай — боевой сигнал. По сигналу бросаются все, — для целой стаи превратить отделившегося в труп — дело одной минуты.

Иногда, если ушедший посильнее, например, Фрам — он, постоянно высматривая зверя, шляется вдаль, — дело обходится не так просто. Фрам прекрасно знает, какая пустолайка подняла тревогу. Не дожидаясь, пока его станут «раздевать», он сам кидается на собак и на Анику — первым делом. Фрам прекрасный боец и тактик: воинствующий Аника обращается в позорное бегство, а Фрам, не давая опомниться, вгрызается в кучу остальных. При таком обороте драка кончается чаще всего общей легкой потасовкой. Из нее Фрам выходит или победителем, или в худшем случае отступает с честью.

В большинстве же случаев драка кончается иначе. Фрам своим натиском сбивает с ног одну из слабеньких, или та сама случайно падает в общей свалке, или наконец, — налетевшая со стороны новая собака валит первую попавшуюся, — все равно. Достаточно в общей драке упасть, — все остальные с отменным единодушием кидаются терзать зубами упавшего. Если через минуту не прибегут люди, — разрывают без пощады, весело, как на охоте. Итак, падение в драке карается смертью.

Все драки, кончающиеся убийством, протекают при непрременном участии Варнака. Впиваясь в горло мертвой

хваткой, он волочит побежденного; в то же время другие рвут на куски. Варнак никогда не набрасывается раньше времени. — О, нет. Он стоит, охваченный охотничьей лихорадкой, искра желтыми, звериными глазами, и ждет. Вот — три вцепились в одну, или какой-нибудь воин упал, удирать — Варнак все видит. Влетая желтым смерчем в груды свалки или наперерез беглецу, Варнак бьет широкой грудью, валит с ног — и, когда все кончено, трусливо озираясь на подбегающих людей, с поджатым хвостом отбегает подальше. Оттуда, облизываясь и смакуя кровь, он равнодушно наблюдает, как наказывают собак, и, словно не слыша, что его зовут, покойным шагом или рысцой отправляется еще подальше, как будто по своим делам. Лишь изредка тревожно оглянется: не гонятся ли люди.

Картина начала драки бывает несколько иной. — Тихий день. Собаки разлеглись кто куда. Вот стоит пес, поглядывая по сторонам, не идет ли Иван с ведром помоев или охапкой консервных жестянок, нет ли драки или иного собачьего развлечения, а то — просто глазеет на возню медведей, на работу людей. Почешется, лизнет, счистит зубами лед, настывший между пальцами, понюхает, зевнет с повизгом и потягом, — таково везде времяпрепровождение собачье.

Сибиряк свои досуги заполняет иначе. Его бытие — драка. Если драки нет, он начинает сам. Подбежав к какому-нибудь Пирату, настроенному по случаю хорошей погоды очень благодушно. Сибиряк закручивает хвост в три крючка и становится рядом с таким расчетом, чтоб зубы оказались на высоте Пиратова затылка. Такая поза сама по себе угроза. А тут еще Сибиряк без всякого повода заводит под ухом соседа ядовитое рычание: «р-р-р-р» без конца. Сибиряка знают: чаще всего — просто не обращают внимания, — задира отправляется дальше, опять становится в лихую позицию, опять «р-р-р-р-р». Часто бедняге так и не удается вызвать драки — рычи хоть целый день. Но случается: бесконечное задиранье начинает выводить из терпения менее благодушных, — погода раздается тоже-сердитое: «р-р-р-р-р» — «уходи пока цел!»

Сибиряку того и надо. Он от радости даже виляет хвостом и при первом движении противника старается как можно

удачней вцепиться в загривок. Этот важный маневр собачьего боя требует большой сноровки, — чаще всего вместо мягкого загривка забияка встречает острые зубы. За этим моментом всегда стояние морда в морду с оскаленными зубами. Иногда Сибиряк пробует атаковать, но неизменно встречает зубы, — раздается лязг. Этот вид драки может длиться часами, пока противники не покусают морд в достаточной степени, — не то выйдет Иван с ведром: тогда уж не до драки.

Случается, одному из противников удастся схватить другого за шею, чаще Сибиряк сам попадает в такое неловкое положение. Начинается настоящая драка, — достаточный предлог, чтоб вмешаться третьему, четвертый на замедлит козырем влететь в свалку, затем — общая грызня, падение бойца и — кровавый исход. Потом прибегают люди с батогами или полузагрызанная собака успевают спрятаться. Достоинно заметить, что в течение недели, пока подживают раны, ей нельзя попадаться на глаза собачьему обществу. Без всякого повода всей стаей накинутся на битого и загрызут наверняка. Побитый твердо помнит это. Прячась по закоулкам, он голодает и лижет раны, отнюдь не утверждая права на еду законным путем — зубами. Таковы нравы собачьего общества: падение в драке карается смертью. Не имеющий силы отстоять свой кусок зубами, теряя густоту шерсти, слабеет. Если хочешь быть целым, держи хвост закрученным и зубы оскаленными, но сам драк не заводи.

Глава четырнадцатая

Блещет алмазной подковой Полярный венец.

Ив. Бунин

Каждый раз, раскрывая тетрадь дневника, веденного на Земле Франца-Иосифа, я сизнова переживаю всю тяжелую, длинную зиму, так трагически окончившуюся. Теперь ясно, что исход нашего путешествия мог быть еще несчастней. Два лета кучка людей пробивалась в отдаленную страну — не просто ли было предположить, что на обратный путь времени потребуется не меньше? Идя вперед, мы имели изобилие припасов, а обратный путь с провиантом меньше чем на год и совершенно без топлива, конечно, должен быть значительно труднее. В то время как писались первые страницы, все было еще впереди. Да, — намечались кое-какие способы обратного пути: таких — перед людьми уже побывавшими в крайностях — всегда несколько на выбор, — недаром же мы прожили год в полярной стране, где без всегдашней готовности к решительным действиям шагу не ступить. Но могу сказать, никто особенно не задумывался над будущим. Почему? Потому ли, что Седов выбрал людей, «не склонных оглядываться назад», или просто человеку свойственно надеяться на лучшее? Мы шли еще вперед, казалось тогда. А думать об отступлении во время атаки как будто стыдно. Так или иначе — написанное в эту закопченную тетрадь мне и теперь не кажется легкомысленным, а скорее удовлетворяет. Год назад больше тревоги отражалось в текущих записях. Вот тогда

слепая уверенность в благополучном конце была бы истинным легкомыслием. Теперь я говорю себе: вы научились кое-чему за год.

До захода солнца все чувствовали себя вполне хорошо. Да, — было в каютах прохладней, мешала теснота; но разве можно рассчитывать на особые удобства зимовки на 81-м градусе? После захода солнца пронеслось несколько бурь, впрочем, не столь бешеных, как на Новой Земле. Потом нажали морозы. Нахожу запись:

«26 октября. Стоят морозы, для такого времени весьма основательные: минимум вчерашней ночи - 33° С. и в остальное время температура колеблется между минус 24—28° С. Здешний климат кажется нам значительно постояннее новоземельского, до сих пор не бывало внезапных оттепелей.

Холода очень некстати. Пока была умеренная погода, жилось сносно; теперь при первых же морозах резко сказываются все неудобства, связанные с отсутствием топлива. Дров нет совсем. Печи разжигаются обломками ящиков и досок. Сверху посыпается немного каменного угля в порошок или бросается кусок моржового сала. И уголь и сало приходят к концу. С холодом примириться можно бы, значительно неприятней полное отсутствие вентиляции. Каждая частица тепла бережется — нельзя открывать иллюминаторы так часто, как в прошлом году. С утра вместе с запахами кухни распространяются все испарения растапливаемого льда и кипящего супа. Во всех каютах очень сыро. Нам приходится по несколько раз в день обтирать полочки и стенки, — иначе влажность, собираясь каплями, струится на пол. Механик выжимаемую из тряпки воду измеряет консервными жестянками. Он называет это занятие: «мерять потовую воду». Позавчера заявил: «Сегодня, знаете, набрал три с половиной банки!»

В последние дни испарения стали осаждаться льдом. Иллюминатор моей каюты погребен слоем больше двух сантиметров. У края матраца, примыкающего к стенке, образовался ледничок; он, спаяв матрац с деревом, плывет длинным языком вниз к умывальнику. Ко всему этому можно приспособиться, — лишь бы не было хуже.

Стоит тихая погода. Долго бродишь каждый день, смотря в бесконечное синее небо и полусвет-полутьму. Сегодня моя прогулка не удалась. Очень резкий ветер при -28° С. заставил меня искать спасения в снежной хижине магнитных наблюдений. Я шел к ней медленным шагом, снег под ногами хрустел. Вдруг полог, прикрывавший вход, зашевелился, и предо мной предстал Визе:

— Ах, это вы! Заходите, заходите же!

Я (*почти растроганный предупредительной встречей*). — Вы всегда так приветливо встречаете гостей?

Визе (*отчетливо*). — Нет, я имею обыкновение оказывать такую честь только посетителям, подходящим к хижине тяжелой поступью, похожей на медвежью!

Дело в том, что магнитолог не может иметь при себе не только оружия, но и железной пуговицы. По этой причине револьвер Визе лежит в двух шагах от хижины — приветливость наблюдателя объяснилась легко.

31 октября. Последствия сырости в каютах начинают сказываться, — штурман жалуется, что десны распухли и зубы шатаются: бедняга может жевать только мягкое. На то же жалуется повар Иван. Сегодня на прием к Кулакову явился механик, просит спирту. Для чего? — Зубы болят. Кушаков заглянул в рот, а там все десны полопались, от них идет тяжелый запах. Кушаков не думает, что это признаки цинги, как считают некоторые из нас, уже выдавшие настоящую цингу. Мне хочется отметить, что все воздерживающиеся от солонины, чувствуют себя здоровыми.

1 ноября. Стоят прекрасные лунные ночи. Загадочное свечение мягко светит сквозь туманный воздух: не передать словами нежных переливов белых волн на ледяном просторе, ни всей неуловимой музыки лунного освещения!

Сегодня ложная тревога. Собаки открыли на горе берлогу. Когда я поднялся на склон горы с винтовкой в руках «с намерениями самыми кровожадными», из темного отверстия берлоги высунулась голова... что-то уж очень маленькая. Я всмотрелся. — Да это Польшка! Моя воспитанница выглядывала с самым свирепым видом, шипела, ворчала и угрожала лапой. Как истинная собственница, она отчаянно

защищала вход, — несколько собак, визжа, отскочили. За Польшей, ворча, выглядывали остальные. Берлога на славу, — просторна, уютна, пар оттуда так и валит. А мы-то ломали голову, где пропадают медведки, сколько раз подолгу искали их. Они же, построив по инстинкту беломраморный дворец, основались на собственной квартире. Столоваться и проказничать приходят на «Фоку». Сегодня медведки доставили много хлопот Лебедеву. Потерялся прекрасный спиртовый термометр, один из разложенных на снегу. Лебедев, допросив всех матросов, осмотрел снег на десять метров кругом, — не ветром ли унесло, не раздавил ли кто ногой, ахал и охал, хлопая рукавицами по бедрам — «Нет и нет! Ума не приложу!»

Наконец он заметил, что медведи мотаются над ямкой в снегу, как будто что-то зарывая. При приближении Лебедева и понятых проказники удрали. При внимательном осмотре ямы на самом дне ее оказался термометр — к счастью неповрежденный. При докладе о покраже Лебедев настаивал:

— Я не могу отвечать за целостность инструментов, пока эти любознательные господа гуляют на воле!

Бедняги не чувствуют, что на их свободу готовится покушение: при первой же подобной проказе их посадят на цепь.

9 ноября. Вчера по случаю именин Павлова — за столом очень аппетитные пирожки. Начинка их подозрительна: не то моржати́на, не то собачина. Особенно углубляться в исследования в этот раз никто не стал — мяса давно не ели. Два новых больных с болезнью десен — Кизи́но и Пищу́хин. Штурман, отказавшись от солонины, чувствует себя бодрее. Десны его крепнут. Стоят хорошие погоды. Небо ясно, холод умеренный.

12 ноября. Проходят дни и недели монотонные, темные. Морозные тихие дни чередуются с бурями и небольшими оттепелями. Были лунные ночи, теперь полная темнота. И столь же монотонной и тягучей кажется жизнь, хотя работы всем по горло. Наш быт усложнился заботами, которых не знали раньше. Нужно следить за экономным расходом топлива, — теперь жгутся остатки кладовой, принимаемся разбирать грузовую палубу. Одолевают сырость, — нужно держать

свое помещение сухим. Пообносились одежда, — изобретаем способы починки ее и обуви. Коноплев смастерил на днях веретено и прялку, теперь, очистив куделю, взятую для конопатки, ловко сучит нитки на дратву. Геолог из подкладки, пожертвованной кинооператором от футляра, мастерит новые рукавицы. Кожа пойдет на подошвы. Художник, засучив рукава, мнет тюленью шкуру, предварительно обработав ее щелочами, — опыт выработки шкур для широкого производства обуви. Открыли кузницу, чтоб вовремя заготовить побольше кирок: они пригодятся, когда настанет пора освобождать «Фоку». Возводится по проекту архитектора Лебедь-Лебединского роскошный снежный дворец — чудо полярной архитектуры.

22 ноября. После бури вскрылась полынья. Со стороны ее подходил медведь. Пустошный и Шестаков, заслышав лай, выбежали с ружьями. Навстречу охотникам скатились с горы наши медведи, завидевшие своего родича. Звереныши целый день в возбуждении. Становятся на дыбы, лезят на айсберг и тоскливо стонут и охают.

27 ноября. Лунные дни. Отраднo видеть над этой темной землей хоть призрак света. Идешь во мраке... Вдруг замечаешь: небо с одной стороны покраснелось. Новый свет начинает спорить со слабым отблеском сияния, пересиливает, и вдруг за гранью ледяного покрова блеснет искорка народившегося месяца. Все переменится. Все озарится розовым светом. Очертятся края застрюг и ледяной коры на камнях. Все станет жизненней, приемлемей.

Опять тишина, с ней тихие продуманные мысли.

Итак, наше гнездо здесь противопоставлено природе. Словно много поколений назад мы боремся с ней небольшою семьей. С нашей стороны — победы предыдущих поколений, с ее — сугубая жестокость, ее собачьи, голые законы и непобедимое равнодушие. Мы так далеки от краев, где непосредственную борьбу с природой заменили орудия и машины, где эта борьба почти не чувствуется! Здесь каждую минуту помнишь о могуществе врага, ценишь всякое ничтожное орудие, радуешься малейшей победе и учишься в поражениях.

Да, пред нами обнаженная жизнь почти первобытных людей. Мы еще сохранили многое из орудий, которые дали нам предыдущие поколения людские, но, может случиться, останемся с голыми руками. Мы ездим на собаках, но главная надежда на собственные ноги. Едим запасы, добытые чужими руками, но если хотим верной победы в борьбе за жизнь, пищу нужно уметь при нужде добыть голыми руками. И даже в наши стремления грубо вторгается первобытная жизнь. Она говорит: мне не нужны твои стремления, а нужен ты, живой. Я веду тебя к нужным *мне* целям.

И вот, во многом мы боремся уже по-первобытному. Мы стараемся не забыть целей, поставленных раньше. Однако нужно сильно обманывать себя, чтоб здесь, пред лицом тишины и звезд, не поставить себе одного вопроса: не призрачны ли в самом деле наши цели, не случайны ли они, как сочетание кристаллов льда, сложившихся в подобие реального предмета. Люди, собаки, медведи, все гнездо жизни, здесь — только проталина в пустыне, мельчайший осколочек жизни. Но *та* жизнь, пышная и расточительная настолько, что в струях ее, сталкивающихся между собой, не чувствуется общего течения — вся жизнь мира — куда стремится она? Здесь мы имеем пред глазами малый осколочек, слабую струйку. Сущность ее ясна, не запутана... и тем яснее встает вопрос: куда?

Сегодня вышел прогуляться. У судна бродил механик Зандер.

— Куда вы? — спрашивает.

— Думаю до глетчера прогуляться.

Мы пошли вместе. Мой спутник жаловался, что болезнь сильно беспокоит его. После прогулок он чувствует облегчение, но ходить-то не легко: мешает боль в колене. К тому же, совсем не умея стрелять, он чувствует себя во тьме особенно беспомощным: «кабы михулька не поймал».

29 ноября. По настоянию Седова питание улучшено: едим бульон и винегреты из сушеных овощей. За несколько дней такое питание оказало благотворное действие. Только Инютин плох. Сегодня снаряжал его гулять. Вид больного нехорош: опухшее лицо, багрово-синие мешки под глазами, по-

лураскрытые губы обнажают клочки кровавых десен и почерневшие зубы. Из рта тяжелый трупный запах. Это настоящая цинга.

— Расскажи мне, Пан, почему ты всегда весел? Ты не силач, но хвост твой всегда завернут тугим крючком. Если скучно, ты тьякаешь, гоняясь за собственным хвостом. После голода, побоев или мороза — быстро забываешь о беде. Баззаботность твоя изумительна. Наверное ты большой мудрец; расскажи-ка мне о собачьем веселом законе.

Пан повертывает живую головку, перестает улыбаться и вслушивается. Черные ушки с отметинками настораживаются. Пан показывает розовый белок у темного глаза и ждет конца речи, потом тьякает и неожиданно ловко целует меня в самые усы».

Сидеть сложа руки, когда на судне несколько больных, нельзя. Нужно что-нибудь предпринять — иначе все дело развалится. Единственное средство от цинги, особенно в первом периоде ее — свежее мясо. В трюме лежали горы моржового мяса, но мы не могли поручиться, что оно свежо: при торопливом отходе с мыса Флоры — в то время как приближались льды — моржей свалили в теплый трюм. В промежуток времени пока мы плыли до бухты Тихой — мясо тронулось гниением. Оно было еще хорошо для собак и медведей, но для цинготных такое мясо не лучше солонины.

Нельзя ли промыслить медведя? Из описаний зимовавших на этой земле мы знали, что медведи всю зиму бродят у открытой воды. Нет ли поблизости свободного моря? Нужно добыть хотя бы одного медведя, — тогда мы захватим болезни в самом начале.

Посоветовавшись, Седов и я решили сделать попытку дойти до открытого моря или полыньи и поискать берлог на южном берегу острова Хукера.

Утром 2 декабря мы вышли к югу. Стояла хорошая погода с морозцем градусов в 20. Полная луна часто выходила из облаков, помогая находить правильный путь. Луна спряталась, когда мы огибали южный мыс о. Хукера. Потом тучи

рассеялись, и мы увидали большие полыньи в проливе Де-Бруине. Южная сторона горизонта даже при луне казалась более темной: можно было предположить, что полынья соединяется с большим пространством открытой воды на юге. Пройдя еще километров пять, недалеко от полыньи мы заметили след большого медведя, настолько свежий, что бороздки, проведенные волосками лапы, еще не стерлись. На некотором расстоянии встретились еще два следа — более старых. Мы решили расположиться лагерем на медвежьей тропе и подождать, не подойдет ли медведь к палатке.

Прошло около суток. Медведей не было. Оставив в палатке Пустошного с ружьем и собаками, Седов и я отправились на южный берег Хукера искать берлог. По правде сказать, мы сами мало верили в возможность найти берлогу в это время года — тем более, что спец по берлогам, Разбойник, отстал в начале пути. Мы дошли до мыса Сесиль Хармсворт — оттуда берег заворачивает на север, достигли какого-то откоса горы, последнего перед бесконечной ледяной стеной, уходившей на север. Ни тут, ни в других свободных от льда местах берлог не нашли. После полусуточного блуждания мы вернулись к палатке обескураженные и голодные. Отдохнув, мы внимательно обследовали края полыньи, насколько позволял лед, очень тонкий вблизи ее. Новых следов не было. Решили в ночь на пятое начать обратный путь: мы были километрах в 40 от «Фоки». Как назло к этому времени небо заволочлось тучами, поднялся сильный ветер и вьюга. Не хотелось ставить сызнова палатку — мы вышли.

Напряженность путешествия во тьме — не передать словами. Как высказать ощущение мрака и угрозы, осевших на душу? Чувство полной отданности року не отпускает. Часто не знаешь, где идешь: по земле, по льду или же по ледяному покрову — под ногами мутно. Вспыхнет спичка, осветит компас, видишь, стрелка отклонилась от взятого курса. Верить компасу? — Ведь вблизи базальтовых стен склонение стрелки меняется часто на двадцать-тридцать градусов. Но если ты отклонишься даже на 15 градусов от принятого курса, — наверняка не заметишь во тьме места, к которому стремишься, и вместо достижения цели уйдешь в незнакомый пролив. Там

можешь бродить хоть месяц среди берегов, нанесенных на карту только приблизительно.

Мы шли очень медленно. Сильный ветер ежеминутно гасил фонарь. Сильно ущербленная луна изредка светила сквозь мчащиеся облака. — Так было сначала. Потом тучи закрыли ее совсем, — тогда, кроме неясных очертаний саней, все скрывалось в густой мгле, тихо звенящей кристаллами в затишье и воющей — в порыв. Вот это-то ощущение слепоты непередаваемо. Падать приходится ежеминутно: то взойдешь на покатую поверхность тороса, то провалишься в расщелину другого. Иногда видишь, луна спряталась совсем; припишешь это усилившейся вьюге, и вдруг пред тобою стена. Что это, айсберг, обрыв? Как слепец, ощупываешь палкой и рукой. — Да, обрыв. Как мы свернули к берегу, того не заметя?

Проблуждав часов пять, мы вышли на землю очевидно: нет торосов, — слабый подъем. Решили, что пересекаем выдающийся мыс, но скоро заметили ошибку — подъем продолжался, мы входим на ледяной покров о. Хукера. Дальше к северо-востоку обрыв берегового льда становится выше и выше — до ста семидесяти метров — мы это знали. Оказаться сразу на краю его в эту тьму?..

Мы свернули налево. Стали попадаться камни. Остановив нарту, осветили карту и обсудили положение. — Да, — вероятней всего находимся на мысе Дэнди-Пойнт: вперед при луне там мы видели такой же низкий берег с камнями.

Мы стояли у смутно черневшей нарты и чертили на снегу линии берега, виденного при луне. Сошлись на предположении: ледяной покров сошел на нет, еще несколько десятков метров, и мы по пологому берегу сойдем в пролив.

Для меня так и осталось загадкой, что за полоска земли встретила нас — как и вообще местность, по которой бродили. Мы двинулись дальше. Я шел впереди, показывая путь собакам. Шагал довольно медленно, но без особых предосторожностей, принимаемых при ходьбе по ледникам. Я ждал ежеминутно, что встречу первые торосы пролива.

Вдруг я почувствовал, что под ногами что-то подломилось и я лечу в пропасть. Помнится, особого испуга или растерянности не было. Наоборот, мелькнуло несколько мыслей чисто

делового характера: куда я лечу — в трещину?.. Почему же ни за что не задеваю и не ощущается свиста в ушах, как рассказывал Павлов? Чем все это кончится?..

Эти отрывки мыслей прервались жестоким, глухим ударом в левый бок — полет прекратился, я где-то внизу и, кажется, цел. Не успел я простонать, — новый тяжкий удар обрушился на плечо и голову: глыба снега придавила меня. С трудом освободившись от снега, я не увидел впереди стены льда и понял все: я не в трещине, а свалился с обрыва. Целы ли товарищи?

Подняв голову, я увидел стену ледника и на верхней части его — еле различимой — заметил повисшую упряжку. Шесть собак болтались на цепочках, прикрепленных к ошейникам, и задыхались — все остальное скрывалось во тьме и движении вьюги. Я стал кричать:

— Отстегните ошейники, собаки задохнутся!

Долгое время никто не отзывался на мои вопли, наконец донесся голос Пустошного, — он лежал на животе, выглядывая из-за края обрыва. Я приказал ему немедленно обрезать постромки. Через минуту на меня упала кучка полузадохшихся собак. Все были еще живы. Бедняги отнюдь не понимали, что с ними происходит. Лежа несчастной, перепутанной ремнями кучкой, они тихонько повизгивали. Сверху спустились на веревке груз, двух оставшихся собак и нарту, побросали мелочь. Оставалось спуститься самим. Прыгнули и люди. Седов свалился с лавиной, которая не выдержала его тяжести. Все кончилось счастливо. Пока мы распутывали собак и приводили в порядок нарту, вьюга разыгралась. Ветер, скатываясь с ледяного покрова, шипел, свистел, забрасывал нас тучами снега. Все было готово — мы тронулись в путь. Не прошли за час и сотни метров, — и то не по верному направлению — поднималась буря. Решили поставить палатку. Усталые от напряжения и приключений, мы улеглись спать. Нам этот сон не дал отдыха. Палатка, поставленная наспех, колотила в бок, как злая нянька. Иногда я забывался дремотой, начинало казаться, что кто-то будит, — я просыпался. Буря разыгрывалась. Так лежали мы в спальных мешках более двенадцати часов. Стало как будто утихать: стенки палат-

ки больше не колебались, но сдавливались снегом: мы тесней прижимались друг к другу. Скоро поняли: палатку заносило снегом. Еще час, и голоса бури исчезли, — мы были в глубине сугроба. Я задремал. Только что пережитые часы стерлись в мозгу и сменились образами совсем иными, чуждыми напряженности ночного скитания. Мне снилось, — я сижу в мягком кресле среди общества прекрасных женщин и, смеясь, рассказываю о нравах японцев, о грациозной Окикуна-сан — девушке-цветке, об экзотическом приключении, случившемся, когда я шел по блестящему бамбуковому лесу близ Оура с процессией Коня...

Какое-то неудобство разбудило. Я не сразу понял, что подо мной не мягкое кресло. Странно, — ощущение сырости. — Оттаял снег? Желая устроиться поудобнее, я повернулся на другой бок и почувствовал, что лег в ледяную воду. Брезент уже погрузился в нее, когда, просунув руку под мешок, я стал исследовать причину сырости: палатка опускалась в воду. Молодой лед, не выдержав тяжести сугроба и людей, прогнулся и с каждой минутой оседал все больше. Я поспешно вылез из мешка и разбудил товарищей. Наша одежда и рукавицы, сложенные в изголовьи вместо подушек, успели вымокнуть.

Мы барахтались во мраке тесной палатки, выбирались, расстегивали, обрывая, застежки у входа и разгребали руками лаз через сугроб. — Нужно торопиться. Когда мы подняли спальные мешки, вода была уже по щиколку, — все вещи плавали. Раскопав выход, принялись выбрасывать вещи — не трудно вообразить с какой поспешностью все это делалось! Палатку вытаскивали из-под снега, стоя почти по колено в воде.

Свирепствовала по-прежнему буря. — О, какими несчастными казались мы себе! В самом деле: мы не могли даже спрятаться от этой ужасной бури. Конечно, можно поставить палатку в другом месте. Но спальные мешки — ведь они промокли насквозь, вся одежда на нас — тоже не в лучшем состоянии! Отсырела последняя коробка спичек, вода проникла даже в бензиновое огниво, — мы не могли развести огня, чтоб подсушить хоть немного одежду; лежать же в эту вьюгу мокрыми насквозь, значит обратиться

в ледяную сосульку. Волей-неволей нужно идти: на ходу не замерзнем.

Началось новое блуждание во тьме. Мы брели в оледенелых одеждах со снежной маской на лицах, — остановиться нельзя, пока не просохнет на ветру одежда. Луна ушла за горизонт, шли больше наугад: было так темно, что глаз не видел компасной стрелки. Через девять часов мы набрали на какой-то высокий мыс. Предположив, что пред нами мыс в проливе Мелениуса, мы должны были, держа прямо на восток, выйти к Рубини-Року. Направились по этому курсу, готовые вернуться к исходной точке... в случае, если б по этому направлению Рубини-Рока не оказалось. Через два часа увидели как привидение в тумане грозные скалы Рока. Еще полчаса — и утром 6 декабря измученные собаки остановились у борта «Фоки».

Когда наши молодцы стали спрашивать, где же медведь, Пустошный пробурчал, глядя в сторону:

— Ладно, хоть свои-то шкуры принесли.

Вместо медвежьего мяса нас покормили в праздник остатками Гусара.

12 декабря. Монотонность и тьма. На Новой Земле даже в самые дни солнцеворота слегка светало. Здесь рассвета нет. При ясном небе на юге в полдень слегка сереет, — это не заря; серый оттенок не освещает, ночь темна по-прежнему.

В жилище нашем уныние. Здоровье всех, за малыми исключениями, пошатнулось. Седов еще до экскурсии жаловался на слабость десен; в эти дни они сильно распухли. Признак цинги у такого крепкого человека тревожит всех.

14 декабря. Тихий день, - 24 °С. После обеда вышел прогуляться. Поднявшийся ветерок пронизывал заслуженную куртку, — малица пригоднее для таких температур. Я навестил медвежат и побрел в свою каюту.

Медвежата сейчас на привязи. На днях они снова начали производить метеорологические наблюдения и сломали один из лучших термометров. Седов приказал посадить проказников на цепь. Узники привыкли к тому, что я выношу им каждый день сладенький кусочек. При моем приближении они издают веселое ворчание, становятся на задние лапы, чтоб

рассмотреть, что у меня припасено, шарят по карманам, забираются лапой за пазуху и тщательно обнюхивают: не спрятали где-нибудь сахар или монпансье. Я люблю чувствовать на руке их теплые мягкие губы, — как будто любимая лошадь берет трепещущими губами кусок соленого хлеба. Иногда мы боремся, — только не с Васькой: его характер слишком сумрачен для игр. Кормим медведей теперь только раз в неделю, — но до медвежьего отвала.

Вечером роскошное северное сияние. Ни на Новой Земле ни здесь не достигало оно подобной силы игры и красоты.

Началось полосой света. Такие полосы обычный тип сияния на Земле Франца-Иосифа. На этот раз вслед за полосой вспыхнули еще несколько лент. Эти ленты продержались недолго, только одна — вблизи зенита осталась неподвижной на всем протяжении с востока-северо-востока на З.-Ю.-З. Эта полоса иногда расширялась, иногда суживалась, становилась мутнее, по временам в ней проявлялась слабая игра, — тогда лента походила на гигантский занавес, протянутый через все небо. Он колыхался, как бы от дуновения ветра, мутнел, разгорался и опять превращался в мутную реку света. От нее отделялись рукава, превращавшиеся в занавесы. Кроме главной полосы в разных местах неба вспыхивали причудливые туманности и световые фигуры. Сияние в этот период было сильным. Седов, Павлов, Сахаров и Визе вышли полюбоваться. В это время могучая полоса усилила игру, но ничего особенно-красивого не было, исключая разве короны, очертившейся слабым намеком. Подождав с четверть часа, зрители ушли; остались я и Визе. Мы не раскаялись.

Вскоре корона потянула к себе многочисленные ленты, они превратились как бы в продолжение ее лучей. Все это было красиво, но скорей по формам, чем красками: свет гигантской звезды раскинувшейся по всему небу, оставался тем же обыкновенным светом бледно-голубого газа. И вдруг, как по сигналу, — все изменилось. Корона разлила яркие лучи до горизонта. Они сверкнули, как бы перевернувшись по оси, превратились в ярко-цветистые ленты. А в центре короны началось неизобразимое ни словами, ни красками — волшебный фейерверк.

Вспыхивали и гасли лучи самых разнообразных цветов. На этом пестром фоне извивались по временам какие-то странные змейки, их сменяли снопы огня, — пятно в середине короны казалось тогда кратером светового вулкана. Кратер извергал — то снопы, то полосы зеленого огня, то разворачивавшиеся ленты.

Я и Визе, забыв про легкое одеяние, не замечая дрожи, смотрели на игру цветов и форм в состоянии близком к экстазу. Праздник света длился недолго. Огни стали гаснуть, как потухающий фейерверк. Центральная лента прояснилась, а закрывавшие ее лучи рассыпались по всему небу, как будто корона разметала их.

18 декабря. Вчера и сегодня опять сильное сияние.

Я многократно пробовал фотографировать это явление, но не имел успеха: очевидно, химическая сила лучей его ничтожна. Короткие выдержки дают на пластинке только намек, при более продолжительных — получается размазанное пятно.

19 декабря. Болезни на «Фоке» усиливаются. Утром Зандер почувствовал, что ему плохо — температура прыгнула на 40°. Слег Коноплев. Десны Седова кровоточат; распухли ноги, одышка, сонливость и слабость. Вполне здоровых на судне только семь человек: я, Визе, Павлов, Сахаров, Лебедев, Пустошный и Линник. У Кушакова тоже распухли десны. Кушаков убежден, что все больны «пятнистым ревматизмом». (Очень редкая и мало исследованная болезнь.) Оставшиеся здоровыми, — на подбор — все воздерживающиеся от солонины, относятся к определению нашего ветеринара и всей его врачебной деятельности с большим недоверием. Беда в том, что лечение цинги и пурпурного ревматизма противоположны. Наши больные вместо свежего воздуха и подходящего питания получают огромные порции салицилового натра. Мы, здоровые, пока духом не падаем. Распределив работу, лежавшую на больных, подбадриваем друг друга. Струн спускать не хотим. Готовится номер рождественского журнала. Ежедневно для сохранения здоровья гуляем не меньше двух часов.

22 декабря. Инютин, Кизино и Пищухин поправляются. Продолжительные прогулки по воздуху оказывают хорошее

действие. Седову тоже лучше. После обеда он высунулся из каюты и спросил меня, в исправности ли моя винтовка: собаки что-то подозрительно воют. Минуты через три вернулся с прогулки Инютин и сказал, что несколько собак, отбежав к айсбергу, подняли сильный лай. Я и Седов, захватив ружья, вышли посмотреть, в чем дело. Нас скоро догнал штурман с фонарем. Седов шел медленно и задыхался.

Около айсберга, с полкилометра от судна, темными пятнышками копошились собаки. Подойдя шагов на тридцать, мы начали различать, кроме собак еще какой-то предмет — он столь же походил на медведя, как и на кусок снега или торос в снегу. Собаки держались полукругом, примыкавшим к ледяной стене. Нам казалось странным, что белые Ободрыш и Разбойник рядом с медведем в темноте выглядели почти черными. Шагах в двадцати Седов выстрелил, я тотчас же за ним. Медведь взревел и бросился бежать с быстротой оленя — мы не видели еще такого быстрого. Когда собаки вцепились в него на ходу, медведь стал вертеться и прыгать, как рассерженная кошка. Я дал по нему выстрел наугад, не видя мушки, — конечно, не попал, ибо медведь бросился бежать еще резвей, чем после первых выстрелов. Следовало бы сохранять осторожность в борьбе с таким зверем, но — в темноте как убить его иначе как в упор? Седов бросился вслед, я же побежал отрезать дорогу с противоположной стены айсберга, крича в то же время идущим от корабля зрителям, что зверь идет на них. Мишка, завидев ряд фонарей, предпочел повернуть и взобраться на айсберг в том месте, где он был пониже, около двух метров обрыва, а дальше наклонная плоскость. Нельзя было не залюбоваться молодецким прыжком: это не медведь, а тигр! Спустя секунду по неровностям льда взобрались на айсберг несколько собак. Начался бой на ледяной наклонной и скользкой плоскости. В несколько секунд медведь подмял собаку, другая с визгом скатилась с обрыва. Седов выстрелил. Медведь спрыгнул с обрыва, но, встретив внизу новых собак, опять взлетел на айсберг и снова смял собаку. Я подошел к самому обрыву и выстрелил два раза, последний выстрел оказался удачным — штурман осветил фонарем медведя, — я разобрал на дуле очертания мушки. Зверь

взревел, сделал огромный прыжок, еще подпрыгнул и, облепленный собаками, покатился по откосу и рухнул с обрыва. За ним, как пушинки, — собаки. Из шести выпущенных пуль медведя задели только три: одна оцарапала шкуру, другая пробила ногу, последний выстрел разорвал сонную артерию. Убитый медведь — пушистый самец с серебряной шерстью необыкновенной красоты.

Этот день так не похож на остальные монотонно-тоскливые дни последнего месяца! Не было ярких красок в этой жизни. Нет их ни в рассказах, повторяющихся по десять раз незаметно для рассказчика, ни в однообразном стуке шахмат о протертую доску, ни в стоянии молчаливым кружком у печи во время топки ее, ни в унылом пении «трубадуров», заканчивающем каждый день. И теперь не хочется касаться всех этих оттенков серого. Но жизнь течет и меняется. Быть может, впереди пред нами большие переживания, за их напряжением забудется серая нитка, которая нудно тянулась из клубка этой бесконечной ночи? — Теперь наше бытие далеко от культурной жизни. Как далеко — мог бы заметить только посторонний человек. Любопытно было бы посмотреть со стороны на дикую напряженность охоты во тьме, потом на кровавое пиршество у убитого медведя. И здоровые и больные пили горячую медвежью кровь. До этого дня я не был кровопийцей, но сегодня горячо расхваливал эту жидкость, не подавая вида, что она мне противна: я знал, что в нашем положении кровь лучшее средство от цинги. Им одним спасаются самеды и русские на всем побережье Ледовитого океана. Большинство вяли моим увещаниям. К сожалению, два, более слабых «ревматика» Зандер и Коршунов не поверили похвалам напитку и отказались наотрез. Седов попробовал, но не мог пить.

Конечно, картина сегодняшнего дня необычна даже для нас. Но сторонний наблюдатель заметил бы, как обтрепалась одежда, далекая от заботливого женского взгляда, насколько люди привыкли ходить грязными и небритыми.

Полярная ночь прекрасна. Вокруг чуда. В небе роскошное празднество. А на земле...

23 декабря. Прекрасное северное сияние. Наблюдали его я и Визе. Сначала над горизонтом поднялись столбы, слабо окрашенные внизу оранжевым цветом. Через десять минут столбы соединились лентой вроде дуги. Южный конец ленты, разделяясь на три луча, стал подниматься. Когда сияние достигло середины небесного купола, верхняя лента вдруг закружилась вихрем. Мы ясно видели, как она разделилась на отдельные ленты, поворачивавшиеся в зенит огненным колесом, кидавшим снопы бриллиантов. То же повторилось при прохождении второй ленты. Третья лента стянула к себе все огни неба. В то время как столбы и лучи всех цветов радуги, подтянувшись к одной точке, заиграли острыми блесками, в середине неба, залитого белым светом, происходила бешеная игра: свертки лент один за другим развертывались и выбрасывали вниз блестящие полосы, а вдогонку им бежала волна пурпурного света. Все это непередаваемо словами. Жалки пред небесным светом хитрые потешные огни — изделие человеческих рук.

Бедняге Коноплеву хуже. Ноги его под коленями распухли, уже не может ходить. Больной очень крепкий человек, но вынужденная неподвижность лишает его свежего воздуха.

В небе прекрасное зрелище. На земле у нас — страдание и уныние. Прекрасна ли ночь? Ее гнет чувствуют все живущие здесь. Каждодневность быта тяжела. — Где же истинное лицо полярной ночи, — в тишине ли ее, умиряющей все страсти, в красоте ли неба, усеянного звездами, и в зрелищах, роскошь которых, не видев, невозможно представить? — Или же во вчерашней земной картине, когда под занесенным такелажем собрались небритые люди с черными зубами на распухших деснах и со странно блестящими глазами? При свете фонаря эти люди, не отличавшиеся от своих собратьев удалых, сибирских охотников на ошкуя, — погружали кружки в жидкость, казавшуюся черной, зачерпывая ее из брюшной полости только что убитого медведя, и пили. — И над ними сияло чудеса-ми небо.

Глава пятнадцатая

25 декабря. Рождество. Проснулся с мыслью: вот второе Рождество. Кто разбудит в утро зимнего праздника ровно через год?.. Или — опять проснусь от песни ветра?

Седов перед обедом сказал речь, — голос его слабо звучал в этот раз. Призыв соединиться в тесную семью и слова ободрения больным, потеряли что-то, раньше убеждавшее и подвигивавшее.

Тяжел долг начальника экспедиции. Больше всех в ободрении и поддержке нуждается сам Седов. Но он не может высказать своего уныния, как ни худо на его душе: ведь все ждут слова вождя. За исключением нескольких самостоятельных людей, все привыкли иметь впереди вожака, а Седов истинный вождь. До сих пор за ним идут слепо: он образец смелости, широкой расчетливости, образцовый капитан, — матросы в него влюблены.

Кто знает, что теперь на душе Седова? Планы его давно пошатнулись, а болезнь, если она продлится еще две-три недели, безжалостно разобьет все мечты о полюсе. Но то, что на сердце, начальник экспедиции ни в каком случае не может вынести наружу. Ни колебаний, ни сомнений, ни слабости тела не может показать сильный дух; таким духом обладает Седов, срезать его может только смерть.

В этот праздник мы, здоровые, из всех сил старались организовать праздничное веселье. Иллюминация кают, богатый ужин, номер журнала, — все как в прошлом году. Каза-

лось по временам, что удалось отогнать тяжелые мысли больных.

1 января 1914 г. Новый год. Встретили его тостами и пушечной стрельбой, но без веселья. Стоят упорные холода с резкими ветрами. 29 декабря был сильный шторм при -38° С. И сегодня я гулял два часа при ветре в 16 метров в секунду с той же температурой. Даже малицу пронизывает ветер. Ходим с отмороженными щеками и подбородками. Моя каюта во льду. Оледенение дошло до самого пола. Поверх льда на стенах и на потолке по утрам вижу слой инея — это влага моего дыхания за ночь. Могучий ледник на койке достиг вышины полуметра при толщине около двадцати сантиметров.

Удивительна привычка. По ночам я не особенно зябну, хотя покрываюсь теми же двумя одеялами, что и в России. Приходится, впрочем, на ночь надевать лишнюю фуфайку, а лед в ногах закрывать листом резины. Кроме меня раздевается на ночь только Визе, остальные, по выражению Павлова, «давно опустились на дно». Температура в каютах по ночам опускается до -6° , — бывает и ниже. Днем в кают-компании от 1° до 9° выше нуля; чаще всего — градусов пять. В каютах холоднее.

Когда в каютах от 0 до 5 градусов, мы мерзнем, хочется надеть меховую куртку. Я удерживаюсь, — тренируюсь на холод, к тому же и куртка одна. Слабое место всех — ноги: они вечно мерзнут. Обувь поизносилась, а хорошую пару все берегут про запас. В коридоре же на полу постоянная влажность, ноги у всех мокры. Чтоб согреть их, необходимо высушивать валенки в то время как топится печь. Как только затопится печь в коридоре — а это отрадное событие случается два-три раза в день — вокруг источника тепла собирается все население «Фоки». Тридцать или сорок минут пока горит огонь, печи не видно: она закрыта обувью. За первым слоем — второй: ее держат в руках люди, толпящиеся вокруг. Они стоят на одной ноге, подобно аистам, другая — босая протянута к печке. Случаются легкие ссоры из-за несправедливого распределения мест:

— Вчера в первом ряду был и сегодня туда же. Ловкай! Нет, брат!

Попробую описать день на «Фоке».

Я уже с шести часов не сплю и слышу все звуки нашего обиталища. Первый — покашливание штурмана в его каюте, по старой морской привычке он просыпается раньше всех. Потом слышу на кухне возню: встал Лебедев, — теперь он боцман. В 7 часов Лебедев идет по матросским каютам, доносится его иронически-вежливый голос:

— Господа, доброе утро! Каково почивали? Извините, что побеспокоил. Милостивые государи, позвольте попросить вас встать!

В ответ раздаются не столь утонченно-вежливые слова и звуки. Как бы то ни было, люди начинают шевелиться и, лягая зубами, поругиваясь, вылезают из-под одеял. Одеваться не нужно: все спят одетыми. Тотчас после любезного приглашения вставшие идут на кухню за кипятком.

День начался. Рассказывают сны. Рядом в буфете Кизино стучит посудой, потом затапливает в кают-компании печь. Спустя полчаса температура поднимается, тепло чрез открытую дверь доходит до меня, размаривает. В восемь часов Кизино обходит каюты членов экспедиции неизменно повторяя изо дня в день все одни и те же слова: «пожалуйста кофе пить». Доходит очередь до меня. Я совсем не расположен вставать: уловка Кизино давно известна, кофе не готово и будет подано не раньше девяти. Я вылезая из-под одеяла в начале десятого и сажусь за кофе с черным хлебом. У своей лампы в коридоре уже сидит Инютин за шитьем сапог из нерпичьей шкуры, бегает в машинное отделение Кузнецов, вспарывает консервные жестянки Пищухин. Из клубов пара, распространившихся от кухни по всему коридору, доносится голос Линника, — он чинит шлейки и разъясняет Пустошному нечто из мудрого опыта, как управлять собаками.

Умываюсь, убираю свое ложе. В кают-компании Павлов, иногда Максимович. Павлову скучно до тоски. Он берется за ту, за другую книгу — все перечитано. Ставит микроскоп — все шлифы заучены. — Седов лежит в своей каюте.

В помещениях больных горят лампы, — там теплее — около десяти градусов. Посмотришь в щелку двери Коноплева, он не спит, тоскливо невидящим взглядом уставился куда-то.

— О чем думаешь, сердяга?

Пред обедом затапливается печь в кают-компании — у нее места не найти. Пообедав, команда ложится спать. Просыпается в это время Визе (он делает метеорологические наблюдения до четырех часов ночи), берет английскую грамматику (я и он изучаем по самоучителю английский язык) или садится за вычисления. После двухчасовой прогулки, я опять принимаюсь за работу. Редко удается работа, требующая сильного умственного напряжения: холод мешает сосредоточиться. В чисто механической области наш труд значительно продуктивней, — если надо переделать рукавицы, заштопать одежду, сшить ножны, вычистить инструменты или помочь снаряжению экскурсий. Увы, это так!

В шесть часов подается ужин — остатки обеда, а обед — суп из сушеной трески или мясных консервов, изредка заменяемый бульоном из сушеного мяса; на второе — макароны, или каша. Однообразные блюда надоели всем до отвращения. Есть не хочется. Пересиливаешь себя. Через три часа волчий голод: организм протестует, получая мало азотистых веществ, особенно нужных ему в суровых условиях.

Я записываю в дневник, что чувствую, но спрашиваю себя: не сетуешь ли ты? Каково было другим исследователям, не имевшим и того? У нас есть сахар, печется раз в неделю свежий хлеб, три раза в неделю какао. По праздникам — роскошь: консервированные фрукты и даже конфеты. Многие позавидовали бы таким запасам! А красоты угрюмого севера даром не даются. Еще не забудь: *все кончается*.

До ужина каждый продолжает свою работу — в вахтенном журнале отмечается: «команда занималась приготовлениями к полюсному путешествию». В девять часов некоторые матросы сразу забираются в койки, другие играют в карты, в кают-компании несколько человек просиживают за картами часов до двенадцати. А потом дружный храп или ворочанье с боку на бок.

Действительно, нелегко уснуть в этом чертовском холоде. Живущие там на юге не додумываются — какое ценное приобретение культуры простая теплая постель с чистым бельем, даже обыкновенные русские полати. Они не родились вместе с человеком, а приобретены упорнейшей тысячелетней борьбой. Какое

счастье сон, не прерываемый падением капель на лицо, замерзанием высунувшейся конечности или носа до такой степени, что приходится отогревать рукой и дыханием. Сон всех не спокоен.

Перед сном в своей каюте зажигаю свечу и долго сижу пред раскрытым дневником. На потолке от тепла свечи протаивает кружок.

Падает капля.

7 января. С Нового года усиленно готовится снаряжение. Уйдет ли Седов, хватит ли сил? Здоровье его как будто лучше. Сегодня он вышел из каюты, но, просидев около часа, сильно устал и снова лег в постель. Мясное питание помогло. Мясо медведя, убитого недавно, тратилось, как лекарство. Мы, здоровые, попробовали его только в Рождество и Новый год. Штурман, Кизино и Кушаков поправились совсем. Инютин и Пищухин на ногах.

13 января. Упорны холода, столбик термометра не поднимается выше -33° С. Ветры постоянны — преимущественно с северной стороны. Когда все люди станут, наконец, солидарными, а миллиарды золота, ежегодно бросаемые теперь на поддержку тунеядцев и на изготовление орудий разрушения, будут направлены вместе с трудовыми армиями на расширение культурных участков земли, на оживление пустынь, — может быть, тогда дойдет черед и до здешних холодных земель? — В том нет ничего невозможного. Разве грезилось некогда обитателям цветущей Греции, что страна на север от нее — ужасная «страна гиперборейцев», где на полгода земля белеет и все замерзает — населится впоследствии могучим народом, а их, гордых эллинов, потомки будут воровато торговать по мелочам в великой северной стране? — Ведь достаточно было найти на Аляске золото, чтоб эта страна ожила от векового сна. Выросли города. Может быть, и на здешних пустынных островах вырастут поселения? Живя в тепле и удобствах, питаюсь провизией, быть может, доставленной по воздуху, станут ли жители полночной страны вспоминать о затруднениях первых посетителей? Они-то жили, как стайка рыб, из устья реки отбитая ветром в море. — Так думалось сегодня на прогулке.

16 января. За ходом болезни Седова следят, как за болезнью ближайшего родственника. Судьба экспедиции будет

иметь разные исходы в зависимости от того, поправится ли больной к началу февраля. Сегодня лица веселей. Седов целый день на ногах.

Светает. В полдень слабая заря. Скоро, скоро конец длинной ночи! Радует предчувствие, что за этим рассветом — родина, друзья, весь мир полноты жизни. За зарей видения лесов, зеленых долин, простых сердцем людей, — да, да — перенестись в глушь родной губернии и посидеть в гостях у углекопа Демы и у приятеля Никиты!

Пока же только сны отражают эти желания. Просыпаясь от капли, щелкнувшей по носу, я смеюсь и над каплей и над нелепой смесью полярных образов с идиллией родных картин.

18 января. В тишине ночи под темным небом, когда слышен один скрип под ногами, разговоры двух ушедших на прогулку становятся особенно значительными. На корабле каждое слово взвешивается: оно достояние всех и не должно задеть никого. Сегодня — продолжительный разговор с Седовым. Он просил меня отправиться на мыс Флоры: необходимо оставить записки на южном берегу на случай, если какой-нибудь корабль придет раньше, чем вскрыется бухта Тихая. Мы подробно обсудили план путешествия: придется идти с двумя матросами, без собак. Разговор перешел на полюсное путешествие. Г. Я. подробно развил план, которого он хочет держаться при нынешних обстоятельствах. Возьмет всех собак (28), провизии для собак на два с половиной месяца, для людей — на пять месяцев. Он считает возможным сохранить часть собак до самого полюса в том случае, если ему удастся пополнить запасы из склада Абруццкого в Теплиц-Бай на З. Рудольфа. Седов просил меня проводить полюсную партию до этого места. Если бы склад оказался попорченным или использованным, Седов будет иметь возможность пополнить израсходованное провиантом, оставшимся мне на обратную дорогу. Я ответил согласием на оба предложения: в самом деле — провизия нужна мне только до первого марта, — после этого срока возможно пропитаться одними птицами. При уходе Седов предполагает возложить на Визе руководство научной работой, оставив Кушакова по-прежнему заведывать хозяйством

и передать ему же власть начальника экспедиции: «он старше всех по возрасту и имеет способность командовать». — Когда я попросил Седова не торопиться с путешествием: «поправившись и окрепнув, вам будет легче делать большие переходы», Г. Я. ответил: «болезнь моя — пустяки. Кушаков определил легкий бронхит и острый ревматизм. Разве такое недомогание оправдало бы задержку?» Когда я намекнул, что «ошибки в распознаваниях болезней свойственны даже лучшим профессорам», Седов перебил меня — «Цинга? Тем более, — она страшна при неподвижности зимовки, при упадке духа. Нет, нет, мне нужно не поддаваться болезни, а бороться с ней!»

22 января. Уход Седова назначен на 2 февраля. Продолжаются сильные холода, вот уже около месяца температура не выше -33° С. Климат Земли Франца-Иосифа резко отличен от Новоземельского. Нет столь резких колебаний. Свирепы бури, но ураганов, подобных прошлогодним, не наблюдалось. Но здесь обыкновенны морозы при сильном ветре. Ветры чаще всего с северных румбов. Жизнь в палатке при таком климате должна быть особенно тягостна. Представляется, какой невыносимо-тяжелой должна была она казаться путешественникам к полюсу, не имевшим до того долгой полярной тренировки. Мы достаточно закалены и вооружены мелочами палаточного обихода, делающими жизнь на льду терпимой, а главное, знаем предел выносливости, за которым должна начаться болезнь. Тем яснее представляем, что грозит путешественнику, не соразмерившему сил и условий. Здоровье Седова по-прежнему плохо. Почти неделю он был на ногах; эти сутки провел опять в каюте.

27 января. Между 10 и 2 часами светло. Седов ездил проминать собак. Собаки в прекрасном состоянии: начиная с лета, они питались мясом. Шерсть их густа и пушиста, — некоторые псы круглы, как шерстяной мячик. Совершился естественный отбор — остались крепыши. С такими собаками можно на полюс. Продолжаются сборы. Мы все принимаем участие, вкладывая все старание и свой опыт. Каяки будут поставлены на сани, вся провизия — внутри каяков. На случай, если бы сани провалились и вода попала бы и в каяки, все предметы, боящиеся сырости, упакованы в непроницаемые

резиновые мешки. Те места каяков, где существует опасность порчи острыми краями льдин, защищены оленьим мехом. Мехом обшиты даже веревки в местах касаний с каяками. Провизия распределена так, что не нужно затрачивать время на отыскивание: по номеру мешка всегда видно, сколько остается запасов. Спальный мешок один на троих во всю ширину палатки. Окончательно выяснено, что Седова сопровождают Пустошный и Линник.

Попытка Седова безумна. Пройти в пять с половиной месяцев почти 2000 километров без промежуточных складов с провиантом, рассчитанным на пять месяцев для людей и на два с половиной для собак? Однако, будь Седов здоров, как в прошлом году, — с такими молодцами, как Линник и Пустошный, на испытанных собаках он мог бы достичь большой широты. Седов фанатик достижений, настойчив беспримерно. Но в нем есть жизненная черта: умение приспособляться и находить дорогу там, где другому положение представляется безвыходным. Мы не беспокоились бы особенно за участь вождя — будь он вполне здоров. Планы его всегда рассчитаны на подвиг; для подвига же нужны силы — теперь же сам Седов не знает точной меры их. До похода пять дней, а больной — то встает, то опять в постели. Все участвуют в последних сборах, но большинство не может не видеть, какого исхода можно ожидать. Предстоит борьба не с малым, — с беспощадной природой, она ломала не такие организмы. Нансен и Каньи повернули с 86 градуса, а отправились они от точек, лежащих к полюсу значительно ближе, чем наша зимовка. Но в решение Седова начать борьбу никто не может вмешаться. Существует нечто, организовавшее наше предприятие: это нечто — воля Седова. Противопоставить ей можно только восстание. Но кто примет на себя ответственность утверждать, что силы Седова не соответствуют его предприятию? Каждый имеет свои выводы из наблюдений над здоровьем Седова, но наши выводы — впечатления профанов в медицине. К сожалению, мы не имеем настоящего врача.

На прогулке к Рубини-Року я несколько раз начинал разговор о предстоящем походе и о возможности отложить его на две, на три недели. Седов каждый раз менял направление раз-

говора, как будто бы такой оборот его был неприятен. Под конец прогулки мы подошли к теме вплотную. Седов слушал, не перебивая. Потом долго думал и произнес:

— *Все это так, но я верю в свою звезду.*

28 января. Сегодня я нашел лес из кристаллов: крошечные снежные деревца выросли на льду. Они образовались из испарений льда на недавно затянувшейся полынье. Я долго, дивясь, рассматривал их нежное строение. Кустики 4—5 сантиметров высотой. В некоторых местах, где лед был толще, кустики закрывали его сплошь. Несколько дней стоял полный штиль, — за время его и выросли чудные деревца: испарения не поднимаясь вверх, замерзли на месте. К сожалению, я заметил тот лес во время сумерек — для фотографирования было слишком мало света.

29 января. Ясный день, цветистая заря. Мои волшебные деревца снесло первым же движением налетевшего ветерка. Когда я пришел с аппаратом, на месте кристального леса был ровный лед, как будто виденное вчера было только сном.

Вспомогательная партия не может выйти — нет здоровых людей. Со мной должны были идти Шестаков и Пищухин. Пищухин все время прихварывал, а в эти дни еле ходит на опухших ногах — такой спутник для путешествия не помощь, а помеха. Шестаков слег в койку. Из оставшихся матросов здоров вполне один Кизино. Все складывается враждебно походу.

1 февраля. Весь вчерашний день — последние спешные сборы. Сегодня у борта три нарты цугом с разложенными шлейками. Остается только запрячь собак. 25 градусов мороза, жестокая буря, с юго-востока. Сила ветра до сорока метров в секунду.

Седов целый день в каюте. Вчера его ноги опять распухли. Кушаков успокаивает Седова, находя, что болезненное состояние не что иное, как обострение ревматизма в сильный шторм. Некоторые думают об ухудшении здоровья проще, припоминая, что несколько дней назад, по распоряжению Кушакова, была сварена солонина, и Седов опять поел ее. Бесплезно спорить: усиление ли цинги или ревматизма свалило с

ног нашего вождя, — не одинаково ли погибельно начинать двухтысячекилометровое путешествие с цингой или ревматизмом?

Но отъезд не откладывается. Под вечер шторм утихает. Седов просил меня фотографировать его. Нарочно встал с постели и оделся.

Глава шестнадцатая

...Без промедлений, без торопливости

Мне шепнуло сквозь ночь, и явственно перед рассветом
Пролепетало мне тихое слово пленительное — смерть.

Уолт Уитмен

Второго февраля пасмурный рассвет. Буря окончательно стихла, от нее остался слабый ветерок. -23° С. Светать начало только к десяти часам. Седов с утра ушел на разведку, в половине одиннадцатого вернулся. Дорога тяжела. Вчерашняя буря намела большие сугробы, снег не успел еще затвердеть. С лицом бледным, более чем обыкновенно задыхаясь, Седов поднялся на корабль. Он жаловался на боль в ногах и одышку.

Перечитывая свой дневник, я вижу, что все записанное в этот день проникнуто тяжелым предчувствием. Все воспринималось не так, как было на самом деле, а сквозь тяжесть предчувствия. Так — пред грозой вы смотрите только на темную тучу, на застывшую стеклом воду реки и на набегающий мрак. Все кажется грозным — вы уже не видите ни ярких отблесков солнца на зелени, ни ослепительных лучей тут же у ваших ног, ни ясного неба над головой. Восстанавливая теперь в памяти этот день, я убеждаюсь, что взгляд мой, прикованный к тяжелой туче, не видел многого: только теперь, смотря на последнюю фотографию Седова, снятую за несколько минут до отправления, я припоминаю, как прекрасно было его бледное вдохновенное лицо с далеким взглядом. Что об-

щего у этого лика с обыкновенным, переполненным жизнью, которое все знали раньше — румяное, скуластое, с огромным лбом и всегда смеющимися глазами, глубоко всаженными в орбитах? — Неистощимый рассказчик, выдумщик анекдотов и смешных историй, кумир команды, бесстрашный охотник, всегда ценный, — даже к работе подступавший не иначе как с шуткой, Седов в этот день явился иным: сосредоточенно-решительным, как будто бы какая-то мысль завладела им до перевоплощения. Возвратившись с разведки, Седов прошел в каюту — пред тем я передал ему свое письмо⁶². Г. Я. пробыл в каюте около полчаса, вышел с написанным приказом, в котором он передавал руководство научными работами Визе, а власть начальника — Кушакову. Визе прочитал приказ вслух. Не расходились. Не уходил и Седов. Он несколько минут стоял с закрытыми веками, как бы собираясь с мыслями, чтоб сказать прощальное слово. Все ждали. Но вместо слов вырвался едва заметный стон, и в углах сомкнутых глаз сверкнули слезы. Седов с усилием овладел собой, открыл глаза и начал говорить, сначала отрывочно, потом спокойнее, плавнее — голос затвердел.

— Я получил сегодня дружеское письмо. Один из товарищей предупреждает меня относительно моего здоровья. Это правда: я выступаю в путь не таким крепким, как нужно и каким хотелось бы быть в этот важнейший момент. Пришло время: сейчас мы начнем первую попытку русских достичь северного полюса. Трудными русскими в историю исследований севера записаны важнейшие страницы, — Россия может гордиться ими. Теперь на нас лежит ответственность оказаться достойными преемниками русских исследователей севера. Но я прошу, не беспокойтесь о нашей участи. Если я слаб, спутники мои крепки, если я не вполне здоров, то посмотрите на товарищей, уходящих со мной, — они так и пышут здоровьем. Даром полярной природе мы не сдадимся.

Седов помолчал.

— Совсем не состояние здоровья беспокоит меня больше всего, а другое: выступление без тех средств, на какие я рассчитывал. Сегодня для нас и для России великий день. Разве с таким снаряжением нужно идти к полюсу? Разве с таким

снаряжением рассчитывал я достичь его? Вместо восьмидесяти собак у нас только двадцать, одежда изнасилась, провиант ослаблен работами на Новой Земле, и сами мы не так крепки здоровьем, как нужно. Все это, конечно, не помешает исполнить свой долг. Долг мы исполним. Наша цель — достижение полюса — все возможное для осуществления ее будет сделано.

В заключение Седов старался ободрить больных:

— Жизнь теперь тяжела, стоит еще самая суровая пора, но время идет. С восходом солнца исчезнут все ваши болезни. Полюсная партия вернется благополучно, и мы тесной семьей, счастливые сознанием исполненного долга, вернемся на родину! Мне хочется сказать вам не «прощайте», а до «свидания».

Все стояли в глубоком молчании. Я видел, как у многих навертывались слезы. Пожелали счастливого пути. Как-то особенно просто и задушевно сказал несколько слов Лебедев.

После завтрака Седов встал первым.

— Нужно идти!

Через несколько минут все были на воздухе. Еще небольшая задержка у аппарата, и все способные двигаться под лай и завывание рвущихся собак пошли на север. В мгlistом воздухе глухо стучали пушки, чуть развевались флаги. Крики «ура» тонули в белых проливах. У северного мыса о. Хукера километрах в семи от зимовки мы остановились, пожали руки уходящим, расцеловались. «Так до свидания, а не прощайте!» — Несколько торопливых фраз, и две кучки людей разошлись: одна на север, другая на юг. Еще несколько салютов из револьвера, и темная полоска трех нарт стала таять в сгущающейся темноте великого ледяного простора.

Я долго стоял на торосе, вглядываясь в темноту. Отблеск тусклой зари, величавые белые горы с бледно-зелеными ледниками, груды торосов — все было особенно тускло. Новую полосу следов уже запыливал ветер. Стемнело. Быстро скользя лыжами, я побежал догонять горстку людей.

Суровое время наступило в начале февраля. Температура не поднималась, усилились ветры. Метеорологической станцией отме-

чены штормы 3 февраля при -27° , шестого, седьмого и восьмого февраля — при 35 градусах С. На корабле после такой погоды все замерзло. Девятого февраля в дневнике отмечено:

«Ветер затих. Я привел в порядок каютку, оледеневшую, как камень на горе. Пришлось долго скалывать лед — вынес семь умывальных тазов. Более половины осталось под матрацем: его нельзя выколоть, не испортив материи.

11 февраля. Сегодня, по вычислениям, должно было показаться солнце. Хороший безоблачный день -39° С. В полдень горел яркий отблеск на юге. Я и Павлов, поднявшись на ближайший откос берега, с высоты 100 метров увидели самое солнышко.

12 февраля. Празднество в честь солнца. Живое солнышко, замечаем, не любит официальностей, — с утра на небе тучи. Праздник вышел по другому поводу: Лебедев нашел завалившуюся четверку махорки и распределили между «некурящими». Запасы табаку окончились в конце декабря: в прошлом году матросы под горячую руку выбросили два ящика слегка подмоченного. Ныне только Визе владеет «неоцененными сокровищами», — не то две, не то три четверки настоящего Стамболи. Владение сокровищами всегда связано с некоторыми неудобствами. Нужно сторожить. Нужно отклонять самые выгодные предложения, когда за половину папиросы предлагают променять пару новых рукавиц, ночное дежурство или новые брюки — за хорошую щепотку. Когда Визе курит... о, сколько влажно-завистливых взглядов следит за сизыми струйками, сколько досадливых покашливаний!

21 февраля. День рождения Визе, на столе четверка табаку. Готовлюсь к экскурсии на мыс Флоры⁶³, — предполагаю идти вдвоем с Инютиным. Приходится снаряжаться особенно легко. Весьма вероятно, что мне придется идти одному с примусом, спальным мешком и записками: Инютин очень слаб и ненадежен, Пищухин еле бродит с распухшими коленками. Из матросов вполне здоровых только двое — Кузнецов и Кизино.

24 февраля. Стоит ясная погода. С 19-го полная тишина, ясные солнечные дни с ровной температурой в -30 -35° С.

Сегодня поднялись с Павловым на вершину о. Хукера. День на редкость ясен, — казалось, что и воздух застыл. Южные острова четки во всех подробностях, а Британский канал с горы — как пред летящей птицей.

Прекрасные дни не доставляют полного удовольствия, — гнетет мысль об ушедших и забота о больных. Прекрасны безгранично-широкие просторы. Но мозг, отказываясь воспринимать всю красоту замерзших земель, упорно возвращается к жизни — к жизненным мыслям о том, что на пространстве в полтораста километров — ни трещинки во льду. Такое состояние льдов напоминает: медведей нет поблизости, нет спасения больным. Зандер, когда-то крепкий мужчина, теперь похудел и совсем ослаб. Одна надежда на птиц: они прилетают к этим берегам почти с восходом солнца.

25 февраля. Как упорны и злы морозы! Ртуть почти не оттаивает. Мы жмемся друг к другу, как холодом застигнутые птицы. Все каюты, за исключением одного лазарета, покинуты. Больные из другого — переведены в каюту Седова. И я, устав бороться со льдом, переселился в кают-компанию.

Сегодня Иван, переставляя ящики, нашел в трюме гнездо крыс. Туда, очевидно, собралось все крысиное население «Фоки». Крысы натаскали в щель обшивки всякого хлама: обрывков бумаги, соломы, пеньки, изгрызенных канатов и, зарывшись, лежали друг на друге тесным комком. Более пятидесяти, но в живых осталось две-три, но и те не шевелились, не испугались света фонаря.

Зандер совсем плох. Сегодня, войдя в каюту навестить его, я сразу заметил, что больной сильно осунулся, обозначились скулы, запали глаза. Он не предложил мне — как обыкновенно — «несколько градусов своей температуры для тепла», а, прерывисто дыша, сказал голосом слабым и серьезным:

— Видно — мне от своих градусов не избавиться; одна просьба — найдите несколько досок на гроб.

Я ответил шуткой. Она успеха не имела. Больной ответил голосом слабым и серьезным:

— Плохо мне.

1 марта. Прилетели птицы. Утром стайка крабовых нырчков (*Mergulus allae*) покружилась над обрывом, словно ос-

матривала местность и села где-то на камнях. После обеда я взял ружье, — не удастся ли добыть несколько птиц для больных. Едва я вышел на палубу, меня догнал Кушаков и сказал: «Иван Андреевич кончается». Я вернулся и открыл дверь в его каюту. Зандер был еще жив. Когда дверь скрипнула, он пошевелился и испустил хрип, — это был последний вздох. Бледный, неподвижный лежал Зандер на левом боку, закрыв глаза и подложив под щеку руку. Казалось, он спал. Бедный, сколько страданий за эти последние месяцы! Узкая койка в тесной каюте, слабый свет полярного дня, еле светящего через оледенелый иллюминатор, серые закопченные стены, — вот обстановка последних дней жизни и одинокой смерти без утешения и помощи родных и близких. Над койкой Зандера лежал вверх Коноплев:

— Минут за десять — разговаривал со мной. У меня и в мыслях не было, что он так плох, — рассказывал Платон. — А потом вдруг слышу, задохся и слова не сказал. Вот, сердечный, — добавил Коноплев, — дочка ведь у него осталась, хорошая барышня, я видел ее; ждет теперь, поминает — к лету папа приедет. А папа-то вон где скончался, во — где лежать будет!

Все здоровые — нас шесть человек — отправились копать могилу вблизи астрономического пункта. Работали до полной темноты. Почва смерзлась до такой степени, что даже ломami невозможно выкопать глубокую яму. Могила получилась глубиной всего в аршин.

2 марта. Похоронили Ивана Андреевича. Зашив тело в мешок из брезента (на «Фоке» не нашлось и шести досок, годных для гроба), мы вынесли Зандера на палубу и на нарте довели до могилы. Выла вьюга. Ветер трепал одежды впрягшихся в сани, шуршал по камням. Тело опустили в могилу и устроили нечто подобное склепу, — свод его заменила дверь от каюты. Засыпали слоем земли в десяток сантиметров, а сверху наложили большую грудку камней. Вот она, полярная могила, первая на этом острове.

Мы потеряли мужественного и нужного человека. Всю жизнь Иван Андреевич провел на море, изъездил все океаны. В самые опасные минуты плавания «Фоки» покойный был бодр и споко-

ен. Морская жизнь учит бесстрашию. Четыре темных месяца в койке, одиночество, страдания ужаснейшей болезни — можно бы упасть духом. Но Зандер терпел — никто не слышал жалоб от него иначе как в шутливой форме. И даже умереть умел терпеливо, незаметно. Крепким духом — славная смерть.

3 марта. Вчера я писал о смерти, она была тут — пред глазами, заслоняла собою все. Злобный ветер с севера пел ее торжествующую песнь. — А сегодня — лишь успел я распахнуть выходную дверь — блеснуло в глаза нестерпимо яркое солнце и откуда-то сверху, как будто с самого голубого неба, понеслись веселые, задорно звенящие крики, бодрящий гомон беззаботной жизни. Птицы прилетели.

Гуще всего крики со стороны Рубини-Рока. Птиц не видно, — они на самой вершине двухсотметрового обрыва. Я убил всего девять нырчков. После каждого выстрела со скал срывались тучи из белых быстро мелькающих крылышек — дрожащие живые тучи. Возвращаясь, я встретил Павлова, всего обвешенного птицами: он набрел на полынью, чуть не сплошь усеянную нырчками.

5 марта. Прилетают все новые стаи нырчков. Миллионы резвых крылышек пререзают воздух тонким свистом. Не нужно ходить к Рубини-Року: птицы поселились везде, где земля свободна от льда. У самого «Фоки» летают стайки, срываются одна за другой с заснеженных камней, садятся поблизости, перепархивают и опять куда-то уносятся. Веселые, жизнерадостные птички. Природа, совершенно не считаясь со склепным молчанием белых пустынь, наделила их задорными, звонкими голосами и полным неумением молчать, — хохочущие крики несутся непрерывным дрожанием воздуха. Нырочки не боятся людей. Когда подходишь к стайке, важно рассевшейся по камням, немного замолкают; если не делать резких движений, подпускают к себе на несколько шагов. Сядь и сиди неподвижно: настороженные головки скоро придут в обычное положение, затем главный болтун раздует зоб и выпустит беззаботную песню: «кга, га-га-га-кга!».

В погоне за мелкими рачками на полынье они собираются — себе на погибель — густыми стаями. Вчера и сегодня на полынье охота всерьез; нужно запастись мясом, пока представляется удобный случай. Только я убил 119 нырчков и

16 кайр. Всего за три дня добыто 230 птиц. Охотимся расчетливо, дожидаясь, когда птицы сплывутся густо — воды не видать. Бывает — после выстрела на месте остается до двадцати штук; вся стая поднимается, кружится недолго, потом опять садится, часто ближе, чем до выстрела.

Вчера штурман убил тюленя. Зверь не потонул, — жирный — плавал по воде, как пробка. Мы привезли лодочку и достали добычу. За три дня все заметно поправились — отъедаются птицами большие и здоровые; все чувствуют себя помолодевшими. Мы дождались лучших дней. Как тяжелы ушедшие — напоминает горка камней на мысе Зандера.

Шестого марта после утреннего кофе мы собрались — как во все последние дни — стрелять нырчков на полынье, но, заспорив о чем-то, немного задержались. Штурман махнул рукой на спорщиков, закинул за спину винтовку и вышел. Минут через пять он вбежал с искаженным лицом:

— Да что же это такое! Георгий Яковлевич возвращается. Не знаю... Нарта с севера идет.

Выбежав в чем были, у пригорка метеорологической станции остановились. Из-за мыса показалась нарта.

Случилось несчастье? Седов тяжело заболел? Очевидность неудачи? Просто — открытое море впереди, как встречалось Джексону?.. Беда? — Никто из нас не бежал, как всегда, поскорее встретить, узнать.

Нарта миновала мыс. Только одна нарта и около нее только два человека. Возвращающиеся не могли уже не видеть нас, но шли без радостных криков приветов, молча. — Беда?

Несколько мгновений спустя, когда глаза привыкли к свету, я разобрал, кто идет: впереди собак Линник, а сзади, подерживая нарту с каяком, Пустошный. — *Седова нет.*

Через минуту мы окружили вернувшихся.

— Где начальник?

— Скончался от болезни, не доходя до Теплиц-Бай. Похоронили на том же острове.

Стояли в молчании. Только собаки, ласкаясь, радостно визжали. — Так вот чем кончается экспедиция, вот куда привела Седова вера в звезду!.. Как обманывают нас звезды!

Линник и Пустошный — с черными обмороженными лицами без улыбки, изможденные, исхудавшие, — откинув назад капюшоны, начали рассказывать.

Под вечер один из нас записал со слов матросов всю недолгую историю путешествия к полюсу. Тогда же прочитали для сопоставления с рассказом путевой дневник Седова. Дневник кончался на 16-м дне февраля. Под этим числом отмечено появление солнца. Запись кончается обращением к нему: «Посвети, солнышко, там на родине, как тяжело нам здесь на льде».

Седов в начале путешествия скрывал от спутников свое тяжелое положение; по дневнику ход болезни яснее. Первые три дня она не особенно беспокоила. Опухоль ног и одышка уменьшились. Но только три дня. — С каждым новым — появлялись новые болезненные ощущения, и тело слабело. В эти же дни ударили невыносимые холода со страшными встречными штормами при 35° мороза. Да и почти все время путешествия ветры упорно дули навстречу. Больной должен был вдыхать жгучий холодный воздух, бороться с условиями, губительными и для крепчайшего организма.

После стоянки вблизи острова Марии-Елизаветы, Седов ослабел, — он не мог двигаться на ногах. Больной сел на нарту и больше не сходил с нее. Но каждое утро запрягались собаки, и караван двигался вперед, тянулись к северу три нарты. С этой поры для матросов начались страдные дни. Давило беспокойство за вождя, били морозы, томила тяжкая работа. На остановках за больным ухаживали, как за отцом. Но... какая зашедшая далеко болезнь может исцелиться в палатке на снегу при ветре с тридцатью градусами мороза?

За островом Марии-Елизаветы начинается море Виктории. Наши путешественники двигались по льдам его, постоянно видя слева открытую воду. На одной из стоянок к лагерю подошел медведь. Седов, еле держась на ногах и качаясь, вышел из палатки на охоту: он и тут не хотел пренебречь запасом пищи для собак. Собаки загнали зверя в продушину километрах в двух от палатки. Добыча казалась верной, собаки не выпускали зверя из западни — подойти и выстрелить в упор. Но вышло не так. Что-то случилось с затвором

ружья: курок не разбивал пистона. Взбешенный неудачей, Седов направился к палатке за финским ножом, чтоб им заколоть медведя. По дороге охотник упал от слабости и больше подняться не мог. Спустилась темнота и туман. Линник один добрался до палатки. Больного привезли к лагерю на нарте.

С этой стоянки началась страшная борьба беспощадной полярной природы с больным, слабым человеком, вооруженным лишь волей да верой в свою звезду. Вплоть до времени, когда карандаш выпал из ослабшей руки, дневник Седова повествует, как ежедневно проходило то или другое количество километров — все к северу, к северу, — какие заботы волновали ведущего записки, какие встречались затруднения. Есть на страницах заметки по географии пустынных островов, что тянулись по сторонам пути, есть обыкновенные мысли рабочего дня. Но в записках трудно найти что-нибудь похожее на страх перед будущим или необходимость отказаться от своих задач.

Между тем, после случая на охоте матросы начали понимать ясно, чем может кончиться поход. Они пробовали сначала намекать Седову, потом стали просить открыто — нужно вернуться на судно. Разве можно поколебать Седова? — «Улыбнется, — рассказывал Линник, — махнет рукой. — Нет, оставь это, — скажет, — брось и думать о судне. Я в Теплиц-Бай за пять дней поправлюсь».

А сам иногда — особенно часто в последние дни — повторял в забытьи:

— Все пропало, все пропало!

Морозы не сдавали, не прекращались ветры. Пятнадцатого в дневнике записано — навалился густой туман, кругом полыньи, слева открытое море. Недалеко от земли Карла-Александра нарта провалилась на молодом льду. Ее вытащили довольно легко. Двигаться дальше — невозможно. Решили подождать, пока лед окрепнет; к тому же разразилась буря. — В этом лагере Седов и умер.

Последние переходы Седова — жутки даже в рассказе матросов. Дорога по тонкому молодому льду сменялась непроходимыми торосами. Режущий ветер сжег дочерна лица. Ма-

тросы еле справлялись с тремя нартами. Седов лежал на средней — одетым в эскимосский костюм — в спальном мешке, крепко привязанном сверху качающейся нарты. Больной часто впадал в забытие; как неживая, склонялась голова, а тело безвольно следовало движениям нарты и толчкам по торосам. Очнувшись, Седов первым делом сверял курс с компасом и не выпускал его во все время сознания. Матросы замечали: больной подолгу осматривался, словно стараясь опознать острова, лежащие на пути. Спутникам иногда казалось, что Седова мучила мысль, как бы они самовольно или обманом не повернули, не увезли на судно, не сменили бы северного курса.

Три последние дня в палатке — умирание когда-то крепкого организма. Седов лежал в спальном мешке. По временам жаловался на нестерпимый холод — в один из припадков озноба он приказал обложить палатку снегом доверху и держать примус зажженным на обе горелки.

— Только зажжешь примус, — рассказывал Линник, — кидает в жар. «Туши примус». Проходит четверть часа — так задрожит, что иней с палатки сыплется. — «Зажег примус?.. Нет, не нужно, надо беречь керосин. Впрочем, все равно».

Так, то ложась рядом в мешок, чтоб согреть вождя, то растирая холодные опухшие ноги, покрытые синими пятнами, — маялись матросы четыре дня и четыре ночи без сна. В последние дни Седов не ел и не пил. В дневнике несколько раз встречается запись: «Надо бороться с болезнью». Передавали и матросы, Седов часто говорил: «Я — не сдамся, нужно пересилить себя и есть». Но есть не мог. Пустошный предложил как-то любимых консервов — мясной суп с горохом — взятых для праздников. «Да, да — консервов!». Пустошный вышел из палатки отыскать нужные жестянки на дне каяка.

Ревела буря. Пустошный вдруг ослаб, закружилась голова, хлынула из горла и носа кровь. Бессонные ночи, еда кое-как, тревога — сломили и цветущую молодость Пустошного. Бедняга приполз к палатке без консервов. Пришлось пойти Линнику. Когда консервы были, наконец, сварены, Седов не мог проглотить ни ложки супа, — приступ лихорадки и боль в груди отняли сознание.

Матросы не видели ни дня ни ночи. В темной палатке трепыхался синий огонь примуса. Седов метался. Дыхание его все учащалось и становилось затрудненным. Иногда спутники держали больного в полусидячем положении: так легче становилось дышать.

Двадцатого февраля во втором часу дня Седов стал внезапно задыхаться: «Боже мой, боже мой... Линник, поддержи!..»

И задрожал смертельной дрожью.

Живые долго сидели, как скованные, не смея пошевелиться, ни вымолвить слова. Наконец один пришел в себя, закрыл глаза покойного и прикрыл лицо чистым носовым платком. Примус потух. Буря стихала; как будто оторвав мятежный дух, занесший сюда недвижимое теперь тело, она успокоилась.

Пустошный рассказывал — охватило отчаяние и ужас. В темноте тесной палатки, пригнетенной сугробом, трудно было двинуться, не задев спального мешка с телом покойника, — смерть не давала забыть о себе ни минуты. Совсем не приходило мыслей о будущем, обо всем, что ждет еще впереди, что делать с телом, куда идти, как спастись самим — матросы сознавали одно: вот здесь, на тонком льду, среди земель, им неизвестных, они остались одинокими в страшной пустыне, без вождя — как выводок без матери, уставшие и больные, лицом к лицу с враждебной природой, а на руках — мертвое тело, тело, еще недавно воплощавшее волю, которой они привыкли верить слепо, до конца.

Пробудил холод. Надо что-нибудь делать. Посоветовавшись, решили дойти до Теплиц-Бай, отыскать склады Аbruццкого, запастись керосином — оставался один баллон менее четырех литров — и, бросив все лишнее, привезти тело Седова на «Фоку». 24 февраля, оставив лагерь на произвол судьбы, пересекли пролив и, подойдя — как думают — к Земле Рудольфа, пошли вдоль западного берега ее. Шли недолго: встретили открытую воду, море касалось самой береговой стены ледника. Матросы не решились двигаться по ледяному покрову без приметных точек. И по морскому льду они шли крайне медленно из-за неуверенности и постоянных споров о правильном направлении. Выходило — Седова не довести. Решили похоронить тут же.

На клочке земли, черневшей поблизости, матросы выбрали подходящее место и принялись за последнюю работу для своего вождя. Тело его, завернутое в два брезентовых мешка, поместили в углубление, вырытое киркой; рядом — предназначенный для полюса флаг. Сверху наложили высокую груду камней, в нее вставили крестом связанные лыжи. Около могилы осталась кирка.

С обнаженными головами произнесли: «вечная память». Немного постояли. Когда мокрые от пота волосы смерзлись, надвинули капюшоны и, подняв с могилы по камню для себя и для жены покойного, вернулись к лагерю, — собираться в обратную дорогу.

Где могила Седова?

Линник и Пустошный плохо читали карту с непонятными им английскими надписями. Со слов вернувшихся можно предположить: на мысе Бророк (Земли Кронпринца Рудольфа), у подножия обрывистого берега, на высоте от моря метров десять, в том месте, где кончается восточная часть ледника и начинается каменистый берег.

До «Фоки» матросы добрались с трудом. Шли две недели, споря у каждого острова, какой держать курс. Когда удавалось попасть на старый след, делали большие переходы. Несколько раз терялось всякое представление, куда идти. Уже недалеко от бухты Тихой, попав в пролив Аллена Юнга, заблудились совсем, и ушли бы скитаться среди мелких островов южной части Земли Франца-Иосифа, если бы не заметили аркообразный айсберг у острова Кетлица, памятный тем, что Седов фотографировал эту игру природы. Матросы не ели горячего четыре дня: вышел керосин. На остановках без горячей пищи спальный мешок не грел настывших тел. Часть собак осталась у брошенного лагеря.

Глава семнадцатая

...Смотрю на тающую глыбу.

Н. Гумилев

В книге перевернута страница, открылась новая глава. В предыдущей — стремления, страсти, борьба, смерть. Мы с тобой, читатель, читаем смешные и трагические истории, следя за ними с любопытством; прочитав, открываем следующую страницу, почти забыв, что герой женился, забыт, мертв или осмеян. Берем за новую главу. Потом, захлопнув книгу писанную, принимаемся за интереснейшую неписанную — книгу собственной жизни. Будем смеяться собственным смехом, свое-то горе оценим по-настоящему! А про смерть сам Соломон написал: живая собака лучше мертвого льва.

—

В клеенчатом переплете — стопка бумаги, исписанной быстрым почерком; в середине ее заметка:

«8 марта. Налаживается что-то. Своя забота долит, рук опускать нельзя — беда.

Возобновил приготовления к экскурсии на южный берег. Расчеты и главное сделано давно, но теперь все изменилось. Пойдем не в упряжи, а с запряжкой собак.

Было совещание, по какому руслу направить жизнь экспедиции. Решено, исследовав до лета ближайшие острова, го-

товиться к возвращению. Все научные наблюдения продолжать в полном объеме. Линник и Пустошный больны: кашель и одышка. Пустошный по временам харкает кровью.

12 марта. Вчера сильный шторм с северо-востока, туман. Сегодня хорошая погода -25° , слабый западный ветерок. Вышли на юг я и Инютин. Я — в полном здоровье, про Инютина того нельзя сказать. Цинга еще не прошла, десны кровоточат. Во время усиленной работы у мыса Дэнди-Пойнт, когда нарта плясала по торосам и кувыркалась, спутник мой плевал кровью и жаловался на боль в пояснице. Что же делать, — со мной пошел наиболее здоровый из команды. Впрочем, он идет с охотой. Мы оба надеемся, что в экскурсии на воздухе он поправится скорее, чем в сырой каюте».

На мыс Флоры мы пришли вечером 14 марта. Приведя в жилой вид бамбуковую хижину и прикрепив на видном месте записку, я отправился 18 марта на запад. Посетил «дом „Эйры“», построенный Лей-Смитом 40 лет назад на острове Белль. Дом отыскать нелегко: помещен он в ложине низкого берега, снизу виден один флагшток. Постройка прекрасно сохранилась, доски сохранили еще желтоватый цвет; казалось, дом выстроен два-три года назад. Одно окно без рамы. Внутри пусто. В углу небольшая кучка консервов в жестянках, в другом — остатки угля. На стенах несколько записок — ценные документы. Одна — наскоро написана на заглавном листе какого-то английского романа: обращение Джексона к экипажу Нансеновского «Фрама»; на стене против окон в жестяной коробочке собственноручное письмо Лей-Смита о гибели «Эйры» и о намерении его плыть на Новую Землю в лодках. На стене много надписей карандашом: они сделаны участниками экспедиции «Эйры», Джексоном и Уэлманом.

Мы ночевали в этом доме. На другое утро, поместив рядом с запиской Лей-Смита свою — о положении экспедиции, — я покинул дом. С 20 по 23 марта мы пробыли на мысе Флоры, отыскивая в окрестностях плавник, чиня хижину и пережидая налетевший шторм. У меня была еще задача: по поручению фокинских табакуров должен был поискать как следует в хижинах, не осталось ли там табачку. Я перерыл весь мусор

в постройках, но нашел немного: одну жестянку американского трубочного табаку, сильно подмоченного. Во время поисков мне попала в руки стопка бумаги — дневник одного из матросов экспедиции Циглер-Фиала, злободневное стихотворение и история той же экспедиции в ряде карикатур. В дневнике я прочитал подробности крушения «Америки» в Теплиц-Бай, описание тяжелой зимовки на земле Рудольфа и переселение к югу в спасительные избушки Джексона. Дневник обрывается внезапно. На койке, где я нашел тетрадь, беспорядочно разбросаны одежда и всякие принадлежности полярного обихода: видно, обитатель койки не долго собирался, когда пришел корабль. Еще верней предположить, что, не взглянув на опостылевшее ложе, он оставил там все — как было.

24 марта я был на «Фоке». Во время тринадцатидневного путешествия я и Инютин получили полное представление об условиях путешествия в эту суровую пору. В первый же день морозный ветер сжег наши лица. Когда температура опускалась ниже тридцати градусов и поднимался ветер, мы зябли при малейшей остановке, — на ходу мороз нас не страшил; только один раз при крепком ветре с тридцатидвухградусным морозом мы принуждены были остановиться и спрятаться в спальный мешок: наши члены стали терять чувствительность. По ночам в такую погоду мы не могли согреться в мешке часа два. Потом, когда мешок оттаивал и наполнялся теплом наших тел, крепко засыпали. Инютин вернулся совершенно здоровым, десны перестали кровоточить, исчез тяжелый запах изо рта. Я приписываю наше хорошее самочувствие исключительно правильному питанию.

Моя суточная порция весила вместе с керосином 975 граммов. В нее входили:

Сухари	300 гр.
Мясной порошок или сушеное мясо	150
Масло и сало	100
Сахар	100
Шоколад	100
Какао	35

Чай и клюквенный экстракт	5
Сухое молоко	55
Сушеный картофель	30
Сушеная зелень для супа, чеснок, лук и перец	10
Соль	5
Керосин	85

В дни тяжелой работы наш паек расходовался целиком, а в дни, проведенные в палатке, — оставался даже излишек. Меню однообразно. Утром мы приготавливали наскоро какао и мясной порошок с маслом и сушеным картофелем; в полдень — в дни переходов — плитка шоколада на ходу или во время краткого отдыха собак. Вечером, раскинув лагерь, мы варили обыкновенно бульон из сухого мяса и ели его с сухарями. Пред самым сном выпивали 2—3 кружки чая, иногда кипятком, в котором размешана ложка молочного порошка. И чай и бульон мы пили горячими, насколько можно вынести, почти обжигаясь, чтоб сразу же, нырнув в «мешочек», поскорее согреться. Для большего разнообразия я брал с собой несколько порций мясного консерва — гороховый суп, им и рюмочкой спирта мы отмечали праздники. На «Фоке» за время нашего отсутствия перемены к лучшему: в постели только Коршунов и Коноплев, остальные больные поправились. Все новости — охотничьи: появились медведи. Рано утром 16 марта один подошел к самому борту. Лебедев, заслышав отчаянный лай Пирата, выбежал на палубу и застал интересную сцену. Привязанный Пират, забыв про цепочку, в охотничьем азарте прыгнул за борт и повис. С другой стороны, привязанные же медвежата, на дыбах — в страшном волнении, стонущие, плачущие. А посредине у борта виновник переполоха тоже на дыбах в очевидной нерешительности, как буриданов осел между двумя стогами сена, раздумывает, за кого ему раньше прыгаться, за собаку или за родичей?

Лебедев вернулся в кают-компанию за охотниками. Кушаков поспешно выбежал и выпалил в медведя почти в упор. Не понять по рассказам, как случилось — Кушаков в медведя не попал, но перепугал несчастного мишку до крайности. Оставляя за собой желтую дорожку, медведь во весь дух понес-

ся в гору. Штурман видел всю сцену, но не мог сразу остановить медведя: закапризничал ружейный затвор, — выстрел раздался в то время как зверь уже успел отбежать шагов на 50. Раненный в ногу — пошел медленнее. Винтовка штурмана не дальнобойна, — Кушаков же был «в ударе» и продолжал палить с прежним успехом. Выбежали остальные. Без собак задержать зверя не так-то просто — он быстро скрылся.

В один из следующих дней Визе повстречался с медведем один на один. В этот день географ работал с теодолитом на съемке противоположного берега. Визе взошел на холмик морены и сосредоточил все внимание на смеси горных пород, из которых она образована. Подняв голову, исследователь увидел в нескольких десятках шагов медведя. Мишка был занят своим делом — обнюхивал снег. Могло статься — медведь не обратил бы внимания на коллегу по исследованию бухты Тихой, если б тот сидел покойно. Но географу показалось: медведь неминуемо должен почуять. После некоторых размышлений Визе решил встать в угрожающую позу и закричать по-свирепее. Он читал где-то, что внезапным криком можно испугать медведя.

Визе был без винтовки, его единственное оружие — малокалиберный револьвер. И вот, вынув оружие, географ принялся махать руками и закричал как мог страшнее. Медведь сразу оглянулся, повел шеей и начал набирать носом воздух. Запах, видимо, понравился, — немедленно резвым галопом зверь побежал прямо на Визе, вопиющего на самых высоких нотах. У подножья холмика медведь приостановился взглянуть, с кем дело иметь. Визе прицелился и выстрелил — больше для устрашения. Медвежьи нервы оказались крепче, чем предполагал географ, — как будто выстрела и ожидал противник. Как кошка полез он на крутой склон. Намерения мишки, — рассказывал Визе — выявлялись слишком очевидно. Несчастный явственно видел, как из сладострастно раскрытой пасти тянутся медвежьи слюнки, а фиолетовый язык нежно подбирает их.

Визе не опомнился — медведь оказался шагах в трех: клубы дыхания почти достигали лица. Быстро оставив угрожающую позу и прекратив «свирепый» крик, Визе принялся вы-

пускать подряд заряды из револьвера. Медведь с ревом скатился с откоса, ворча, медленно побрел прочь. Он, очевидно, был ранен. Преследовать медведя, имея один патрон в обойме, Визе не решился.

Восемнадцатого Визе посетил о. Скотт-Кельти. Бывший с ним Пират загнал на высокий откос медведицу с медвежонком, бродивших по острову. Лай Пирата услышал Кушаков. На этот раз страстный охотник вернулся с добычей. В день моего прихода Визе убил медведицу в берлоге. Теперь на корабле двое медвежат: Нансен и Джексон.

—

Описывая жизнь ничтожного кусочка вселенной, где человек еще случайный посетитель, хотелось бы нарисовать точную картину и правдивую, насколько наблюдения живого человека могут приближаться к существующему в действительности. Я не отступлю от правды, сказав, что до момента, когда надежда скоро вернуться домой вспыхнула слишком ярко, все старались работать по-прежнему, в некоторых же случаях даже напряженней — хотелось округлить наблюдения: ведь скоро им конец. Я пишу: «старались», желая напомнить, что восход солнца, так подбодривший всех, — в сущности, не изменил условий работы: от солнечных лучей они не стали лучше. Помещения наши оставались такими же сырыми и холодными, — теснота и неудобства даже увеличились с тех пор, как мы покинули каюты в коридоре. В дневнике я нахожу иллюстрацию, как пришлось приспособляться даже к самой пустяковой работе.

«27 марта. Войдя в лабораторию, я ахнул: там стен не видно! За время моей отлучки все оледенело. Работал до поздней ночи, сняв полки, отломил кусками лед и осторожно выколот бутылки. Оттаяв их на кухне, вылил содержимое, вымыл, вернулся в лабораторию, сколот весь лед — 10 умывальных тазов. Оттаял фонарь, переменял красную бумагу на нем, высушил все помещение примусом, растопил воду, составил проявители. Началось проявление. — В лаборатории -2°С. Под красным абажуром на столе спиртовая лампочка. Нагревая на ней раствор до 18°, начинаю проявлять. Не успе-

вает изображение показаться, раствор охлаждается, — проявление остановилось. Кладу пластинку в ванну с чистой водой, плотно закрываю красной материей и книгой, снова подогреваю проявитель и проявляю в течение 2—3 минут, пока проявитель сохраняет теплоту, когда он охлаждается, — новое подогревание. Каждая пластинка отнимает больше часа...»

—

Утром 29 марта матросы заметили у полыньи медведя. Приблизившись к месту, где собаки атаковали медведицу с взрослым медвежонком и заметив, что они вдвоем сильно портят собак, я решил прикончить мамашу поскорей. Шагах в тридцати — лег на снег и, держа голову зверя на прицеле, стал выжидать удобной минуты. Скоро медведица присела и, сильно нагнув голову, приготовилась к прыжку. Собаки разбежались. После моего выстрела медведица прыгнула, упала, но скоро поднялась и побежала. В том месте, откуда она сделала прыжок, лежал Ободрыш, одна из лучших собак: пуля, пронзившая шею медведицы, задела его. Я не мог видеть несчастного — во время выстрела он находился за медведицей. Добив раненую, я направился к Ободрышу — он был мертв.

Медвежонка, отбивавшегося не хуже взрослого, мы взяли живьем. В тот же день я убил еще медведицу, замеченную Визе во время съемки. Ее медвежонка загрыз кровожадный Варнак.

С тридцатого марта погода резко изменилась. После пяти месяцев стужи с постоянными северными ветрами вдруг потянуло теплом с юго-запада. Мы готовы были поклясться, что температура не ниже нуля — так резка была перемена. На самом деле оказалось -13°C . 3 апреля оттепель дошла до -4°C .

Наконец настало время оттаять моим художественным склонностям. Уходя на работу, я каждый день видел, как оживала палуба «Фоки». Больные, поправляясь, принимались за легкую работу, сгребали с палубы снег, бродили к полынье или играли с медвежатами, — в это время было шесть: Полынья, Торос, Васька, Нансен, Джексон и Балда. Последний — годовалый медвежонок — свое неблагозвучное имя по-

лучил от матросов, — они сомневались в умственных способностях Балды: при поимке Инютин хватил его доской по лбу, «чтоб оглушить». Этот — настоящий зверь, сидит на толстой цепи. Собаки к нему не подходят, а люди — только с крепкой палкой.

После нескольких недель тепла полынья в бухте Тихой сильно расширилась. В начале апреля мы впервые застрелили нескольких «люммов» (*Uria agra*)⁶⁴. Эти важные птицы прилетели еще в конце марта, но не удавались убить ни одной: они держались на высоких уступах Рубини-Рока. Тогда же показались слоновокостные чайки, а неделю спустя мы увидели глупышей.

С половины до конца апреля Визе делал подробную съемку о. Хукера и островов к северо-востоку от него. Он нашел много неправильностей в расположении этих островов на карте, — расхождение тем более удивительное, что экспедиция Циглера, описывавшая острова, зимовала поблизости; эти острова — окрестности ее зимовки. Визе нашел даже становище экспедиции. Все три дощатых дома сохранились вполне хорошо. Наш географ не мог проникнуть внутрь построек: они наполнены снегом почти до верха. Во время путешествия Визе убил медведя⁶⁵.

Начиная со второй половины апреля бухта Тихая подверглась нашествию медведей.

Первый появился 21 апреля. Я писал этюд у полыньи в километре от корабля. Этот — не походил на труса! Гоня перед собой Пирата и Разбойника, бродяга, не устаивая их взглядом, держал прямо на меня. Не доходя шагов двести, он остановился и стал тщательно принюхиваться. В подтверждение старой «Фокинской» приметы со мной не оказалось винтовки, чтоб сразу же отбить охоту мешать художникам, — уходя с корабля, я взял дробовое ружье — на люммов, летавших с полыньи к Рубини-Року. В патронташе лежали две пули для гладкоствольного ружья. Я попробовал выстрелить, но очевидно расстояние было слишком велико для круглой пули. Медведь, не удостоив взглядом фонтанчика, взброшенного ею, побрел к полынье и бросился в воду. Считая, что противник сыт и меня оставит в покое, я принялся за работу и скоро забыл о случившейся помехе.

Прошло с полчаса. Заканчивая этюд, я случайно оглянулся, и увидел того же медведя на старом месте. Снова выстрелил в него и снова пуля не долетела; но на этот раз медведь не ушел, а стал приближаться, осторожно заходя на ветер.

Я понял: работы мне не кончить. Художник осаждаем по всем правилам медвежьей стратегии. Около «Фоки» копошились люди. Сначала никто не обращал внимания ни на выстрелы, ни на самого меня. Однако, когда медведь, совершая обходное движение, вышел на фон Рубини-Рока, на «Фоке» заволновались. Через полчаса подбежал Павлов. Впопыхах он захватил вместо моей — винтовку Седова, которую я ни разу не держал в руках. Медведь, завидя людей, повернул к полынье и поплыл на ледяное поле в середине ее. Мы рассмотрели в бинокль, что зверь на редкость велик.

Охота началась в шесть часов вечера. Только во втором часу, когда я был мокр с ног до головы, а Павлова и до крайности продрогшего Пустошного сменил Инютин, собаки загнали медведя на вершину стометрового откоса на острове Скотт-Кельти. Под конец охота приобрела опасный характер. Матерый, хладнокровно разгонявший собак, зверь залег под лавиной вверх откоса и лениво шипел. Взобраться на крутой откос, не имея хороших когтей, — сложное дело. Около часа мы рыли ступеньку за ступенькой в оледенелом снегу. Прочно утвердившись шагах в тридцати от медведя, я выстрелил в голову. Потом оказалось: пуля, пробив скулу, не задела мозга. После выстрела подумалось: «с чужим ружьем плохая охота!» Положение было таково: на крутом и скользком склоне два охотника с одним ружьем, над головой у них легко раненный медведь приготовился к прыжку. В обойме ружья последний патрон, а — хуже всего — выстрелянная гильза застряла. Выручили собаки. Разбойник тотчас после выстрела вцепился в шею. Медведь отряхнулся. Разбойник полетел вниз кувырком, но прыжок был задержан. Мы поняли: останься мы тут же, медведь неминуемо сбросит нас вниз, даже в случае, если следующий выстрел будет смертельным. Отошли в сторону на несколько метров и встали за низкой скалой, высунувшейся из снега. Оттуда я послал последнюю пулю. Попал удачно — в ухо. Зверь стремительно полетел

вниз, ударился с размаху о скалу, за которой мы прятались, взметнул тучу снега и, крутясь, как ком снега, рухнул дальше без задержки. Мы спустились. Медведь был жив; бессознательными движениями он задевал собак. Охоту пришлось окончить при помощи ножа.

Добыча стоила восьмичасовой погони — огромнейший самец: от носа до хвоста 2 метра 60 сантиметров.

Следующий медведь подошел к самому судну ранним утром через день. Лебедев сильно ранил его. Выбежав в одном белье, я одним выстрелом прикончил посетителя. В то же время другой бродил у полыньи. Пока я одевался, за ним погнался Кушаков. Этот — спасся в полынье.

—

Двадцать пятого апреля, только что закончив свою работу, я заметил у полыньи медведицу с взрослым медвежонком. Приблизившись шагов на полтора, я лег на лед и стал наблюдать. Медведица учила медвежонка нырянию. На бегу она оглядывалась, звала детеныша, скрывалась в туче радужных брызг, вылезала и подталкивала непонятливого ученика. В разгар упражнений мамаша заметила меня и повела питомца в сторону проливов. Я отпустил семейство без выстрела. Мяса у нас достаточно.

День был солнечный, с тишиной и миром. Павлов видел с горы всю сцену и потом за обедом разглагольствовал:

— Прелестный день, солнышко греет, блестит вода и видать, как скотинка пасется.

—

В ночь на 28 апреля во втором часу я вышел на палубу и не сразу заметил, что меня пристально рассматривает Михайло Иванович, розовый от низких солнечных лучей. Я тихонько попятился и скользнул за дверь, торопливо накинул пиджак и, натянув сапоги, вышел с ружьем. Медведя уже спугнул Пират. Вскоре медведь устыдился своей трусости и стал гоняться за Пиратом. Я прервал эту охоту выстрелом. Мне ка-

залось, я сделал промах, — медведь продолжал гнаться за собакой. Пробежав десятка четыре метров, он вдруг свалился, как подрезанный, не пошевелив ни одним членом. Пуля пробила сердце. Через полчаса увидели еще двух медведей, плававших на льдине. Шагах в пятистах мы открыли стрельбу и тяжело ранили обоих. Кушаков с Пустошным добились одного, другой уплыл на льдину, окруженную со всех сторон шугой, и там издох.

Через день среди ночи всех поднял на ноги огромный зверь. Я убил его у края полыньи. Катаясь в предсмертных судорогах, медведь свалился в воду. Сильный ветер быстро понес его от берега. Пока сбегали на судно и доставили шлюпку, туша исчезла.

—

Первого мая я сидел с этюдным ящиком у полыньи. Опять случилась помеха — медведь. Этот без колебаний шел прямо на меня. Но и я был с винтовкой. Подпустив незваного гостя поближе, я убил его парой выстрелов.

Этюд я все же сделал. Я зарисовывал «Бродягу».

«Бродягой» мы окрестили большой айсберг, вечно скитавшийся по бухте. Свое название он получил еще с осени; весной мы собирались переименовать его «Ледоколом Ермаком». Вся полынья — работа «Бродяги». Айсберг иногда по неделе стоял неподвижно, потом внезапно приходил в движение и, касаясь краев полыньи, принимался крошить лед. Особенно красиво движение айсберга, когда он, проплыв полынью из края в край, врывается в берега ее, — размолотый лед тогда пеной опоясывает бока «Бродяги», а следом протягивается длинный канал. Странно видеть, как шестидесятиметровая глыба, похожая на голубой корабль без мачт, начинает дробить лед, двигаясь против сильного ветра. На первый взгляд такое движение кажется совсем непонятным. Нужно вспомнить, что пресный лед сидит в морской воде на $\frac{7}{8}$ своей толщины, — по этой причине всякое давление на подводную часть айсберга должно давать эффект во много раз больший, чем такое же давление на часть надводную⁶⁶.

Резко оборвавшиеся холода больше не возвращались. С удивлением мы замечали, что климат ранней весны Земли Франца-Иосифа мягче Новоземельского. Ранее началось таяние снегов. По льду проливов Новой Земли мы беззаботно ходили до августа, — здесь лед, разъеденный сильными течениями, рано ослабел. Во время моей экскурсии на южный берег о. Хукера — совместно с Павловым в первой половине мая — мы принуждены были возвратиться раньше срока. В одном месте Де-Бруин-Зунда я внезапно провалился в воду и только тогда заметил, что некоторое время шел совсем не по льду, а по толстому слою плотно слежавшегося снега, висевшего над водой. Лед под ним разъеден без остатка. Предполагалось обойти весь берег Хукера. Мы вышли слишком поздно: лед у юго-восточной оконечности был очень слаб и для путешествия на санях непригоден. Возвращаясь, мы говорили: «Неужели весна?»

Да, начиналась настоящая весна. Вытаивали камни; медленно, очень медленно, но обнажались склоны гор, и в оттаявших местах уже вязла нога. Ветры умерили свое дыхание, между горою и нами повис тонкий пар. Стал часто набегать туман. Когда показывалось солнце, слегка пригревало.

Задорно и весело щебечут в эту пору снежные жаворонки, резво перепархивают по проталинам и проливают трели, змывая сверху. А на проталинах первые точки — травинки.

«Взъерошенные, с трепетом тонких крылышек, токуют серые комочки — кулички-перебежники, и пляшут около самок. «Плюю-плюю-плюю, тлюнь, — кликк, кликк» — с таким боевым криком вступают в бой с соперниками, таким же и прельщают. Страстно стонут в пресной луже белобрюхие самцы гаг, а серые самки кокетливо-безразлично охорашивают перышки и приоткрывают крылья. Стайка гусей в вышине вливает свои крики в хор у нашего становища.

А хор велик и многоголосен. Выше прибрежной равнины и склона — грозная стена базальтов. На ней день и ночь журчит непрерывным, неразборчивым шумом неустанное гототание маленьких нырчков. Мы привыкли, почти не слышим ни его, ни дальнего курлыканья люммов, не замечаем и шороха льдин

на полынье. Ведь все это так же беспрерывно и монотонно, как тикание маятника или городской шум. Только заслышав отдаленный крик моржа, густой и гулкий, прислушаешься и разберешься в отдельных голосах полярного весеннего шума.

Прелестны первые весенние дни, кипуча жизнь и маняща. Но... что же нужно человеку? Что насытит?

Вот здесь пред нами осуществленная мечта, — мы цари этой белой страны. Но мысли людей не царственны. Радует солнцу и теплу с тоской — все мысли там, на далекой, бесконечно далекой родине, той самой, от которой уцли. Она зовет к себе гусиным гоготаньем, щебетаньем птацек, живым шумом ручьев под толщей снега и синью горизонтов...»

Так я писал 30 мая.

Этот день отмечен у меня очень странным концом охоты. Медведь шел к «Фоке» от Рубини-Рока. Ветер дул прямо на гостя, все запахи «Фоки», конечно, были слышны. Мишка бежал неуклюжей рысцой, а когда залаяли собаки, нагдал до галлопа. Вероятно, легкомысленный медведь скоро пал бы жертвой любопытства, если б не накинулись две собаки, сорвавшиеся с привази. Медведь повернул, отбежал к Рубини-Року и спрятался в полынье, потом нырнул в канал и, одурачив таким образом собак, вылез на лед. Только долгое время спустя Разбойник отыскал медведя и погнал на меня. Стая псов окружила его. Спасаясь от собак, мишка взобрался на глетчер Юрия. Я поднимался на глетчер без торопливости: путь к полынье отрезан. Вдруг медведь исчез, как растаял в воздухе. По леднику бегали стайкой собаки, растерянно осматривались по сторонам и тявкали. Подойдя, я понял, что медведь провалился в широкую трещину: следы доходили до темной ямы в снегу. Я заглянул в провал — в глубине ни звука. По-видимому, медведь убится на смерть.

«31 мая. Прекрасный тихий день. Вылезли на солнце больные — их трое: Коршунов, Коноплев и Шестаков. Все они на вид вполне здоровы, но не могут ходить: ноги сведены — последствие цинги. Шестаков ходит с палкой, остальные передвигаются, опираясь руками наподобие человекообразных обезьян.

В эту весну моя работа значительно успешней. Погода сравнительно мягка. Приспособившись к холоду, я подолгу

пишу, не отрываясь, и забываю все. Только изредка, отведя глаза, слежу, как из-за обрыва горы белым привидением показывается большая хищная чайка. Веселый крик нырочков тогда смолкает: вся мелочь прячется в расщелины скал или, взлетая резвыми стайками, забирает высоту. Чайка находит жертву — поднимается ужасный крик. Стайки, улетевшие в небо, быстро спускаются и стараются отбить своего. Но крепок клюв хищницы, она спокойно летит терзать добычу. Птичий крик унимается: все уже забыли попавшую в когти. И снова опускается ровный занавес птичьего говора, на котором тявканье собаки, стук топора и крик человека так резки и чужды. Сижу часами. Пролетают мимо загадочно-молчаливые буревестники-глупыши, косят на меня водянистый глаз. Потом садится рядом резвый нырочек и, прочистив лапкой клюв, весело смеется надо мной.

4 июня. Целый день работал у Рубини-Рока. Фотографировал птиц. Там крики их оглушают. Перешеек весь вытаял. Я поймал себя на занятии, для взрослого совсем неподходящем: задумавшись, бродил взад и вперед, размешивая ногами жидкую грязь перешейка.

6 июня. Первого июня свирепствовал сильный шторм. Он сильно расширил нашу полынью. В проливе Мирса и в Британском канале вскрылись значительные пространства воды.

7 июня. Моя работа и здесь протекает главным образом в ночное время. Неподвижно сижу часами и слушаю все голоса. Часам к 11 слегка затихает птичий гомон — нырочки неподолгу дремлют, тогда яснее курлыканье люммов на каменных стенах. По ночам много птиц слетает кормиться на полынью. Прилетают ненадолго чайки. Появились новые птицы. Сегодня видел красногорлого нырка. Штурман убил двух черных гусей-казарок, я ранил сероголовую чайку-поморника (*Stercorarius crepidatus*).

После ночной работы прогулялся к Рубини-Року, собрать ложечной травы «к завтрашнему гусю». Несколько дней назад я принес целый ворох ее для больных (траве приписываются противочинготные свойства). Салат из травы имел успех не только у больных — в самом деле он чрезвычайно вкусен. Павлов клялся частью предков, что «лучшего салата не найти и у самого О'Гурмэ».

8 июня. Сегодня дневная работа. После работы устроил прогулку на санях и каяке вдоль берега Хукера. Там, где можно плыть, я грузил сани на каяк, а встретив лед, ставил каяк на сани. За четыре часа сделал 16 километров. Я плыл мимо айсбергов с черно-синими выступами на громадной глубине, проходил под прозрачными арками других, где с хрустального свода падали звонкие капли, взбирался на плоские льдины с ярко-зеленой подошвой и плыл близ самого ледника под его нависшими стенами.

Близ Долины Молчания — мелкое море со дном, покрытым галькой. Как бедно здесь море! Ехал по небольшой глубине километра полтора и за все время видел только два вида водорослей, пару морских звезд, морского ежа да бесчисленные стаи крошечных рачков-капшаков. По дороге застрелил трех люммов, шесть кайр⁶⁷ и двух нырчков, занимавшихся охотой за рачками. Любо смотреть, как птицы гоняются за стайками, машут в воде крыльями мягко и сильно, летая в жидкой сфере, как по воздуху.

12 июня. Сегодня, погнавшись за серым гусем, подстреленным Максимычем, доехал на каяке до Долины Молчания. Свое мрачное название долина получила зимой. Теперь там птичьи крики и говор ручьев. По пестрому от остатков снега уклону поднялся на гору. Между скал я нашел первые яйца маленьких нырков. День тих и тепел. Тонкие слои тумана.

16 июня. Туманные, тихие дни. Температура достигла 0° и даже держится немного выше. Когда солнце проглядывает или шлет лучи сквозь тонкий газ тумана, становится жарко.

Теперь питаемся почти исключительно птицами. Число застреленных — уже перевалило за 4 000. Наши гастрономы предпочитают люммов и кайр даже медвежатине. Мясо здешних птиц, особенно кайр, действительно вкусно. Главные охотники на птиц Пустошный, Кизино и Кушаков; Максимыч специалист «по гусям». Часто от края полыньи отваливает каяк и тонет в туманной мгле. Сегодня и я выбрал время пострелять на полынье. Люммы на воде совсем не пугливы. Часто подплывают к каяку, рассмотреть его подробнее. Другой раз, занятые погоней за какой-нибудь особенно увертливой креветкой, ныряют под каяк, не обращая внимания ни на

него, ни на человека. Ныряя, часто уходят на большие глубины, теряются из глаз. Следя за птицами, я мало-помалу доехал до о. Скотт-Кельти — полынья касается его.

Вытаивает остров, пестрит обнажившимися буграми. Везде лужи и ручьи, мокрый мох хлюпает, словно в болоте. Будятся забытые ощущения, иной раз почудится, что тут совсем такие же проталины, как там на родине. Потом натолкнешься на медвежий след. — Нет, ты не дома, он далек. Когда увидишь его — лишь в мечтах близки расстояния! — «Мечтай, мечтай о доме, о красоте, о сладких днях свидания».

В душе борются две силы — одна, жадная к неведомому, — душа пустынножителя; ее все новое радует: каждая струйка воды, пробивающаяся по проталине вязкой и парной, новая свернутая былинка, еще не сошедшую пленочку снега буравящая, устрашающий крик пичужки-нырочка, топорщащего перья у гнезда, или жалкий комочек самки-куличка, от снесенных яиц отводящей. — И тихое безлюдье, где нет и призрака межчеловеческой борьбы, превращающей землю в мир страданий, горя и слез, отнимающей от миллионов живущих подлинную радость жизни, какую здесь имеешь ты и каждая былинка, пичужка. И свобода.

Другая сила — тянет к гнезду, которого здесь не найти, как не найти его птице, заблудившейся в море. Манит призраками вечного искусства и простого человеческого счастья, напряженной борьбы за него.

21 июня. Нужно отметить постоянство климата Земли Франца-Иосифа. Температура поднимается очень медленно, но равномерно. Теперь она держится на + 1°C. Это температура воздуха, на земле значительно теплей, а зачерненный термометр на сухом мху показывает до +20°C. Черные предметы — камни и скалы, нагреваясь на солнце, вытягиваются из-под снега, распространяют тепло; быстро растут проталины — и вот, все это медленное превращение дает иллюзию будущего расцвета лета. Все бродят целыми днями по клочку земли, пощаженной льдом, и тут на малом пространстве ее находят новое и новое. Мы многого лишены, но и нашли не больше ли? — Какая отрада ставить ногу на теплый камень. А лечь на мягкий мох животом и следить за жизнью трех-четырёх

видов букашек, бестолково толкущихся в солнечном луче! Приподнять плоский камень и, найдя там личинку, наблюдать ее превращения, смотреть, как у тебя на глазах распускается крохотный цветок, поймавший луч не уходящего на ночь солнышка.

28 июня. Воздух насыщен парами. Редко, совсем редко, рассеивается туман, освещение мутно и однообразно. Но когда пробивается солнце — как радостны краски! Один такой час застал меня на Рубини-Роке. Южный скат его — весь под бархатным ковром ложечной травы, драб, лютиков и камнеломок. Под черными скалами сухо и тепло, нет ни кусочка снега. Вверху многомиллионный птичий город.

В каменистых россыпях гнезда нырочков на каждом шагу. Часто между обломками камней виднеются перышки: тут лаз наседок. Некоторых, просунув руку в щель, я брал руками, потом опять садил на гнездо. Повыше в трещинах обрыва гнездятся кайры, еще повыше, на базальтовых ступенях, — семейства люммов, а выше всех на неприступной высоте — гнезда громадных чаек-клуш. Один раз, когда я взобрался на высокую скалу, такой чайке показалось, что гнездо ее в опасности. С угрожающим криком чайка пала на меня, как будто бы ей хотелось пробить мой череп могучим желтым клювом. Скользнула над самой головой: я слышал звук дрожания перьев на крылах и ощутил на лице дуновение. Чайка несколько раз атаковала меня, я должен был держать над головой треножник аппарата, чтоб защитнице гнезда не вздумалось выклевать мои глаза.

В этот день я долго лазил по склонам и россыпям, перебрал пресное озерко на перешейке, фотографировал гнездо снежного жаворонка и птенцов его — пресмешные создания, слабые настолько, что при попытке сделать пару шагов они непременно спотыкались о собственную голову, вооруженную клювом по росту непомерным. В заключение своей работы я должен был снять цветную фотографией кое-какие цветы — тут особенно крупны полярные маки. В поисках хорошего экземпляра я лез все выше и выше, — нашел. Солнце светило особенно ярко, крутизна скал манила подняться еще — я незаметно оказался на вершине Рубини-Рока, считавшегося у нас неприступным.

Жутко смотреть в стосаженную бездну обрыва. Бросишь камень, он скрывается из глаз, падения не видишь, столкнешь крупный обломок — он разбивается об уступ, а птичье население серым облаком, как пылью, затягивает синюю тень на льду.

Наверху ровное мертвое поле, ни травинки, ни живых существ. Только лишайники покрывают выветрившиеся камни. Я сложил высокий гурий на западном краю скалы.

Глава восемнадцатая

Приближалось полярное лето. Теперь наш путь лежал не к северу, — на юг, но, как и прошедшим летом, мечтать об освождении «Фоки» начали задолго до возможности. Но так и нужно. Нелишне быть начеку, когда готовишься к плаванию по дальним северным морям. К первым числам июля мы сделали все, чтоб «Фока» мог выйти из бухты под парами. Сняли и распилили на дрова утлегарь и высокую стенгу* бизань-мачты. Получилась хорошая поленница дров. Однако, ее хватило бы только поднять пары; пришлось выпилить часть фальшборта**. Собрали в одно место остатки кубрика, грузовой палубы, кладовых и всякий горючий хлам. На случай, если б корабль не мог дойти своими силами до мыса Флоры, где можно набрать еще немного топлива, а нам пришлось бы держать дальнейший путь в баркасе, — мы приготовили его к далекому плаванию. Все научные работы экспедиции на такой случай запаяли в цинковые ящики.

«Фока» стоял недалеко от большой полыньи, огибавшей о. Хукера. От воды отделила узкая полоска льда. Пробивая канавки, к восьмому июля отвалили большую часть льда. Стали появляться моржи. Первого я видел 22 апреля во время охоты на медведя-великана; с июля мы часто видели моржей на воде. Говорили: хороший признак, — открытая вода

---

* Стенга — верхняя приставная часть мачты.

** Фальшборт — часть борта выше палубы.

недалеко! Один, одержимый любопытством, повадился посещать «Фоку» ежедневно почти в одни и те же часы. Опираясь клыками на лед, сопя со скрипом и хрипом, он подолгу смотрел на «Фоку», нырял и опять долго пыхтел и неодобрительно разглядывал работавших ледяной пилой и кирками. Матросы прозвали моржа «ревизором».

Восьмого июля два чудовища напали на Пустошного во время охоты на птиц. Один занес клыки над каяком. Что ему нужно было? Пустошный должен был выстрелить в морду, чтоб отогнать опасного соседа.

С начала июля мы прекратили почти все научные работы, за исключением метеорологических наблюдений, переведенных в походный порядок. Распределили должности по кораблю. Капитаном, естественно, остался Сахаров; он выбрал помощниками Визе и меня. За смертью Зандера мы остались без механика; из машинной команды осталось два кочегара — Коршунов и Кузнецов. Кушаков в прошлое лето был практикантом за помощника механика, однако когда предстояло такое серьезное дело, как сборка машины, — он не мог быть полезным. На положении старшего механика оказался Коршунов, больной, не способный ходить. Машину предоставили в его распоряжение — судьба экспедиции зависела от его умения. Скромный Коршунов оказался хорошим механиком-практиком. Три недели маленький человек стучал молотком, сверлил, чистил все части, завинчивал гайки «до места», поднимал на таях тяжелые части, потом потребовал людей помочь повернуть вал и сказал: «Машина готова. Пока будет топливо, со стороны ее задержки не ждите».

Десятого июля «Фока» качнулся на свободной воде. Канал к полынье пилили больше недели. Работы хватало бы надолго — помог шторм. Он наделал трещин во льду. Оттолкнуть ломанный лед было не трудно. Шторм разразился двенадцатого июля; потом два дня стояли туманы. Когда разъяснилось, мы поняли: минута отплытия близка.

Весь день 14-го — усиленные разведки. Павлов и Кушаков ездили на о. Скотт-Кельги, остальные осматривали лед с вершины Хукера. К сожалению, воздух был насыщен парами —

видимость не больше 25 километров. В моем дневнике отмечено: «В северной части Британского канала лед поломан. Между островами Нансена и Хукера широкая полынья; другая от Британского канала тянется в пролив Мирса. О, если так будет дальше, через неделю мы выйдем!»

Через два дня лед разределся. Открылось совещание, — не пора ли двинуться в путь? Решались два вопроса: ехать ли немедленно или подождать несколько дней, чтобы дать время льдам еще разредиться? Второй вопрос: идти северным путем вокруг о. Хукера или южным — по каналу Мирса? Решили: плыть северным путем, не теряя времени.

Семнадцатого июля в десять часов утра подняли якорь. Проходя мимо мыса Зандера, приспустили флаг и отдали траурный салют — последнее прощание с погибшими.

Мы шли вдоль знакомых берегов. Через несколько часов «Фока» обогнул мыс Маркхэм и недалеко за ним уперся в неломанный лед. Поворотили обратно, чтоб пробиваться каналом Мирса. Недалеко от места зимовки, когда «Фока» огибал о. Скотт-Кельти, случилось несчастье: «Фока» сел на мель. В это время я находился в наблюдательной бочке. Не видя прохода среди громадных ледяных полей, я крикнул вниз нашему капитану: «Не пройти ли у берега — там единственная лазейка?» Максимыч направил корабль под берег. Мне было видно: глубина резко уменьшилась. Бросили, лот и как раз в мгновение, когда лотовый крикнул: «три сажени», судно влезло на мелкое место у самого берега. «Фока» сел не крепко. На наше несчастье произошла смена приливных течений. Ледяное поле в поперечнике больше километра двинулось на нас, — «Фока» поехал на берег. Давление длилось недолго, но корабль был выкинут на мель всем днищем. Выглядело так, как будто бы старый «Фока» пришел к своей последней стоянке!

Бывают в жизни моменты, особенно располагающие к подвижности мозгов. Мы сообразили: не нужно убирать ледяных якорей, занесенных ранее на поле, с надеждой, подтянувшись к нему, сняться с мели, — поле должно пойти прочь, когда сменится приливное течение. Постарались облегчить судно, как могли: в цистернах «Фоки» было налито вместо балласта

около 35 тонн пресной воды, выкачали ее; без сожаления выкинули якорь тонны в две весом со всей его цепью. В самом деле: поздней ночью поле двинулось от берега и стащило корабль на свободную воду.

Спустился туман. Всю ночь мы шли по каналам между крупными ледяными полями. Один такой канал повел «Факу» сначала на юг, потом, предательски и незаметно уклоняясь, направил нас на С.-В. к какому-то берегу. Под вечер 18-го туман слегка рассеялся. Мы разобрали, что вблизи южного берега о. Хукера имеется проход. Немедленно воспользовались им. На следующий день мы подходили к мысу Флоры. Когда «Фока» покинул бухту Тихую, кучка топлива, сваленная в пустые угольные ямы, была невелика. У мыса Флоры мы подсчитали: котлы были под парами в течение 40 часов. Нужно оговориться: первоначальная кучка растаяла быстро. А потом, пред открывшимся проходом, нельзя было задумываться — мы принялись за каюты на правом борту.

Стоит в глазах картина: на командном мостике напряженно глядят — не закрылся бы канал, не отжало бы «Фоку». А свободная вода совсем недалеко! — В это же самое время в машинном отделении маленький Коршунов со скрюченными ногами прыгает, опираясь руками о помост, — от цилиндров к топкам и обратно — кричит в рупор: «Топлива, топлива! Давление падает, — только 45 фунтов», звонит телеграфом и шлет на мостик гонца за гонцом. А в юте треск и крики. Летают дерево, сдирая обшивку кают, рубят койки, превращают в щепы умывальники, шкафчики, полки. Из соседних кают спешная эвакуация. Лают нервные собаки.

— Морж! Морж на льдине! Ура!

Выстрел. «Фока» ударяется носом о льдину. Скачет за борт человек, заносит на голову строп — двойная петля, и на лебедку. Ход вперед! Через десять минут первые куски жира убитого уже под котлом.

Проходит час. Снова вопли из машинного капа: «Топлива, топлива! Давление лишь 40 фунтов. Сейчас машина встанет!» Ломается другая каюта, высматривают нового моржа. От толчка выпал старый фальшбимс, в топку его: хватит часа на полтора. В топку табуреты, туда же растрепавшиеся книги...

вперед, вперед! Не спускать паров. Снова поднять их нечем. Топлива, топлива!

До мыса Флоры три ленивых моржа и два странно-доверчивых тюленя сгорели на жертвеннике наших стремлений к югу.

В полночь на 12 июля «Фоку» оттиснул лед, задержавшийся близ островка Этеридж. Стараясь держаться подальше от берега, всегда опасного в напор льдов, мы не заметили, как очутились рядом с другой опасностью: громадный неустойчивый айсберг приблизился к корме. Когда ледяная гора приплывала метрах в шести-восьми, ее толкнуло ледяное поле, в то время давившее на «Фоку». Айсберг сильно покачнулся и свалился на бок. В следующее мгновение послышался глухой и грозный шум. Со страшным размахом, дробя лед, отшвыривая осколки и поднимая каскады пенной воды, айсберг перевернулся. К счастью — удар по корме пришелся снизу и скользом. Все же «Фока» изрядно затрещал и сильно рыскнул вперед. Спустя секунду обнажилась вся подводная часть ледяной горы, изъеденная водой наподобие осинового гнезда. Айсберг продолжал раскачиваться. Мы ясно поняли, что рядом — опасная игрушка: опрокинься полярный Ванька-Встанька еще один раз падением в сторону «Фоки», ему не обойтись без серьезной аварии. Из последних паров мы протолкались подальше. Издали такие зрелища приятней. К полудню, огибая скопления льдов у восточной части о. Нортбрука, «Фока» стал приближаться к берегу. Мыс Флоры недалек.

—

Густой туман покрывал берега. Я был за капитана: эти места по зимней экскурсии были мне известны больше, чем другим, — Сахаров передал управление «Фокой» мне. Я стоял у телеграфа и старался определить, к какому месту Нортбрука мы приближаемся. Вот в проблеск тумана мелькнул какой-то мыс, я успел узнать по знакомому поясу глетчера — мыс Гертруды; скомандовал держать левее. Через четверть часа опять прорвался туман — подходим к мысу Флоры.

Чернел неясно берег, окаймленный тонкой полосой битого льда, из курящегося моря недоуменно высывались блестящие головы моржей, с не видимой нам горы планирующим полетом скользили на воду люммы, и неся с берега ровный неразборчивый шум птичьих криков.

Сырой туман садился; отпотевали стекла бинокля. Я напряженно вглядывался в берег — туман скрывал его весь, за исключением узкой полосы у самого уреза воды, — а по ней я долго не мог узнать, который из мысов нужный нам Эльмвуд. Колыхнулся туман ветерком, — я опознал наконец группу камней и невысокий откос берега с расчищенным пространством волока, сделанного Джексоном для разгрузки корабля. Показав рулевому, куда следует держать, я снова сосредоточил все внимание на полоске берега, — зимой я видел айсберг, стоявший на мели: там должны быть подводные камни.

Неожиданно среди камней на берегу я увидел предмет, похожий на человека. В первую минуту я подумал: мне почудилось. Инстинктивным движением отнял от глаз бинокль, чтоб, протерев стекла, посмотреть свежим взглядом. В это мгновение кто-то крикнул с бака:

— Человек на берегу!

Да, человек — он движется! Кто это? — Вся команда «Фоки» закричала: «ура!» Кто-то сказал: «Это, наверное, судно за нами пришло». Помнится, Линник, держа одну руку на руле, а другой выразительно вода под носом, отметил: «Ну вот, теперь-то мы и закурим!»

Я продолжал смотреть в бинокль. Облик человека, стоявшего на берегу, казался не похожим на свежего — недавно из культурных стран. Скомандовав отдать якорь, я еще раз вгляделся и запоздало ответил Линийку: «Подожди еще, Григорий, сдается, что там ждут от нас табачком попользоваться».

Человек что-то делал у камней. Минуту спустя — как мы отдали якорь — неизвестный столкнул на воду каяк, ловко сел и поплыл к «Фоке», широко размахивая веслом, — хороший каячный гребец.

Каяк подошел к борту, сидящий в нем заговорил на чистейшем русском языке. Слабо звучал голос. Первые слова, кажется — приветствие, затем донеслось:

— ...Я штурман парохода «Святая Анна»... Я пришел с 83 градуса северной широты. Со мной один человек, четверо на мысе Гранта. Мы шли по плавучему льду...

В это время морж подобрался под каяк с весьма подозрительными намерениями.

— Морж, морж под вами! — закричали с борта.

— Ничего, ничего, — эти противные животные порядочно надоели нам, когда мы шли с мыса Хармсворта, теперь мы к ним уже привыкли.

Спустили с борта шторм-трап. Человек поднялся по нему. Он был среднего роста, плотен. Бледное, усталое и слегка одутловатое лицо сильно заросло русой бородой. Одет в изрядно поношенный и выцветший морской китель.

— Альбанов, штурман парохода «Святая Анна» экспедиции Брусилова, — назвал себя приехавший. — Я прошу у вас помощи — у меня остались четыре человека на мысе Гранта...

Мы знали об экспедиции Брусилова: она вышла с промысловыми целями почти в одно время с нами; слышали, что Брусилов намерен пройти морским путем вдоль Сибири во Владивосток. Кто мог предполагать, что, уходя почти в противоположные стороны, мы можем встретиться на дальнем севере с членами этой экспедиции! Как «Анна» попала на 83 градус?

Состояние льдов осенью 1912 года было неблагоприятно плаваниям не только в Баренцевом море, но и в Карском. «Анна» нашла его заполненным льдами; «Анна» пробивалась на восток с величайшим трудом и в конце октября была затерта льдом у С.-З. части полуострова Ямала под $71^{\circ} 45'$ с. ш. С осени казалось, что случилась досадная задержка по пути во Владивосток — не более. Корабль стоял недалеко от берега, лед застыл гладко; зазимовавшие несколько раз бывали на берегу — проторили даже дорогу, намереваясь построить там амбар. Вскоре после наступления темноты начались жестокие штормы с южной стороны, отмеченные и нашей станцией. Во время одного — совершенно незаметно для находящихся на «Анне» — весь лед Карского моря двинулся на север. Невольные

путешественники заметили передвижение корабля и дрейф льдов только по расхождению астрономических определений. *Движение «Анны» продолжалось непрерывно весь двенадцатый и тринадцатый год по направлению прямо к полюсу.*

Летом 1913 г., когда «Анна» находилась в широтах пролива между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа, движение ненадолго изменилось на западное. Лед кругом был в это время поломан, слаб, виднелось много каналов и полыней, но большое поле, двигавшее «Анну», было очень прочно. Альбанов говорил, — будь на «Анне» некоторое количество сильновзрывчатых веществ, она пробилась бы к ближайшему каналу и, без сомнения, вышла бы в Баренцево море. На «Анне» динамита не было, мины же черного пороха слишком слабы. Осенью движение на север возобновилось. На 82° лед, обогнув землю Франца-Иосифа, круто повернул на запад. 10 апреля 1914 г. «Анна» находилась уже в широте 82° 55′ на долготе 60° 45′ в. д.

Брусиллов снарядил свою экспедицию для промыслов в Беринговом море. Провианта взял только на полтора года в расчете, что по пути к Берингову проливу более одного раза зимовать не придется. В первую зимовку почти вся команда и сам Брусиллов переболели цингой. В числе участников экспедиции находилась женщина — фельдшерица Жданко. Она ухаживала за больными заботливо и самоотверженно. К лету, благодаря ее заботам и усиленному питанию медвежьим мясом, больные поправились (за два года убили 42 медведя). Во вторую зимовку стали ощущаться недостатки: провизия подходила к концу. Давно не было сахара и мало приправ.

В середине второй зимы Альбанов, помощник Брусиллова, предложил уйти с половиной команды на Землю Франца-Иосифа: на «Анне» знали, что на мысе Флоры есть дом и склад провианта. В таком случае оставшимся хватило бы остатков провизии еще на год. Брусиллов разрешил Альбанову покинуть судно со всеми желающими.

Не было ни каяков, ни саней. Под руководством Альбанова сделали девять каяков несколько саней, паруса и все нужное для путешествия. 10 апреля 1914 г. Альбанов и 13 матросов вышли, держа курс на Землю Рудольфа. Началось трудное путе-

шествие без собак, без спальных мешков, — их заменяли совики; провизия — сухари, чай, клюквенный экстракт, малое количество сухого бульона. Среди ушедших — ни одного имевшего опыт санных путешествий. Двигались крайне медленно, — не более семи — восьми километров в сутки. Первые 3 дня партия не теряла связи с судном. Три человека решили вернуться на «Анну». С Альбановым остались 10 человек.

Спасавшиеся думали, что через месяц выйдут на землю Рудольфа. Проходили многие недели, земли не было видно. Альбанов знал о существовании западного течения в Ледовитом океане и принимал необходимые поправки в курсе. Как хороший штурман, он старался возможно чаще проверять направление при помощи астрономических определений. Но было одно обстоятельство, лишавшее вождя уверенности: на «Анне» было всего два хронометра, не имевших поправки два года. Определяя долготы, полагаться на хронометры, идущие два года без поправки, конечно, не приходится. Альбанов не знал, с какой долготы он отправился, а не находя земли, совсем потерял веру в правильность своего счисления.

Прошло два месяца. Десять человек медленно двигались к югу. За это время один из матросов, Баев, уйдя на разведку, потерялся во время метели. Люди, не видя никакой земли, плелись наугад: несчастные поняли — они заблудились в ледяных просторах океана.

—

В середине июня, когда все надежды были уже потеряны, когда сани и все каяки — за исключением двух — были сожжены, и почти не оставалось сухарей, покинувшие «Анну» увидели на востоке какую-то землю. Вышли на нее совсем обессиленными — без крошки провианта и топлива. На земле убили много гаг. Съедая их иногда сырыми, иногда поджаривая на сухом мху, несчастные страдальцы немного оправились — все они были больны цингой.

Альбанов не знал, к какой земле он привел товарищей. На низком и длинном мысе залитой льдом земли стоял гурий. В верхней части его Альбанов нашел бутылку с запиской

Джексона. Только из записки штурман понял, что вышел он на Землю Франца-Иосифа, а низкий мыс Мэри Харсворт — западная оконечность Земли.

После пройденного расстояния, казалось, до мыса Флоры рукой подать. — Достичь его удалось только двоим. У южного берега, начиная от бухты Грэй-Бай, плескалось море, каяков же осталось только два. До Грэй-Бай шли вместе — дальше пришлось разделиться. По жребию пять человек сели в каяки, остальные пошли берегом. Было условлено соединиться на выдающихся мысах. На третьей остановке — на мысе Гранта — плывшие в каяках сухопутной партии не нашли. Ждали два дня. Потом было решено плыть к мысу Флоры, чтоб, запасшись там провиантом, вернуться и взять идущих берегом. Во время остановки на острове Белль умер матрос Нильсен. Похоронив его, поплыли к мысу Флоры. Когда каяки были уже посреди пролива, поднялся шторм. На глазах у Альбанова каяк с матросами Луняевым и Шпаковским был унесен в открытое море. Сам Альбанов успел добраться до большого айсберга и на нем переждал бурю. Стихло. Второго каяка не было видно нигде. 9 июля Альбанов с матросом Кондратом приплыли к мысу Флоры. 17 июля Кондрат ездил к мысу Гранта на каяке, но не нашел там никого: Максимов, Регальд, Губанов и Смиренников пропали.

Кондрат — плотный парень с простодушной улыбкой и жемчужными зубами. Глядя на его цветущее лицо, можно подумать, что он только что вернулся из веселого плавания на яхте, а не из скитания по льдам. Первые его слова были: «А у вас табачку не найдется?»

Альбанов сохранил на груди толстый пакет с копиями всех наблюдений над состоянием льда и воздуха за все время плавания — «Анны»⁶⁸.

Глава девятнадцатая

...уж томную главу
На брег желанный полагает,
В слезах от радости лобзает
Песок и мягкую траву.

Ломоносов

На мысе Флоры расцвет полярного лета. Зеленели склоны гор, стаивали остатки снегов, бурно шумя, неслись по откосам водопады. Выше слоя тумана яркое солнце, — скоро оно прогнало туман совсем. С горы тогда открылась картина так радостная нам: на юге простор моря неизмерим, — ни льдинки на всем далеком горизонте!

Стремясь к мысу Флоры, мы предполагали разобрать на топливо только один амбар. После встречи с остатками экспедиции Брусилова пришлось подумать о большем: мы должны сделать попытку отыскать потерявшихся людей, хотя бы ради нее пришлось сломать и дом; живые люди дороже полярных памятников.

Двадцать шестого июля закончили погрузку бревен. Оставив в бамбуковой хижине склад провианта и ружье с патронами, поздним солнечным вечером мы вышли на поиски людей. Сначала «Фока» обошел острова Белль и Мабель. Тихо двигаясь вдоль самого берега, — насколько позволяла глубина — мы часто давали свистки и изредка стреляли из пушек. Ни на берегу, ни в «доме „Эйры“» нельзя было заметить следов пребывания человека. Даже расположение досок в заколо-

ченном мною окне «дома „Эйры“» оставалось таким же, как при моем уходе. Постояв несколько минут в гавани Эйры, — еще несколько свистков и выстрелов, — мы направились к мысу Гранта. К самому мысу подойти нельзя: у берега стоял припай из невообразимо нагроможденных торосов — нужно отправлять сухопутную партию. На берегу же — насколько можно рассмотреть в сильные бинокли и подзорную трубу — одни мертвые камни. Пушечные выстрелы и гудки будили только стада моржей. Очевидно, искать людей на мысе Гранта бесполезно; нужно обойти, тщательно осматривая, все берега, — такие поиски займут не меньше трех дней. Мы не могли стоять так долго под парами. Было решено поиски прекратить.

Раннее утро. «Фока», покачиваясь на крупной зыби, уходил на юг под паром и парусами. Все сильней лиловела земля и заволакивалась испарениями моря. Все ушли спать. На мостике остались Альбанов и я. И наступила минута: земля на севере предстала такой же, как в прошлом году, когда ее завидели впервые, — не то облако застывшее, не то пологие высокие горы встали над открытым морем. В моем мозгу быстрым вихрем пронесся весь минувший год. И снова встало ушедшее мгновенье, когда на мостике вскричали: «Смотрите, смотрите, ведь это земля!» — Тогда рядом со мной стоял Седов. Он стремился к ней больше всех и отдал ей себя раньше всех. Теперь не он правит «Фокой», а я. Со мною рядом стоит человек, до этого года о Земле Франца-Иосифа не думавший вовсе. Звезда привела этого человека на «Фоку», Седова — к могиле на дальнем острове.

— Прощай, Седов, прощай суровая страна!

Спрятались в воду острова. Почти сутки мы не встречали льдов. Приходила мысль: не выдался ли на наше счастье особо редкий год, когда ледяной пояс вокруг Земли Франца-Иосифа разрывается с южной стороны — такие случаи наблюдались. Радовались недолго. Под вечер следующего дня температура воды резко понизилась, мы знали, что это значит; появились первые вестники — нежно-зеленые айсберги. Ночью вступили во льды, разрозненные и рыхлые. Имея достаточно топлива, пересечь такое пустычное препятствие не сто-

ило труда, прошли бы не сбавляя хода; но в нашем положении всякий лед большая помеха.

Ход «Фоки» сильно замедлился. Топливо пришло к концу в исходе вторых суток. В это же самое время лед сильно сгустился; по временам приходилось даже разбивать перемычки. Мы продолжали идти под парусами. Парусные маневры даются во льдах нелегко; один раз, меняя галс, мы врезались в кашу битого льда так основательно, что долго не могли освободиться. Как раз поля, плававшие по сторонам, сомкнулись. «Фока» оказался зажатым, — не выбраться даже при помощи машины. В таких случаях помогает терпение.

Мы были уже на 76°. Оптимисты на «Фоке» находили, что положение блестяще. В худшем случае лед тянется до 75° — там обычная граница плавающего льда. Неужели за два месяца навигации мы не пройдем одного градуса — если бы даже пришлось на лямках тянуть свой корабль? Быть не может, чтоб за два месяца льды не разошлись! — Мрачные пессимисты угрюмо качали головами и в другие минуты предсказывали всякие беды. Кто знает, что нас ждет? Чего не может случиться на море, хуже того — во льдах?! Кто поручится, что южные штормы не отбросят далеко на север беспомощного «Фоку»? Какими средствами мы обладаем, чтоб быть уверенными в возвращении домой?

Стояли туманы. Слабые ветры не раздвигали льда. Мы видели много тюленей, лежавших на краях полей; в полынье недалеко от корабля я однажды заметил нарвала. Во время стоянки к «Фоке» подходили три медведя. Одного я застрелил, другой — раненый — скрылся в тумане, третий прибрел к «Фоке» во время сильной вьюги. Подняв на судне переполох, бродяга сам струсил и скрылся быстрым галопом.

«Фока» стоял недвижно около девяти дней. Вечером седьмого августа туман рассеялся. Мы увидели вблизи широкий канал на юг. В то же время слегка раздвинулись поля.

На «Фоке» поднялся аврал* — нужно торопиться, пока поля опять не сомкнулись. Еще во время стоянки решили пожертвовать всеми каютами. — Поломали их. После этой опе-

---

* Аврал — общая работа на корабле, когда всех поднимают на ноги.

рации над палубой от юта остались только наружные стенки и спардек, внутри же — голый амбар. В одном углу его, там где была кают-компания, — обеденный стол, в другом — нелепо и сиротливо прижалось к стенке привязанное пианино; палуба под горами разнообразнейших вещей. Длинный ряд иллюминаторов лил свет на этот погром.

Приготовленного топлива едва хватило поднять пары. Только тронулись — давление в цилиндрах стало уменьшаться. В топку полетели табуреты, шкафы, запасные паруса и снасти, политые остатками медвежьего жира. Все сторе-ло очень быстро. «Фока» медленно пробирался узкими каналами; край ледяных полей был недалек. Понеслись из машинных недр старые вопли: «топлива, топлива! Пар падает, падает!»

На спешном совещании решили вырезать через один толстые дубовые бимсы*. Если бимсов не хватит, снесем наружные стенки и спардек, сами, же переселимся в кормовую часть трюма. Через несколько часов «Фока» вышел из области полей и вступил в разрозненный лед. С наблюдательной бочки виднелось впереди почти свободное море. Еще полчаса хода, можно будет сказать: льды позади, поставив паруса, поплывем на свободе.

Горел последний бимс, все слабее вращался винт. Мы пожалели спардек. Нам жилось совсем не уютно. Но — переселиться в темный, сырой, насквозь пропитанный ворванью трюм? — «Фока» остановился.

Несколько часов спустя подул слабый ветерок. Подняли паруса. «Фока» двигался медленно, почти незаметно для глаза, то задерживаясь у отдельных льдин, то совсем останавливаясь из-за безветрия. Доходила крупная зыбь. Так — несколько часов. Потом ветерок посвежел, и меньше чем в час расстояние, отделявшее от открытого моря, было пройдено. — Слава «Фоке»!

Дальнейшее плавание — обыкновенное скучное плавание парусного судна, когда, выходя утром на палубу, каждый по-

---

* Бимсы — поперечные крепления, связующие борта корабля изнутри.

дымает помусоленный палец — узнать направление ветра, когда в затишье моряки считают долгом посвистать, «дразня ветер», или приговаривают: «дуй, дуй, весели хозяина, вали мачту!»; когда при ветре встречном все с ходят с тоской, при попутном — работают шутя.

Если б в таких широтах Ледовитого океана встречались суда, никто не обратил бы внимания на парусник со снятыми стеньгами, а если б какой-нибудь капитан и приметил, подумал бы наверно ленивой поморской думой: «Пропил, чать, стеньги-то, теперь пловет легонечко в Архангельско!»

На самом деле на «Фоке» все обстояло не так благополучно. Мы шли только при помощи четырех парусов, с малым запасом пресной воды для питья. «Фока» имел течь угрожающую. Еще из Архангельска он вышел с изрядной течью. Она не беспокоила во время зимовок, когда корпус смерзался, ни на ходу под парами, когда паровые помпы, работая беспрерывно, держали трюм сухим. Двухлетние приключения — все столкновения со льдами и мелями — не прошли даром: течь сильно увеличилась. Мы вычислили по диаметру помп, откачивавших воду, что за сутки в корпус набиралось 5 000 ведер воды. Мы должны были ежедневно работать ручными помпами в течение семи часов беспрерывно, чтоб сохранить плавучесть своего корабля. Шли совсем без балласта, ничтожная зыбь играла кораблем, как пустым бочонком. Следовало бы готовиться к худшему. Рассуждая трезво, мы не могли не понимать: первый же хороший шторм покажет «Фоке» его настоящее место. Так создан человек: в «такую нелепость» никто не верил. — Всех меньше — Альбанов. Как, быть на 83 градусе, растерять во льдах девять спутников, ежеминутно находиться на краю гибели, выйти на землю, съев последний сухарь, быть чудесно спасенным кораблем, показавшимся в тумане привидением, льды одолеть — и после того погибнуть в обыкновенный шторм?.. Альбанов смеялся: «Нет, так не бывает!»

Однообразно шли дни. Теперь мне даже не вспомнить отдельных — все это плавание сгрудилось в образ широкого моря и грязного амбара. Там, на чемоданах, ящиках и на футлярах инструментов небритые мужчины торопливо едят еле ра-

зогретые консервы и тюленину, торопятся на вахту — качать воду, или валятся спать тут же на палубе, не раздеваясь. Когда постоянная качка сильней, спящие катаются по палубе вместе со всеми вещами. Стараются ложиться в ряд. Вот хороший размах — и валится весь ряд в общую кучу. Тогда, ворча спросонья, люди поднимаются, чтоб устроиться по-новому — головами к движению волны. Вечная качка, торопливая еда, сон, частые вахты — вот все, что помнится мне. Да, еще — один раз целую вахту близ корабля резвились киты-касатки; они ныряли под киль и выставляли, выкидывая дыхалами пар с водой.

—

Погоды стояли спокойные. Мы подвигались на юг, иногда деля за сутки 100, иногда 10—15 миль. Берег родной земли приближался. Разве может быть отрадней иное для путника? — Стоять на мостике, самому держать в руках румпель и править на юг, прямо к родному берегу, следить, как густеет небесная синева, как выплывают забытые, но так знакомые южные облака, как теплеет с каждым днем, как появляются новые птицы, темнеет сильнее по ночам. Новое море, новое родное небо, новые облака и ветер. Попадаются плывущие доски. Из вод голубого Гольфстрима уже не выходим — все чаще проплывают в его прозрачайших струях морские животные: вот ярко-цветистые медузы — морское масло, водоросли, вот звезды морские, голотурии, рыбки сигают, вот стадо сельдей рябит спокойную воду — над ними чайки, прилетевшие оттуда, оттуда с родного берега, пара гагар, обрывок сети в море, весло... Что это там, что на горизонте — дальше, за первым дымком парохода?.. Что за гряда над горизонтом слабо синеет вдали пониже курчавого облака?.. Что капнуло на руку, стиснувшую румпель?..

По наблюдениям 14 августа оказалось, что мы пересекли уже 70 градус. Первый пароход встретился на следующий день, разошлись с ним милях в двух, — какой-то английский «купец», загруженный доверху досками. Он шел на запад. Мы не сигнализировали ему, не просили помощи — берег был недалек.

Вечерело. Тянул попутный ветерок. Капитан Сахаров стоял на мостике. Максимыч родился на севере, с малых лет плавал вдоль Мурмана, знал каждую щель любого мыса. — Ему ли не узнать родного берега! Вон Шельпино с маяком. Далеко там направо вход в Кольскую Губу. Вот — остров Кильдин маячит.

— Идем в Шельпино? Там телеграф, стоянка пароходов, удобная бухточка.

Солнце ушло за горизонт, потянулись по морю вечерние тени. Темнело. Берег в 5—6 милях. Попутный ветер не оставлял. Еще два часа, мы увидим новых людей, узнаем, что случилось в мире за два года. Дуй, дуй ветер! Держи парус на ветре, рулевой! Качайте, ребята, усердней, чтоб при встрече не затонул наш богатырь!

Вдруг с капитаном случилось непонятное — он забегал по мостику в явном беспокойстве и растерянности.

— Маяк!.. Где же маяк? Почему он не горит? В темноте войти невозможно. Что за беда такая? — Шельпино тут, разрази меня на месте!

Мы повернули вдоль Мурмана к востоку. Шли рядом с берегом часа два-три, не видя ни одного огня. Не только капитан, все стали недоумевать. Где маяки? Почему весь берег темен и безжизнен?

И вдруг заблестел огонь. Нет, это не маяк, — пароход, большой, весь сияющий огнями пассажирский пароход! Он быстро приближался. Николай Максимович сразу опознал: «Ломоносов» в Вардэ идет. Ну, на нем-то — все приятели, остановим. Этому ничего не стоит перебросить пару-другую тонн угля для «Фоки»!

Ближе сияли огни. Как красив в море электрический свет, как ярко! — Терпение, терпение, еще полчаса — узнаем все! Нас, наверное, не откажут угостить папиросами.

Итак, даем сигнал бедствия. Положа руку на сердце, — мы в самом деле в бедственном положении. В обыкновенном плаваньи просят помощи совсем в маловажных случаях. Достали из заветного ящика фальшфейеры. На борту загорелись два ярких голубых огня. Дали выстрел из пушки. Мы ожидали, что «Ломоносов» подойдет или спросит сигналами, что нужно нам. Но пароход шел мимо, как бы не замечая. — «Обычно-

венное дело: погода спокойная, море глубокое, поужинал капитан и дремлет на мостике. Вот мы его сейчас разбудим!»

Из груды пакли, смоченной керосином, сделали громаднейший факел, зарядили пушку тройным зарядом. Вспыхнул огонь до половины мачт, ярким отсветом загорелись паруса и в ту же минуту наши бомбардиры выпалили. «Уж сейчас-то заметил, вот смотрите, повернет!»

Что случилось? Минута встречи с людьми казалась столь близкой! — Там, где за минуту был пароход, ясно вырезанный на фоне берега длинным рядом огней по бортам и на мачтах — оказалось пустое место. Как будто бы наша безобиднейшая, не задевшая ни одного моржа салютная пушка вмиг потопила пароход. Куда он девался? — Максимыч чесал в затылке и объяснял: «Зашел за остров пароход». Когда же спросили, какой такой остров, — ведь мы прошли уже все острова? — «А черт его знает! Что тут за дьявольщина происходит!» — и завопил рулевому: «Не выходи из ветра, держи мористей!»

Всю ночь «Фока» крейсировал у берега. Ранним утром мы опознали Харловку. Пытались войти в эту бухточку, но ветер дразнил: как только подходили ближе к берегу, утренний бриз отгонял нас прочь, — обогнуть входные мысы никак не могли. Прошли на запад до следующего становища. Стали попадаться рыбацьи лодки, выехавшие на утренний промысел. Мы подошли к одной ёле* и попросили рыбы.

Что подумал рыбак — сначала принявший «Фоку» за промысловое судно, — когда, взяв лодку на буксир, мы выпалили из пушки и густой толпой сбежались на корму рассмотреть свежего человека, когда в ёлу соскочил один из матросов и отобрал у подручных кисет с махоркой? — Не попался ли в руки неприятелю?

Через минуту палуба заволоклась клубами дыма. — закурили, кажется, и не курившие от роду. А на хозяина ёлы посыпались наперебой вопросы: «Что делается на свете? Что случилось за два года»?

Кормщик ёлы, коренастый карел, был в явном затруднении. Он первым делом спросил: «А вы кто же такие бу-

---

* Ёла — промысловая лодка — род баркаса.

дете»? И получив ответ, сказал: «Слышал. Вот оно, какое дело-то. А у нас говорили, в газетах пропечатано, будто вы все погибли».

Затем рыбак стал рассказывать непонятное нам: «Был военный пароход, наши на шнёках побежали в Бело морё. Один вернулся. Болтали наши, что много шнёк опружило погодой в Горле, ну а которые добежали. В Александровском, сказывают, крепость готовится...»

Мы понимали одно: рыбак сообщает о каких-то событиях последних дней. Кто-то прервал рассказ вопросом:

— Ну, а как, на свете есть война где-нибудь?

— Как же, есть.

— Кто же воюет?

— Да мы воюем.

— Кто же против нас?

— Германия, сказывают, а с ней Австро-Венгрия. А за нас Франция и агличане с ипонцами, еще какие-то там государства.

Мы ушли в мирную эпоху. — Европейская война?.. Полуграмотный карел не мог нам объяснить ничего. Пересказал только искаженные слухи о неприятельских крейсерах, будто бы виденных с Рыбацкого полуострова, о том, что немецкий царь хочет взять Мурман, что напуганные этим слухом промышленники поплыли на своих скорлупках в Белое море; часть их по дороге погибла... На «Фоке» любимой темой разговоров были предположения, что мы застанем на родине? — Может быть, войну или Российскую республику? До европейской войны никто не додумался. — Так вот чем объяснилось отсутствие маяков и странный случай при встрече с «Ломоносовым»!⁶⁹

Рыбак сообщил, что в становище Рынде стоят два моторных бота. Их владельцы наверное не откажутся ввести нас в гавань. В Рынде есть телеграф, туда заходят пароходы. — Кушаков на ёле карела отправился на берег, переговорить с владельцами ботов и послать первые телеграммы.

К полудню из бухточки Рынды выполз небольшой моторный бот с огромным русским флагом на корме. Пыхтя и переваливаясь на волнах, как бочонок, он остановился в сотне метров от «Фоки». Громкое «ура» и приветствия доноси-

лись еще издалека. От бота отделилась лодочка. На палубу «Фоки» взошел владелец бота Соболев с тремя исполинами-поморами; все как один — в новеньких непромокаемых куртках, как на подбор статные, дородные, с морским загаром лиц; смелые глаза, крепкие руки, твердая поступь.

— Здравствуйте, здравствуйте, рады приветствовать вас!

Соболев привез кипу разрозненных газет, табак и гильзы — все самое нужное в первую минуту. Пока мы хватали газету за газетой, не выпуская изо ртов папирос, расторопные ребята завезли буксир на бот. Он повел «Фоку» за собой. Вскоре из Рынды вышел еще один моторный ботик, забросил и свой канат. Таким торжественным порядком — впереди два буксирующих бота, за ними «Фока», весь в праздничных флагах — вошли мы в гавань.

— «Отдай якорь!»

Мы на родине!

Теперь я разглядываю фотографию становища Рынды: голые гранитные скалы, мрачные — без кустика. Дальше в глубине — бухточка, кучка низких рыбацких станов с сетями у входов, часовня, на берегу у речки узенькая зеленая лужайка, — угрюмый пейзаж! Что же так радовало сердце, что приводило в восхищение? Эти чахлые березки и жидкая зелень у подножья горы?..

— Смотрите, смотрите — желтый песочек! А вон — баба идет. Ребята-то! Ребятенки белоголовые! Как жарко!..

Еще не отгремела якорная цепь, «Фоку» облепила флотилия шнёк, ёл, шлюпок, карбасов и гичек. Толпа бронзовых поморов веселым натиском взяла «Фоку» на приступ, — палуба наполнилась рослыми краснолицыми и бородатыми молодцами, веселые голоса закидали нас вопросами, совались в руки широкие, негнущиеся, просоленные ладони, гулко бухали по палубе тяжелые бахилы, осматривалась вся обстановка «Фоки» — со всей сворой собак, с ручными медведями. Охали над разрушенными каютами, над пустым без балласта трюмом и хаосом в спардеке, дивились наружной обшивке по борту «Фоки», превратившейся в мочало после двухлетней борьбы со льдами. Мы угостили желающих остатками тюле-

нього жаркого, мясными консервами и разведенным спиртом. Подходили шлюпка за шлюпкой.

На одной находились две дамы: жена помора и местного псаломщика. — Вот она, первая встреча с прекрасным полом!

Наши молодцы, закрутив усы до отказа, приготовились было встретить посетительниц особенно любезно. Дамы поднялись на борт и, подобрав платица, остановились. Войти на палубу они отказались, несмотря на самые настойчивые приглашения. Мы совершенно забыли, что борта пропитаны кровью, ворвань моржей и тюленей, которых свежевали наспех у мыса Флоры: свободного времени, чтоб привести корабль в приличный вид, еще не было. Нерешительность дам я понимаю вполне: к прибывшим предупредительно подскочили два самых галантных кавалера и протянули руки, помочь сойти. Я видел отчетливо, что руки любезников были явно грязны, а вид рваных, истертых до последней степени курток, надетых на молодых хулиганах, совершенно не вязался с их утонченно-кавалерскими манерами. Дамы, не вняв грубым голосам, привыкшим к окрикам собак и к проклятиям во время бурь, сконфуженно удалились.

К заходу солнца все мы в сопровождении стайки ребят ходили по берегу, по домикам обитателей становища, наперебой зазывавших к себе, на телеграф. Станция Рында за все время существования не передавала еще такого количества телеграмм. Начальник телеграфа и его помощник работали ключом аппарата день и ночь, разнося по всему миру весть, что пропавшая экспедиция вернулась без Седова. Мы слали вести родным и близким. Безжалостный аппарат не давал отдыха телеграфистам: как только передающие прерывали работу — тотчас же тянулась лента с сообщениями нам, с поздравлениями, с запросами телеграфных агентств и газет. Так длилось несколько дней, пока «Фока» стоял на рейде.

Под вечер мы сидели в чистенькой, уютной горнице Соболева и слушали новости мира. О сражениях миллионных армий, о городах, снесенных с лица земли, о боях аэропланов, о всем ужасе

борьбы людей с людьми, которая для нас, занятых всецело борьбой с природой, стала так далека и чужда. Совсем не укладывались в мозг цели войны. Легче воспринимались известия о завоеваниях людей в области науки и культуры. Мы слушали рассказы о телефонах, записывающих, слова собеседника, об успехах радиотелеграфа, о цветном кинематографе, об открытии новых земель к северу от мыса Челюскина...

Только голодавший или сидевший года в одиночном заключении может понять испытанное, когда мы, обложенные горами газет, втягивались в жизнь мира. Узнали о поздней популярности нашей экспедиции, — мы не забыты: в это лето три корабля отправились на помощь нам, Брусилову и Русанову⁷⁰. Нашлись средства снарядить поисковые экспедиции значительно богаче, чем некогда нас. Теперь «Фоку» ищут корабли, вооруженные радиотелеграфом, на их борту аэропланы. Отрываясь от газет, мы спрашивали Соболева о непонятном, о лицах известных всему миру, но имена которых мы прочитывали в первый раз. Разговор заводил опять в неизвестное и затягивался, а тут под рукой пачка газет еще так толста! — Так — от газет к расспросам — провели вечер. Когда поздней ночью мы располагались по-прежнему — вповалку на палубе «Фоки» — все жаловались на головную боль.

На следующий день в становище остановился почтовый пароход «Николай», идущий в Архангельск. Толпа заполняла все палубы: пассажиры узнали о нашем возвращении еще в Александровске. Громкое «ура» неслось в нашу честь с палуб, мостиков, из всех иллюминаторов. Мы ответили пушечным салютом и поднятием флагов. Наш капитан сейчас же отправился просить угля.

Угля на «Николае» оказалось в обрез; капитан мог предложить нам только пару тонн, чтоб избавить команду от тяжелого откачивания воды ручными помпами. Итак, «Фока» еще не мог двинуться в Архангельск. Четверо участников, ожидавшие встретить родных в Архангельске, решили проехать на «Николае»: «Фоке» не дойти до Архангельска раньше не-

дели. А за это время можно два раза прокатиться из Рынды в Архангельск и обратно.

Как много людей! Тысячи взглядов, приветственные крики. Это в нашу честь? — На нас смотрят слишком пристально!

Одежда не стесняла нас в рыбацьем поселке. Мы были в лучших своих одеяниях. У меня был припасен даже крахмальный воротничок. Правда, за два года он сильно пожелтел и посерел, но все же это настоящий крахмальный воротничок. Запонка куда-то затерялась — пришлось заменить ее ниточками — однако, воротничок держался! Я был в ботинках, в настоящих шевровых! Правда, ботинки чищены два года назад, — но кому пришло бы в голову, отправляясь на полюс, брать с собою ваксу?.. Подобно воротничку и ботинкам выглядели все остальные части костюма, но нам казалось, что одеяния вполне приличны; когда пред Рындой вышел на палубу первый, облачившийся в лучшее, все пришли в восторг.

Мы поднялись на верхнюю палубу «Николая», где пассажиры, гладко выбритые, и дамы, в тканях волшебной легкости, собрались поглазеть на нас. Выделилась отчетливая мысль: одеты мы грязно. Наши «приличные костюмы» измяты и прокопчены. На этом пароходе, сияющем чистотой, наше место не среди чистых людей на палубе и в классах, а разве только — в кочегарке. Капитан, очевидно, был другого мнения, — он встретил нас с почетом. Все каюты и салоны были переполнены — капитан уступил свое роскошное помещение из двух кают. Постояв недолго в салоне отдельной смущенной группой, мы при первой же возможности спрятались в отведенное помещение. Неужели отныне предстоит спать на таких же ослепительно-белых койках? Неужели — умываться душистым мылом из мраморных умывальников?

Через полчаса зазвонил гонг. В каюту вошел человек во фраке. Он не прогнал грязных бродяг из роскошной каюты, а вежливо предложил им пообедать за общим столом в салоне первого класса.

Сесть за стол с превосходно одетыми людьми, не пахнущими ворванью, как мы, а нежными духами и ароматным та-

баком! Сунуть за серый воротничок белоснежную салфетку? Сидеть, быть может, с дамами?

Человек во фраке разъяснил: если мы хотим, ужин можно заказать в каюту, но теперь приборы уже поставлены, нас ждут. Обед сегодня хорош. Мы были изрядно голодны. — Отказаться от обеда, состоящего, наверное, из блюд, о которых мечтали два года?

Наши места рядом с капитаном. Свежие огурцы и редиска, сливочное масло, яйца, салат — все это только на закуску!

Буфетчики, вероятно, косо посматривали на новых пассажиров: нам стоило не малого труда воздержаться, не высыпать на тарелки всех огурцов и редиски, а сливочное масло намазывать не гуще, чем другие, не наесться досыта одними сдобными пирожками. Мы были разочарованы одним: мясо люммов и кайр, даже медвежье, вкуснее говядины: она слишком пресна.

За столом мы немного оправились от первого смущенья. Всеобщая предупредительность отвлекла от мыслей о своих грязных костюмах. Но мы решительно предпочитали расспрашивать, чем по несколько раз рассказывать о пережитых приключениях. Спасти от вопросов, конечно, нельзя: из первого же становища полетели новые телеграммы корреспондентов о подробностях гибели Седова и о нашем плавании. Под вечер, почти совсем утратив полярное дикарство, мы говорили уже с людьми подолгу.

Ночью, стоя на палубе и следя за пенистой полосой у борта, я поймал себя на мысли: «Вот бы «Фоке» таким ходом...», и засмеялся. А недалеко у борта же один из наших рассказывал стройной девушке с русой косой о том, как тяжело одиночество в полярную ночь. Навстречу несся теплый ветер.

Спустя неделю «Фока» подходил на буксире к Архангельску. С набережных плыла встречная волна приветственных криков и музыки. С приспущенным флагом мы подошли к Соборной пристани и стали. Путь кончен.

Примечания

¹ Г. Я. Седов — сын рыбака-хуторянина из местечка Кривая Коса на берегу Азовского моря. Родители его были неграмотны, не хотели учить и сына. Только в 14 лет мальчик вымолил позволение посещать приходскую школу. По окончании школы (16-ти лет) он попал приказчиком в бакалейную лавку помещика Фролова. В темном углу, между мешками с товаром, проводил мальчик досуги. В это время, рассказывал Седов, он пристрастился к чтению, особенно к книгам о путешествиях. Из книг Седов узнал о величине мира, стал бредить заморскими странами. Когда исполнилось ему восемнадцать лет, Седов услышал от прохожего моряка, что есть в Ростове-на-Дону мореходные классы, там «можно доучиться до капитана». Скопив немного денег, Седов тайком от хозяина и родителей убежал из лавки. Где пешком, где прячась в товарном поезде, добрался юноша до Ростова, в короткий срок подготовился к вступительным экзаменам и поступил в мореходные классы. Полуголодным учился Седов весь первый год. Летом он нанялся матросом на пароход, плававший по Черному морю, и заработал денег на зиму. Так, зимой занимаясь, а по летам зарабатывая деньги на зиму, Седов блестяще окончил мореходные классы. Молодой «штурман» долго не мог найти работы. Когда пришел в Добровольный флот записываться на вакансию простого матроса, ему сказали: «Вы трехсотый кандидат». Наконец, нашлось место капитана маленького черноморского парохода. Дальше

перевозки керосина между Батумом и Новороссийском шли мечты Седова. Из первого же жалованья отложил он изрядную сумму на покупку книг: нужно учиться дальше. В 1900 году Седов поступил охотником во флот, через полтора месяца сдал экзамен на чин морского прапорщика и поехал в Петроград пробивать себе дорогу. После тяжелых хлопот Седову разрешено было держать экзамены за курс морского корпуса. В 1901 году Седов, произведенный в «поручики по адмиралтейству», был прикомандирован к Главному Гидрографическому Управлению и назначен в экспедицию Северного Ледовитого океана. Плавания в Ледовитом океане осуществили юношеские мечты, но полного удовлетворения не доставляли. Работать по казенным образцам кипучей натуре невесело: сделать больше — значит «выслуживаться», — косые взгляды, «выскачка». Удовлетвориться тем, что полагается, нет силы. Седов стал стремиться к самостоятельным путешествиям. После японской войны (во время ее Седов командовал миноноской в Николаевске-на-Амуре) представился случай по поручению Гидрографического Управления отправиться для исследования реки Колымы на дальнем северо-востоке Сибири. Это путешествие длилось около года. В следующем 1910 году Седов исследовал, снял на карту и сделал промеры Крестовой губы на Новой Земле. В 1912 году приступил к организации экспедиции к Северному полюсу. После окончания ее Седов предполагал начать в широких размерах исследование Сибирского побережья Ледовитого океана. Все, имевшие общение с Седовым, знают, что с его смертью Россия потеряла человека исключительной энергии, воли и недюжинных способностей, далеко не развернутых до конца. Печатные труды Седова: «Право женщин на море», Петербург, 1906; «Путешествие на Колыму в 1909 году», «Записки по гидрографии», 1917, т. ХLI, вып. 2-й.; «Экспедиция на Новую Землю», «Новое Время», февраль 1911 г.

² Главное встреченное Седовым препятствие — несочувствие военно-морских и официально — исследовательских

кругов — вылилось в форму постановления особой комиссии, рассматривавшей (по предложению морского министра) проект Седова. Комиссия нашла план «недостаточно обоснованным и продуманным»; «не имея личного опыта, Седов не ознакомился достаточно с опытом других экспедиций, оставшихся ему совершенно неизвестными». (Статья члена комиссии Л. Л. Брейтфуса «Очерк экспедиции к Северному полюсу Седова», «Записки по гидрографии», т. ХLI, кн. 1-я.) Следствием постановления комиссии был отказ Совета министров поддержать внесенный уже в государственную думу законопроект об отпуске 50 000 рублей на снаряжение экспедиции. Это же постановление сильно повлияло на ослабление притока пожертвований. Одно время предприятие Седова сделалось предлогом для сведения политических и междупартийных счетов, а отношение к Седову — мерилом политической правизны и левизны. Экспедиция не могла бы осуществиться, если б М. А. Суворин не открыл личного кредита. Все издержки на экспедицию равнялись 108 381 рублю.

³ «Святой мученик Фока» — деревянная океанская шхуна-барк с двумя мачтами и утлегарем. На фок-мачте установлена бочка для наблюдения за льдом. Судно приводилось в движение парусами и паровой машиной в 100 лошадиных сил. Размеры корабля: длина — 133 фута, ширина — 30 и углубление трюма 15 1/2 футов. Полная осадка в грузу 18 футов, водоизмещение 273 тонны. В кормовой части — жилая рубка с камбузом (кухней), 12 каютами и кают-компанией. Кубрик в носовой части на 20 человек. Грузовой трюм по бортам занят железными цистернами. Палубы две: верхняя и грузовая из съёмных люков. Построен «Фока» очень прочно. Все главные части корабля: киль, штевни, дейдвуд, привальные брусья и бимсы — дубовые, увеличенной против нормальной толщины. Набор почти сплошной. Обшивка в 4 ряда: внутренняя (дубовая) и три наружных, из которых верхняя, из дуба, местами утолщена (так называемая «ледяная обшивка»). Носовая и кормовая части корабля сильно укреплены дополнительными

бимсами и привальными брусьями. Кроме того, корма и нос, в защиту от ударов льдин, обиты полосовым и котельным железом. «Фока» построен в Норвегии в 1870 году для звериного промысла в Ледовитом океане. По конструкции принадлежит к типу судов «Заря» — экспедиции Толля, «Вега» — экспедиции Норденшёльда и «Стелла Поларе» — экспедиции Абурицкого».

⁴ Существенным пробелом снаряжения, повлиявшим на конечную судьбу экспедиции, было отсутствие радиотелеграфа. Морское министерство за две недели до отплытия откомандировало приглашенного Седовым радиотелеграфиста. В короткий срок до ухода Седов не мог подыскать нужного специалиста, все аппараты пришлось оставить в Архангельске.

⁵ Числа месяцев во всей книге (исключая оговоренных) по старому стилю.

⁶ П. Кушаков никогда не был «помощником начальника экспедиции», о чем в предисловии к отрывку из дневника Кушакова повествует Л. Л. Брейтфус («Записки по гидрографии», т. XLII, кн. 1-я). Седов, выросший на море, не мог пригласить ветеринарного врача, не бывавшего на севере и моря не видавшего, на место помощника начальника морской экспедиции; было бы бессмыслицей даже на минуту вручить судьбу корабля и людей такому лицу. Несмотря на горячее желание Кушакова встать во главе экспедиции хоть ненадолго, Седов, отправляясь в кратковременные экскурсии и в большое путешествие к мысу Желания, передавал управление экспедицией не Кушакову, а моряку, капитану Захарову. И даже через два года, перед походом к полюсу, Седов, уступая настойчивым просьбам Кушакова, оставил его своим заместителем лишь с оговорками. Все руководство научными работами было поручено В. Ю. Визе, а командование кораблем Н. М. Сахарову.

⁷ Парусная оснастка «Фоки» состояла из нижних: большого триселя, бизань-паруса; двух верхних — топселей, косо-

го штормового стакселя, кливера, бом-кливера и летучего кливера. Бизань-парус — нижний на задней бизань-мачте. Кливера — косые паруса на передней наклонной мачте — «ут-легаре».

Фал — канат, поднимающий парус:

⁸ При спешном наборе команды по требуемому портовыми властями комплекту несколько матросов оказались больными и лишними. Седов списал в Крестовой губе всех лишних людей.

⁹ Айсберги — обломки ледникового пресноводного льда. Среди плавающего и смерзшегося льда легко различаются: «айсберги» или «ледяные горы» — обломки пресноводного льда, оторвавшиеся от береговых ледников; «торосы» — горы, образовавшиеся при столкновении ледяных полей; «ропаки» — нагромождения мелкого, еще не уравненного снегом морского льда; «стамухи» — обмелевшие глыбы.

По возрасту и образованию при небольшом опыте легко различаются: «блинчатый лед» — образующийся в открытом море; «солончак» — молодой, покрытый кристаллами солей; «фиордовый лед» или «ровнушка» — поля, образовавшиеся в спокойных заливах и проливах; «торосистый однолетний» и «торосистый многолетний» лед и, наконец, «припай» — прибрежный лед.

¹⁰ Вильям Баренц — знаменитый голландский мореплаватель шестнадцатого века, упорно отыскивавший северо-восточный путь в Китай и Индию. Баренц совершил три плавания по Баренцеву и Карскому морям. Во время последнего плавания в 1596 году Баренц совместно с Гемскерком и Рийпом открыл Медвежий остров и Шпицберген. В то же лето корабль Баренца был затерт льдами в «Ледяной Гавани» на северо-восточном берегу Новой Земли. При возвращении на родину в лодках Баренц умер поблизости мыса Ледяного 20 июня 1597 года. Баренц составил первую карту Новой Земли. Подробный отчет о путешествии Баренца в изложении его спутника Геррит-де-Вера приведен в труде Свенске «Новая

Земля в географическом и естественно-историческом и промышленном отношениях», Петербург, 1866 г.

¹¹ Одна из ветвей Гольфстрима была нами обнаружена в 1914 году вблизи Земли Франца-Иосифа, милях в 50 к югу от мыса Гранта.

¹² Австрийская экспедиция Пайера и Вейпрехта (1872—1874) поставила целью исследование неизвестной области к северу от берегов Сибири и прохода северо-восточным путем в Берингов пролив. План экспедиции был основан на гипотезе известного географа Петермана о существовании открытого полярного моря у северо-восточных берегов Новой Земли и за островом Врангеля. Корабль австрийской экспедиции «Тегетгоф» был затерт льдами недалеко от мыса Нассау на Новой Земле, а через год дрейфом льда был принесен к неизвестной земле, названной Пайером Землю Франца-Иосифа. Пайер исследовал юго-восточную часть островов Земли Франца-Иосифа и, пройдя по каналу «Австрия», дошел до северной оконечности о. Рудольфа. Пайер с мыса Флигели видел на севере отдаленную землю «Землю Петермана» (по позднейшим исследованиям, ее не оказалось.) В мае 1874 года австрийцы покинули «Тегетгоф» и направились в шлюпках к югу. После 96-дневного перехода им удалось освободиться из льда под $77^{\circ}40'$ и достичь Новой Земли. Плывля вдоль южных берегов ее, австрийцы встретили русские промысловые суда. Помор Воронин подобрал экспедицию и доставил ее в Вардэ.

¹³ Состояние льда в Баренцевом и Карском морях летом 1912 года было на редкость тяжелым. По данным датского метеорологического института, составляющего ежегодные сводки донесений о встрече со льдами, Баренцево море в августе 1912 года было покрыто льдами на 945 000 кв. километров — это наибольшая площадь занятого льдами моря за 20 лет.

¹⁴ Пролив назван Седовым в честь известного исследователя Новой Земли. Пахтусов с ничтожными средствами и с малым количеством помощников исполнил громадную рабо-

ту. Первую экспедицию Пахтусов предпринял в 1832 — 33 году. Перезимовав в устье р. Каменки, Пахтусов исследовал и снял на карту восточный берег южного острова Новой Земли. Вторая экспедиция — на правительственные средства — состоялась в 1834—35 годах. На этот раз Пахтусов зимовал в Маточкином Шаре. Весной он отправился на большой шлюпке вдоль засадного берега. Во время этого путешествия лед раздавил суденышко как раз около острова Берха. Возвратившись в Маточкин Шар на судне помора Еремина, неутомимый путешественник отправился к с.-в. берегам и положил их на карту до 74 градуса с. ш. Вернувшись в том же году в Архангельск, от понесенных трудов и лишений Пахтусов заболел и умер 7 ноября 1835 года.

¹⁵ «Бакан» — охранный судно — в 1910 году, выйдя на поиски становищ норвежских промышленников, самовольно поселившихся на Новой Земле, осмотрел Крестовую и Южную Сульменава губы, группу Горбовых и пролив между Панкратьевыми островами. От Горбовых островов «Бакан» прошел прямым рейсом к мысу Ледяному. Вблизи Оранских островов встретился лед, почти прилегавший к мысу Желания. Не имея возможности форсировать его, «Бакан» повернул на юг и, запасшись пресной водой в Крестовой губе, вернулся в Архангельск.

¹⁶ Глубины по всей книге показаны в морских саженях шестифутовой меры.

¹⁷ «Ганза» — одно из судов второй германской экспедиции 1869 года, было затерто льдами недалеко от берегов Гренландии в широте 71°. Вскоре после начала зимовки «Ганза» была раздавлена напором льда и через несколько дней затонула. Участники экспедиции, 14 человек, еще заранее успели сгрузить на ледяное поле шлюпки, часть провизии, топливо и инструменты. Построив из обломков судна хижину, путешественники, несмотря на то, что увлекаемое к югу течением, идущим вдоль берега Гренландии, ледяное поле непрерывно уменьшалось, жили довольно спокойно

до января. В половине этого месяца льдина, к этому времени уменьшившаяся до размера 200 шагов в окружности, внезапно во время шторма раскололась под самой хижинкой. Пришлось искать спасения в шлюпках. Люди пытались направиться к берегу, но льды опять сомкнулись, пришлось снова устраиваться на плавучем льду. Происшествие случилось на 66 градусе. К 7 мая течение донесло льдину до южной оконечности Гренландии. Здесь, под 61 градусом, против миссионерской станции Фридрихсталь, экипаж «Ганзы» высадился на берег.

¹⁸ Плавник — плавной лес, носящийся по морю и выбрасываемый на берега. В некоторых местах Новой Земли и особенно на берегах Сибири в течение столетий скопились огромные залежи плавника, часто они покрывают всю прибрежную полосу. В Сибири плавник носит название «ноевщина», «адамовщина». Большинство промысловых избушек на Новой Земле, начиная со времен новгородцев, строены из бревен, выброшенных морем. В более теплых странах из-за быстрого гниения, естественно, невозможны такие скопления дерева. В здешних же условиях холода и почти полного отсутствия гнилостных бактерий процесс гниения происходит крайне медленно или не происходит совсем, тогда дерево окаменеет или превращается в каменный уголь. На береговых линиях, в глубине Крестовой губы, я обнаружил в 1910 году скопления плавника далеко от берега, на значительной высоте в сравнении с теперешним уровнем моря. Плавник лежал на береговых террасах, образовавшихся путем поднятия острова. Даже в расстоянии от теперешнего уреза воды больше полукилометра я находил куски дерева, почерневшего, затвердевшего и очень тяжелого.

¹⁹ Гуго Виллоуби командовал одним из английских кораблей, снаряженных в 1563 году «Обществом купцов-искателей приключений для открытия новых земель, островов и держав». Один из кораблей под командой Ченселлера пришел в Архангельск. Ченселлер посетил Москву и был принят Иваном Грозным. Это свидание послужило началу тор-

говых сношений между Россией и Англией. Виллоуби же доплыл до Новой Земли, но не мог подойти к берегу из-за скопления льдов. Повернув по направлению Мурманского берега, Виллоуби ввел корабли в устье речки Варсиной и зимовал. На следующий год русские промышленники, приехавшие для промысла трески, нашли два корабля с трупами: Виллоуби и его спутники — числом 64 — погибли от холода и цинги.

²⁰ Американская экспедиция Балдвин-Циглера посетила Землю Франца-Иосифа в 1901 году и зимовала на острове Альджер. Несогласия между Балдвином и командиром судна Иогансенем заставили экспедицию летом 1902 года вернуться в Норвегию.

²¹ Кэн (умер в 1857 г.) — американский полярный путешественник, один из отправившихся на поиски погибшей английской экспедиции Франклина (в североамериканском архипелаге).

²² Врангель — выдающийся русский путешественник, в течение трех лет (1820—1823) исследовал берега Ледовитого океана от реки Колымы до острова Колючина.

²³ Прончищев — один из участников «Великой Северной Экспедиции» (с 1734 по 1749 год), исследовал берега Сибири от устья реки Оленека до залива св. Фаддея. Прончищев скончался от цинги вместе с сопутствовавшей ему женой.

²⁴ Харитон и Дмитрий Лаптевы — работники Великой Северной Экспедиции. Харитон Лаптев обошел Таймырские полуостров и остров. Дмитрий Лаптев в течение семи лет исследовал сибирский берег от устья р. Лены до мыса Баранова. Открыл Медвежьи острова.

²⁵ Челюскин — спутник Харитона Лаптева и Прончищева — первый обогнул северную оконечность Азии и исследовал побережье Ледовитого океана на восток от устья Енисея.

²⁶ Циволька — сподвижник второй экспедиции Пахтусова в 1837 году, стоял во главе правительственной экспедиции на Новую Землю, умер в зимовье в Мелкой губе.

²⁷ Благодаря большой спешке при снаряжении экспедиции, а также упущению исполняющего обязанности врача экспедиции Кушакова, провизия, принимаемая на «Фоку», не подвергалась исследованию, а осматривалось лишь поверхностно и небрежно. По этой причине впоследствии, кроме некоторых (не особенно существенных) недостатков в весе и качестве продуктов, оказалось, что принятые солонина и треска поставлены самого низшего качества. Большую часть их пришлось выбросить за борт.

²⁸ Гуриями называют на севере груды камней, складываемые для опознавания местности. Складывавшиеся нами гурии обычно делались в виде закругленного конуса, в вершину которого иногда вставлялось бревно или крест.

²⁹ Нужно сказать, что во время первых экскурсий мы изрядно мерзли, уверяя, впрочем, друг друга, что чувствуем себя прекрасно. Особенно неприятна влажность рукавиц и носков, даже опасна; мы не могли бороться с нею, не имея палатки и огня. Впоследствии мы никогда не допускали оледенения перчаток и носков, — брали всегда запас в несколько пар и всегда высушивали на примусе отсыревшие варежки и носки, пока варился обед. С оледенением верхней одежды путешественнику, живущему на морозе неделями, приходится отчасти мириться.

Впрочем, мы никогда не упускали случая поддержать верхнюю одежду и спальные мешки на солнце во время дневков, — при таком уходе за одеждой влага не скопляется в чрезмерных количествах. В этот раз, чтоб не отморозить рук и приобрести некоторый запас тепла для оттаивания льда в рукавицах, нам приходилось отогревать руки, прикладывая их к голому телу.

³⁰ Борьба с тонко раздробленной, всюду проникающей снежной пылью очень трудна. Единственным не обесценивающим наблюдения средством была своевременная замена засоренного инструмента запасным и постоянная основательная чистка будки. Поэтому самопишущие инструменты осматривались каждые два часа. Перемена лент самопишущих приборов еще возможна в тихую морозную погоду (вносить инструмент в теплое помещение нельзя: все металлические части отпотевают). При сильном ветре и бурях, когда наблюдатель еле держится на ногах, конечно, переменить ленту невозможно. Для перемены лент вблизи нашей станции всегда ставился снежный домик, в котором и производились все манипуляции с инструментами.

³¹ В первое время для наблюдения высоты приливов я установил на льду футшток типа Пири (точнее Вергоева). Такой оказался неточным свыше всякой меры: он показывал не уровень воды, а высоту поверхности льда по отношению ко дну, а это, как показала практика, совсем не одно и то же: поднятие льда начиналось значительно позже начала прилива, а колебания уровня льда оказались значительно меньшими, чем воды. Нам пришлось перенести футшток к мелкому месту у самого берега. Там мы просто измеряли высоту воды в проруби. Рейка становилась точно в одно и то же место у постоянной свайки, забитой в дно и имевшей скобы для вставления рейки. Защитой проруби от замерзания служил ящик с отверстием для сваи. И ящик и прорубь были помещены внутри снежного дома, укрывавшего их от заносов.

³² Мыс Обсерватория у Бухты св. Фоки, по определениям Седова, лежит под $76^{\circ}00'07''$ сев. шир. и $59^{\circ}55'04''$ вост. долг. от Гринвича.

³³ Литке — русский мореплаватель, совершивший на бриге «Новая Земля» четырехкратное плавание к берегам Мурмана и Новой Земли (1821—1824). Литке составил довольно

подробное описание берегов Новой Земли от Карских Ворот до мыса Нассау.

³⁴ В Поморье местами до сих пор употребляются древне-русские названия румбов и ветров. Северный ветер зовется «сиверко», северо-восточный — «полунощник», восточный — «всток», юго-восточный — «обедник», южный — «летник, лето», юго-западный — «шалонник». Западный — «запад». Промежуточный ветер — «стрик».

Поморы говорят: «стрик лета обедник», т. е. юго-юго-восток.

³⁵ Норденшёльд — известный шведский путешественник, первый прошедший на «Веге» из Атлантического в Великий океан северо-восточным путем мимо мыса Челюскина (1878—1879 г.). Норденшёльду же вместе с Виггинсом и русскими купцами Сидоровым и Сибиряковым принадлежит честь разрушения легенды о непроходимости Карского моря.

³⁶ Известный английский путешественник Джон Франклин (1786—1847), исследовавший берега Северной Америки. Франклин погиб со всей большой экспедицией для отыскания северо-западного прохода. Отсутствие вестей о Франклине в течение нескольких лет побудило английское правительство заняться поисками Франклина и его 138 спутников. На поиски было истрачено около 10 миллионов рублей. В поисках приняли участие и частные лица. В истории исследования полярных стран эпоха поисков Франклина занимает видное место. Попутно с поисками Мак-Клюром был открыт северо-западный проход и исследована большая часть северных берегов Америки с прилегающими к ней островами.

³⁷ В своей книге «A Thousand days in the Arctic» Джексон приводит статью профессора В. Гарлея, посвященную исследованию причин заболеваний цингой. Гарлей думает, что главной причиной нарушения правильности питания орга-

низма при цинге является отравление его птомаинами. В подтверждение своего взгляда Гарлей приводит результаты опытов, произведенных в его лаборатории при Лондонском университете. Группа обезьян была посажена на диету вареного риса и кукурузы. Обнаружив, что в течение времени животные остаются вполне здоровыми, Гарлей стал некоторым прибавлять в рис немного свежего мяса, а другим мяса, постоявшего в лаборатории несколько дней, пока оно не тронется гниением, но не до такой степени, чтоб исходил запах. В то время как одна группа обезьян, питавшихся только одними рисом и кукурузой, а также другая группа питавшихся кукурузой и рисом с прибавлением свежего мяса — оставались вполне здоровыми и не теряли веса, животные третьей группы, получавшие рис и кукурузу с попорченным мясом, заболели. Болезнь напоминала цингу: общая слабость и истощение, кровоточащие, размягченные десны и кровавый понос. Характерного признака цинги у человека — пятен на конечностях — не замечалось.

³⁸ Группа Горбовых и Крестовых островов, по моему впечатлению, одно из лучших мест для звериного промысла на западном побережье Новой Земли. За время моих многочисленных посещений Южно-Крестовых и Панкратьева островов я всегда, начиная с марта, видел лежащих на льду тюленей, один раз моржа и множество медвежьих и песцовых следов. Два раза бывшие со мной собаки ловили песца. Развалины древних охотничьих становищ я находил всюду: на о-ве Берха, на Б. Заячьем, на о. Личутина. На берегу Панкратьева полуострова я однажды набрел на выложенный камнями круг — следы стоявшего здесь некогда чума (меховая самоедская палатка). Кругом валялась изгрызенные песцами тюленьи кости и медвежьи черепа.

³⁹ После нашей экспедиции можно считать установленным, что дикий северный олень водится на Карской стороне Новой Земли до самого мыса Желания. Там Седов нашел оленьи кости и рога. На западной стороне острова за весь год мы не видели ни оленей, ни их следов. Только Павлов нашел

в прибрежных горах оленье копыто, по-видимому, очень старое. Можно думать, что на западной стороне олени вообще не живут, так как топографические условия местности, в большей части занятой льдом, не благоприятствуют растительности.

⁴⁰ Визе определил астрономически место выхода к Карскому морю (залив Власьева): по предварительным вычислениям — $75^{\circ}26'11''$ с. ш., $62^{\circ}07'44''$ в. д. Место астрономического пункта отмечено гурием с крестом, на кресте надпись: «Экспедиция Седова».

⁴¹ Наибольшие скопления плавника во всем районе Горбовых, Крестовых и Панкратьевых островов находятся на северной стороне Панкратьева острова. Предполагалось использовать эти залежи плавника для топлива котлов «Фоки». Большое количество дров было заготовлено нами и сложено в поленницы недалеко от большого знака, поставленного экспедицией. Впоследствии обстоятельства сложились неблагоприятно: воспользоваться этими запасами дерева нам не пришлось.

⁴² Северо-западный берег острова Берха весь изъеден пещерами и гротами, образовавшимися путем размыва морским прибоем сланцев пермско-каменноугольной формации, составленных почти из одних органических остатков. Самая большая пещера лежит на ю.-з. от мыса Крушения. Пещера-тоннель, тянущаяся с с.-в. на ю.-з. (магнитные) длиной 110—120 метров. Высота пещеры метров 12-15 (дно залито небольшим ледничком). Пещера прорезает береговой обрыв под общим уклоном в 45° и верхним отверстием выходит на высокое плато острова. Верхнее отверстие частью занято обрывом ледничка, образованного постоянным скоплением снега в яме при входе в пещеру. Валообразный ледник (или снежник) на дне пещеры тянется во всю длину ее. Поверхность ледника очень тверда. При осмотре и съемке пещеры мне пришлось терпеливо выбивать киркой ступеньку за ступенькой. Осмотр пещеры летом, по всем признакам,

возможен только через верхнее отверстие, малодоступное зимой.

⁴³ На мысе Крушения мною поставлен большой мореходный знак.

⁴⁴ Мыс Виссингер-Гофт на старых картах именуется более правильно «Флиссингер-Гофт».

⁴⁵ Седовым произведены астрономические определения пяти пунктов. По предварительным вычислениям —

Мыс Литке (на острове Баренца) — широта: $76^{\circ}15'10''$, долгота, восточная (от Гринвича) — $60^{\circ}51'04'',5$. Магнитные элементы: склонение $+ 22^{\circ}23' 00''$, наклонение — $81^{\circ}25',5$, напряжение — 222.0 дефл. единиц.

Мыс Утешения: широта $76^{\circ}15'08''$, восточная долгота — $62^{\circ}35' 49'',5$. Магнитные элементы: склонение $+ 25^{\circ}9' 30''$, наклонение — $81^{\circ}35'3$.

Гора Астрономическая (в заливе Иностранцева): широта — $76^{\circ}30'47''$, долгота — $66^{\circ}57'49'',5$. Магн. элементы: склонение $+ 24^{\circ}18' 00''$, наклонение — $82^{\circ}8'0$.

Мыс Желания: широта — $76^{\circ}56'27''$, восточная долгота — $68^{\circ}28'04'',5$. Магн. элементы: склонение — $24^{\circ}66'00''$, наклонение — $82^{\circ}26' 0$.

⁴⁶ За все время своего путешествия к мысу Желания Г. Я. Седов вел подробный дневник. Ограничиваясь здесь кратким, со слов Седова, описанием его путешествия, я выражаю надежду, что со временем дневник будет напечатан полностью и даст более яркую картину этого замечательного путешествия и природы северного берега Новой Земли.

⁴⁷ Розовый или красный снег — снег, покрытый особого вида микроскопическими водорослями — диатомеями.

⁴⁸ Большинство убитых нами тюленей относится к виду — полярная нерпа (*Fhoka foetida*). Попадалась и обыкновенная нерпа (*Fhoka vitulina*). Тевяков и гренландского тюленя

мы в окрестностях бухты Фоки не видали. Один раз был убит морской заяц (*Erignathus barbatus*). Обилие тюленей в проливах и заливах около Горбовых и Панкратьевых островов заставляет предполагать, что воды эти богаты рыбой. Мы пробовали в июле два раза закидывать невод, но не поймали ни одной рыбы. Но позднее, в двадцатых числах августа, под корой молодого льда образовавшейся в пресноводных озерах на льду, было замечено большое количество молодых наваг.

⁴⁹ По рассказам русских промышленников, и на тюленей, лежащих на льду, медведи охотятся способом, похожим на виденный нами: медведь подкрадывается к тюленям, пользуясь прикрытием торосов и складок снежной пелены. Когда расстояние сократится и приходится ползти уже по открытому месту, зверь расплывается на брюхе, закрывая лапой предательски черную морду. Охотник подбирается в то время, как чуткий тюлень, опустив голову, засыпает. Промышленники говорят, что медведь может красться целыми днями, пока не приблизится на расстояние прыжка. Тюлень, видя желтоватый свернувшийся клубок, предполагает, что пред ним льдина. Если тюлень не особенно велик, медведь съедает его за один раз. Если добыча при всем старании не помещается в желудок, зверь остается около нее, пока не доест.

⁵⁰ Капитан Захаров прибыл не в Крестовую губу, как предполагалось, а в Маточкин Шар; Захаров не опознал Крестовой губы и проплыл мимо. После недолгого ожидания капитан на втором, последнем пароходе был доставлен в Архангельск. Ввиду позднего приезда Захарова, главная цель его путешествия — сообщение сведения о месте стоянки «Фоки» для своевременной присылки угля, не осуществилась. Самым важным последствием вести об экспедиции была посылка морским министерством трех кораблей для помощи нам и на розыски ушедших одновременно экспедиций Русанова и Брусилова. Во время плавания Захарова на юг из-за чрезмерной экономии провианта, имевшегося в избытке, и нежелания За-

харова заняться добычей свежего мяса, Катарин, Томиссар и Зандер заболели цингой, от последствий которой М. Зандер и Катарин умерли.

⁵¹ В норвежской избушке на острове Заячьем нами оставлено: сухарей — 4 ящика, масла 6 кг, сахару 8 кг., чаю 2,5 кг., кофе 1 кг., 2 винтовки и к ним 300 патронов.

⁵² Как и в 1912 году, около Горбовых островов и дальше на север лед держался на некотором расстоянии от берега, образуя вдоль него канал, немного суживающийся к северу и югу. На широте острова Вильяма ширина канала была 20 миль, а вблизи полуострова Адмиралтейства лед примыкал к самому берегу.

⁵³ При выходе из бухты св. Фоки на корабле имелось каменного угля немногим менее 20 тонн.

⁵⁴ Фредерик Джексон отправился в 1894 году из Англии, на средства Хармеворта, для достижения северного полюса. План достижения полюса, основанный на доверии Джексона ошибочному предположению Пайера о далеком протяжении этой земли на север, не был приведен в исполнение. Джексон предполагал достичь своей цели путем последовательного устройства складов провианта для людей и низкорослых манчжурских лошадок, хорошо переносящих холод. Джексону удалось устроить несколько складов по пути к северу, однако, скоро выяснилось, что Земля Франца-Иосифа не что иное, как архипелаг островов, не простирающихся дальше 82 градуса с. ш. Научные заслуги Джексона — в подробном исследовании южной и западной части островов Земли Франца-Иосифа. Джексон прожил на мысе Флоры три года, поддерживая связь с Англией при посредстве парохода «Уиндворт». В 1896 году «Уиндворт» отвез в Норвегию Фритьофа Нансена, нашедшего приют и пищу на мысе Флоры после сказочного путешествия по плавучим льдам к полюсу и бедствий, перенесенных во время зимовки в землянке на о. Джексона.

⁵⁵ Американская экспедиция Уэлмана зимовала на Земле Франца-Иосифа в 1898 году. Уэлман исследовал ее восточные острова.

⁵⁶ Американская экспедиция Циглер — Фиала, имевшая целью достижение полюса, — одно из самых крупных и богатых предприятий этого рода. Экспедиция отправилась из Архангельска в 1903 году. В том же году зимовавшее у северного острова Земли Франца-Иосифа, судно экспедиции «Америка» было унесено ураганом в море. Перезимовав на берегу, большая часть участников экспедиции ранней весной отправилась к мысу Флоры. Там провели лето и следующую зиму в бедственном положении. В июле следующего 1905 года посланное Циглером судно «Терра Нова» подобрало на мысах Флоры и Диллон всех участников экспедиции и доставило в Америку.

⁵⁷ Адмирал Макаров посетил Землю Франца-Иосифа во время пробного рейса ледокола «Ермак».

⁵⁸ Итальянская экспедиция герцога Абрुццкого вышла в 1899 году из Архангельска. Судно Абрुццкого «Стелла Поляре» зимовало в Теплиц-Бай на Земле Рудольфа — самом северном острове Земли Франца-Иосифа. Весной 1900 года вместо отморожившего руку Абрुццкого попытку дойти до северного полюса сделал лейтенант Каньи и достиг $86^{\circ}34'$ с. ш.

⁵⁹ В. Ю. Визе вычислил соотношение площади льда и свободной от него земли на некоторых островах Земли Франца-Иосифа. Для острова Хукера это соотношение таково: материковый лед 87,9% общей площади острова, свободные мысы и горы — 12,1%.

⁶⁰ Снежник в полукилометре расстояния от «Фоки» имел вид настоящего ледника. На поверхности его встречались трещины, в береговом обрыве ясны годовые слои. Последовательное уплотнение снежных слоев и превращение их в фирн и лед выражены наглядно, особенно в нижних

слоях. Морен нет. Ясно выраженные морены на острове Хукера вообще встречаются очень редко, их можно видеть только в местах, где береговой лед скатывается по крутому уклону. Такой ледничок — просто скопление снега, наметаемого по зимам на крутой каменистый откос острова. Одной ложиной ледник соединяется с гигантским куполообразным щитом льда, закрывшим верхнее плато острова. Если бы отбросить явное несоответствие площади, занятой этим ледничком, с площадью нити, связавшей его с ледяным покровом острова, можно бы прийти к заключению, что этот ледник питается общей массой льда на вершине острова. Мы называли такой тип снежника «зачаточным ледником».

⁶¹ Свердруп в отчете о норвежской гренландской экспедиции, описывая жизнь белого медведя, указывает, что никто не встречал беременных медведиц иначе, как весной в берлоге, незадолго перед родами. Многочисленные рассказы о жизни белых медведей, слышанные мною от русских промышленников на Новой Земле, вполне совпадали с описаниями Свердрупа. Тем интереснее находка беременной медведицы осенью в берлоге. По всем признакам, медведица залегла не позже конца августа (снег, покрывавший берлогу, был розоват и особенно плотен, такую плотность снег приобретает только будучи смочен дождем или в морозы после нескольких оттепелей). Факт, на который указывает Свердруп, легко объясняется, если сделать предположение, что все самки, почувствовав беременность, ложатся под откос берега, где всегда скопляется много снега. (Все девять виденных мною берлог были в таких местах.) Вырытая яма быстро заносится толстым слоем снега, предохраняющим самку от нежелательных посетителей. Только благодаря исключительному чутью одной из наших собак, Разбойника, была открыта берлога. Припоминая обстоятельства, при которых Седов нашел берлогу с мертвой медведицей, отысканной тем же Разбойником, — можно заключить, что и та медведица залегла с осени. За зиму намело такой толстый слой снега, что

выбраться обессиленной родами медведице оказалось не по силам. Возможно, впрочем, допустить, что матери, но недостаточно упитанные медведицы выходят из берлог на добычу. (Джексон указывает на один случай, когда была убита беременная медведица в конце ноября недалеко от открытой воды.) Этот факт не противоречит предположению, что беременные самки с осени устраивают берлоги в местах, наиболее заносимых снегом и наименее посещаемых своими сородичами. Жизнь на севере жестока. Несколько раз я наблюдал бегство молодых медведей от могучих старых самцов. В середине же зимы, когда большинство медведей голодает, встреча отяжелевшей, всегда более слабой самки должна иметь исход не сантиментальный, а вредный для сохранения рода. Два известных мне факта напрашиваются на обобщение тем более, что целесообразность ухода медведицы в покойное и безопасное логовище несомненна.

⁶² В письме, переданном Седову перед уходом, я, предостерегая от легкого отношения к болезни и доверия диагнозу Кушакова, просил Г. Я. отложить свое путешествие до выздоровления.

⁶³ Лей-Смит, английский мореплаватель, открывший западную часть Земли Франца-Иосифа, названную Смитом «Земля Александра». Во время вторичного посещения вновь открытых земель в 1881 году судно Лей-Смита «Эйра» потерпело крушение от напора льдов вблизи мыса Флоры. Переживав в хижине, построенной из обломков парохода, Лей-Смит весной следующего 1882 года поплыл со спутниками к Новой Земле в шлюпках и при помощи русских промышленников, встреченных там, вернулся на родину.

⁶⁴ Всех *Uria*, живущих в южной части Ледовитого океана, поморы и мезенцы называют гагарками. Среди нас само собой привилось для кайр Брюнниха английское название «люммы» или «люмсы». Я оставил в книге это название, тем более что оно звукоподражательно.

⁶⁵ За недостатком места я не могу более подробно остановиться на санных путешествиях Визе и его тщательном и точном описании группы островов вблизи нашей зимовки к востоку от о. Хукера. Точно так же из-за технических причин временного характера нельзя приложить здесь картографических работ нашей экспедиции на Земле Франца-Иосифа. Более подробные описания санных путешествий В. Ю. Визе на Земле Франца-Иосифа напечатаны в «Известиях архангельского общества изучения русского севера» за 1918 год, март-июль, №№ 3, 4, 5, 6 и 7 (статья В. Ю. Визе «Год на Земле Франца-Иосифа»).

⁶⁶ Течения в проливах между островами Земли Франца-Иосифа очень стремительны. По движениям айсберга «Бродяги» мы скоро составили понятие о силе течений, но уловить направление их не представлялось возможным даже приблизительно. Течения эти вызываются приливо-отливными волнами, причудливо отраженными извилистым берегом. Мы могли предсказать, когда произойдет смена приливо-отливной волны, но никак не указать, куда направятся главные и боковые струи, ни времени, когда те и другие столкнутся с тем же течением, обошедшим остров с другой стороны. Весь год айсберг «Бродяга» — указатель главной составляющей этих течений — перемещался с места на место, совершенно не согласуясь с предсказаниями. При одной и той же высоте приливной волны он то подходил к самому судну, то к Рубини-Року, то к о. Скотт-Кельти, то исчезал, огибая северный мыс о-ва Хукера, и снова проявлялся в моменты самые неожиданные. К сожалению, мы поздно обратили внимание на этот айсберг: движение его, графически нанесенное на карту вместе с указаниями футштока и направлением-силою ветра, внесло бы, вероятно, некоторую ясность в вопрос: какую роль играет столкновение приходящей с севера приливной волны с волной Баренцева моря в общем состоянии льдов архипелага. Этот вопрос заслуживает тщательнейшего изучения: вскрытие проливов и каналов, доступных нашему наблюдению, происходило главным образом под влиянием силь-

ных течений. Ветры ломали уже разъединенный лед. Можно сказать предположительно, что и открытое море у северо-западной части архипелага, виденное в продолжение почти круглого года всеми бывшими здесь исследователями, обязано происхождением встрече течений в конце Британского канала. Подробное исследование запутанной сети течений должно объяснить парадоксальность существования открытого моря на 82° с. ш. в течение почти круглого года. Это открытое море вносит резкие изменения в климат страны и, конечно, и в общих колебаниях атмосферы северного полушария не проходит без следа.

⁶⁷ Из птиц, убитых 8-го июня, две кайры (*Uria mandti*) оказались в необыкновенном оперении: спинки были покрыты светлыми пятнышками. Одна птичка казалась совершенно серой даже издали. У той и другой на белой части крыльев темные крапинки. Несколько таких кайр и маленьких нырочков (*Mergulus allae*) были убиты мной в начале марта 1914 г. Тогда я полагал, что пеструю одежду кайры (и, может быть, нырочки) носят зимой. Но уже в то время отметил, что процент птиц в таком оперении совсем ничтожен. Джексон, описывая кайр, указывает, что часть птиц он видел в «зимнем оперении». В противовес умозаключению Джексона, нужно отметить, что из нескольких сотен кайр, убитых на Новой Земле, в очень раннее время (апрель), я не видел ни одной в подобном оперении. На земле Франца-Иосифа количество кайр в пестром оперении не превышало одного процента. К тому следует еще добавить, что необычное оперение всегда обращало внимание охотников: они старались убить такой экземпляр. Подобный же процент ненормального оперения встречался и среди маленьких нырочков, а их было убито в марте около 1 000 штук. Среди всего количества только четыре оказались в пестром оперении. Невероятно предположить, что зимнее оперение кайр сохраняется так долго. (Еще один экземпляр был убит мною 4 июля.) Правильней, думается, предположить частичный альбинизм, особенно понятный здесь, в стране белого. За это говорит и большое разнооб-

разие в оперении убитых и препарированных мною экземпляров: среди них нет двух схожих.

⁶⁸ Шхуна «Св. Анна» вместе с оставшимися на ней пропала без вести. В 1916 году Главное Гидрографическое Управление снарядило экспедицию на розыски Брусилова, она отправилась на шхунах «Андромеда» и «Герта». Во главе экспедиции стоял доктор Коган. «Андромеда» не могла пробиться к Земле Франца-Иосифа, которую предполагалось подробно осмотреть, а Коган на «Герте», обойдя западный и часть северного берега Шпицбергена и не найдя там следов «Анны», счел необходимым вернуться. После этой слабой попытки «Св. Анна» была предоставлена собственной участи.

Альбанов написал книгу, очень подробно и жизненно рисующую его страшное путешествие. Книга вышла отдельным изданием в виде «Приложения к 41 тому Записок по гидрографии» под названием: «На юг к Земле Франца-Иосифа», Петроград, 1917 г. В виде приложения же к «Запискам по гидрографии» вышло и общее описание экспедиции Брусилова: «Полярная экспедиция лейтенанта Брусилова на шхуне «Св. Анна», Петроград, 1914 г.

⁶⁹ Впоследствии мы прочли в газетах сообщение, что капитан «Ломоносова», приняв «Фоку» за неприятельский крейсер «с пушками и прожекторами», приказал потушить все огни и спрятался под берег.

⁷⁰ Русанов, геолог, исследователь Новой Земли, принял в 1912 году последнее путешествие на шхуне «Геркулес» на Шпицберген для отыскания и заявок каменного угля. Закончив работу на Шпицбергене, Русанов не вернулся в Россию, а отправился на восток в Карское море и с тех пор пропал без вести. Последнее сообщение с «Геркулеса» было оставлено Русановым в Маточкином Шаре для передачи лицам, снарядившим экспедицию. В этой последней записке Русанова сообщалось о его намерении идти в Карское море вокруг северной оконечности Новой

Земли. В случае отсутствия вестей, Русанов просил искать его на о-ве Уединения или у Новосибирских островов. Поисковая экспедиция, отправленная в 1914 году морским министерством под начальством Свердруп, не нашла никаких следов Русанова.

Приложение

Айновы острова*

Из путевых воспоминаний о Севере

В течение лета 1909 года мне пришлось побывать во многих пустынных и необитаемых местах наших берегов Ледовитого океана; удалось быть два раза и на Айновых островах. По курсу парохода, обычно рейсирующего до Вардэ, видны эти кусочки земли, подымающиеся невысокими пятнами из пены и чернильных вод моря, но никогда пароход не подойдет к ним, не остановится — незачем: нет на них ни человеческого жилья, ни промысла; только по путеводителю пассажиры могут справиться, что влево остались Айновы острова, где водится редкая птица — тупик, морской попугай.

Но меня тянуло на эти островки; про них я много слышал от побывавшего на них одного помора, старого моряка, и от архимандрита Ионафана, настоятеля Печенгского монастыря, которому принадлежат они...

Моя мечта сбылась, и в июне месяце, в один из тех дней, когда южный ветерок заставляет забывать, что находишься под 70° сев. широты, я был на пути из Печенгской губы к островам.

Был день, каких мало бывает в угрюмом Северном крае. Солнце еще с прошлого вечера светило всю ночь, и к полудню лопались почки на корявых березках и уже засеребрились листочки под теплыми лучами. Такова сила непрерывного света, сила полярного солнца!

---

* Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1909, №13. С. 61—74. (Прим. ред.)

Небо, как бледная бирюза, — а вода отражала в себе бирюзой же голубое небо; море играло, смеялось, — должно быть, такое море вспоминал Горький, когда писал «море смеялось»...

Да, да! — Переливы вдали так быстры, как шаловливый смех ребенка, а колыханье тяжелой зеленой волны у берега — это сочный ленивый смех полногрудой красавицы-поморки в праздничный день в наряде, когда блещут голубые задорные глаза, а на груди от смеха колышутся жемчуга старинного наряда...

Из-за смеющегося моря выглядывают островки — два маленьких пятнышка, лазурно-роговые, плоские; ближе и ближе... раньше казавшиеся вдавленными в лоно океана, они поднимаются предо мною невысокими ровными массами.

Наш курс на низкий «Большой остров» — он уже пред глазами; остров почти ровный — лишь к середине, где стоит крест, он подымается небольшим пригорочком. «Малый остров» остается влево; на восток от нас он немного выше, а к югу обрывается каменистым берегом.

На обоих островах нигде ни намека на бухту; потому-то так трудно попасть сюда; лишь в такую тихую погоду, как сегодня, возможно без большого риска пристать к берегу, — но чуть ветерок разыграется — заходит «взвонень гремачий» — разобьет, расплющит о прибрежные камни острова... и потому никто, кроме птицы, постоянно не живет здесь, и нет становища.

Все птицы Ледовитого океана летели всегда сюда плодиться, размножаться и утучнять землю для сплошного ковра морошки...

Мы еще далеко не доехали до острова, а уже срываются испуганные тучи птиц.

Боже, каких только, каких птиц здесь нет! Чайки, бакланы, гагары, гаги, гагарки, утки и кулики самых разных видов и величин, тупики, чистики...

Испуганные, кричат, срываются с блестящих жирных волн моря, и вслед за ними летят капельки воды, блестя и играя на солнце.

Когда же лодка остановилась у берега, воздух весь дрожал, переливался от какого-то сплошного звона криков, — криков на всех языках и наречиях птичьего разговора... Эта музыка и бесчисленные тени на камнях от миллионов крыльев проникнуты каким-то невиданным своеобразным характером, и, после серьезной спокойной тишины моря, все вместе врезаются в память, как воспоминанье случаев детства или сказка бабушки о тридевятом царстве... Не здесь ли оно, сказочное государство, птичье царство. Жители его относятся здесь к человеку так же доверчиво, как в раю. Пристаем к Большому острову... Кругом тихое море. На западе дрожит сквозь марево берег Рыбачьего полуострова, а там, далеко на востоке у берегов Норвегии, чуть-чуть мерещатся снега нежно-голубыми лазоревыми пятнами, оттуда, на север, разлегся мрачно спокойный океан, Бог знает куда спрятавший свои края, закрытые лиловой дымкой...

На острове стоит хижина, ее построили приезжающие за сбором гагачьего пуха монахи. Они здесь сейчас; гага сидит на яйцах: «парит», как говорят, и монахи охраняют ее от любителей свежих гагачьих яиц — норвежских промышленников, да и русских тоже.

А выйдут птенчики, соберут пух монахи и уедут, и будет хижинка-избушечка стоять пустой, пока вновь не приедут за морошкой монахи, опять три-четыре дня беспокойных для птиц, и снова опустеет избушка; до следующей весны будет одиноко стоять на далеком острове и смотреть заколоченными окнами на волны седого океана, а белые совы, полярные совы будут сторожить ее...

Три монаха на острове. Они встречают нас. Нежданные гости, не заказанные! За птичьим криком не слышно, о чем кричат они, махая руками налево. Угадываем, что прямо камни, надо левее, чтоб пристать, а то «разобьет посудину». Скользит нога по тундре... «Милости просим», — встречает монастырский коршик. «Бог по ветер послал, гостей по ветер прислал сей год, милости просим! — Вот оказия!»... Мимо хижины ведет он нас — показывает свою «губернию». Проходим родничок с пресной водой и направляемся туда, где, обернувшись к востоку, высится крест. Сейчас же с того места, куда не

хватает соленая волна, начинается зелень: желтоватый ковер морошки, лишь местами окрашенный пятнами более яркой молодой зелени пробивающейся травки. Легко дышится вольным воздухом, но в голове шум: так бывает, когда нахлынут массы не виданных впечатлений, когда мозг не удерживает всего, что глаза видят, и они разбегаются от пестроты. Первые снопы не ложившегося спать солнышка и море под тысячами теплых золотых лучей, остров «на море-океане», птицы на нем, в воздухе дрожание далекого марева, а на земле пестрит белым по желтому белоснежный цвет морошки!..

Только отошли от берега и под ногами гнезда; степенный коршик ведет от гнезда к гнезду; о, он знает все наперечет гагачьи гнезда (гаги особенно интересуют его спутников). Много лет ездит коршик на острова и сжился-свыкся с нравом, обычаем гаги и всех больших и малых птичек и они, уверяет, знают его. «Не обижаем, и обидчиков не пускаем, — она это понимает». Правда, гаги ближе пускают его, чем нас, чужих; он иногда подходит вплотную, может рукой ее, серую, достать, у нас же нежная маменька еще шагов за пять срывается с криком с гнезда. Я иначе объясняю это: его медленные, спокойные движения не пугают, а мы разве можем не сделать резкого жеста — и у птицы проснулся инстинкт. Я проверяю свои предположения: отделяюсь немного от спутников, бреду один... Недалеко на кочке сразу вижу темную спинку гаги, иду тихим-тихим шагом, не делая резких движений в сторону, и скоро очутился лишь шагов за пять — она начинает озираться: умные глазки с беспокойством смотрят на странную фигуру. Остановливаюсь... Полминуты спустя, — еще шаг, еще и... сажусь почти вплотную, рядом. Осматриваем друг друга — дикая птица и культурный человек, хотя хищник. Странно! Гага — *Somateria molissima* — похожа на утку, большую кражовую дикую утку, но больше немного — серые перышки чередуются с темными и белыми таким же причудливым узором, только чувствуется по округлым очертаниям, что под низом на шкурке есть теплое исподнее платье из мягкого гагачьего серого пушка; тот же глубокий прорез глаз, нос же хотя и похож на утиный, такая же лопаточка, но гораздо длиннее и характерного «дикого цвета».

Вынимаю альбомчик и зарисовываю красавицу на ее кочке и горизонт моря за нею. Моя натурщица совсем свыклась со мною и могу сказать, что мало приходилось рисовать таких спокойных моделей: в продолжении 1/4 часа она раз только тревожно повернула головку, когда я сделал несколько резких движений, доставая из-под теплой куртки нужную резинку... Я испытываю ее: разговариваю, прощаюсь, благодарю — она спокойна и продолжает думать о своем потомстве и не смотрит даже, когда я ухожу.

Догнав далеко ушедших спутников, я много смеялся над чьим-то предостережением не показывать рисунка и Боже сохрани печатать его, иначе рискую навсегда получить репутацию путешественника в стиле знаменитого Немировича-Данченко!

Но как нужно осторожно идти. Если не смотреть под ноги, не замечая, разрушишь много раз семейное счастье граждан птичьего города. Тут и там, по бесконечной морошке, как нарочно, набросаны маленькие яички чаек-зуйков; не заметишь у кустика утинового гнездышка, пары баклановых. В той же морошке ютятся целыми городками гагачьи гнезда, где в черном пушку нежно зеленеют 3-4 крупных яйца.

Но их легко заметить: вся остальная птица скорее слетает с насиженного места, гага же сначала степенно сойдет и посмотрит, действительно ли ее намерены потревожить. Но раз я буквально чуть не наступил на гагу; она сидела глубоко между двумя кочками и мы, должно полагать, одинаково испугались: она, увидав над своей головой мой сапог, а я — поднявшейся вертикально с криком и треском крыльев черной массы, невольно заставившей меня вздрогнуть.

Впечатление от моего первого посещения островов — в трех словах: гнезда, гнезда и гнезда!

Весь остров заражен вакханалией рождения, и сколько нежности, забот, самоотверженности и суровой борьбы с холодом! Среди кишашего птицей озера-лужицы плавала какая-то миниатюрная уточка, она то подлетит, то упадет мне под ноги, как будто просит: «возьми, пожалуйста, меня, но не тронь, ради Бога, птенчиков и моего гнездышка!» И снова она летит в сторону и кричат, стонет с отчаянья, что я иду прямо туда, где ее маленькое семейство.

Мы прошли весь остров. Солнце начинает спускаться... Ветер «на восток»; пошел, зашептал что-то океан. Уже трудно смотреть; лег бы на мягкую морошку под косые лучи и глядел бы на небо, как сверкают на нем белые крылья; но еще надо туда, где гнезда новоземельской гаги. Это такая же гага, т. к. я не мог рассмотреть ничтожных различий в оперении, но яйца ее совершенно белого цвета... Тут опять те же бесчисленные гнезда, и стон, и крик, и мерцанье крыльев, и так до хижины, где странно тихо и уютно и пахнет «человечьим духом»...

«Не побрезгуйте, милости просим откусать!» — угощает монах. На столе неизменная треска и целая коллекция вареных птичьих яиц: уток и чаек, разных гагар, бакланов, гаг, чистиков, тупиков. Направляю свой аппетит исключительно на яйца — хочу перепробовать весь ассортимент; съел яйцо чистика, тупика и после гагачьего спасовал. Яйца тупика и чистика имеют сходство между собой: пестрая скорлупа вся в зеленоватых пятнышках, и странно есть — такие они оригинальные внутри: свернувшийся белок, как перламутр, почти прозрачен, и чрез него сквозит ярко-оранжево-красный желток. Эти яйца показались мне вкуснее, чем гагачьи, несмотря на то, что приходится преодолевать какое-то странно брезгливое чувство: чудится что-то дикое в пожирании этих кровавых яиц.

Гагачье яйцо не отличается внутри от яйца домашнего гуся — но нежнее и почему-то сытнее — так, съев после чистика и тупикового одно яйцо, я больше не мог есть — был вполне сыт, и монахи, люди с рабочим аппетитом, уверяют, что не могут «осилить» более 3-х «на голодное»...

У меня происходит разговор с коршиком: «Хорошо у вас, на островах», — говорю я, развалившись у хижинки под чистым небом с кружкой чаю в одной руке и огрызком сахара в другой, — и пожил бы в этом месте недельку, да не выберешься, как падет противная!» Он усмехается, «поживи, что же просим милости, — понравится ли, однако?» «Как не понравится?» говорю, — «какое место веселое, а посмотреть, какое море, а птицы как живут, каждая по-своему; может, на всем свете не отыщешь такого уголка, где можно видеть столько диких птиц на воле, подумать надо! Можно месяц наблюдать, как живут, что делают, нарисовать всех — где же иначе найдешь птицу, которая показала бы

всю себя и жизнь свою?» «Это верно, это верно!» — в знак того, что понял мою мысль, кивает кудлатой головой коршик; «этим время и коротаем; каждый раз, как из избы выйдешь, новую ее пичужью повадку узнаешь; пойдешь по острову, поищешь, нет ли где нового гнездышка у «гахки»; которая глупая застудит, новых ей от несущейся положишь; каждый раз новый обычай увидишь; верно это, к примеру посмотри, которая знает дело свое: полетела с гнезда напиться или за иным каким делом, сейчас носом пух на яйца напихнет, закроет, значит, чтобы не стыли, и удивляешься, сколько, можно сказать, понятия! — иль посмотрел бы, как тупик нору новую роет; нос, сам видал, как лопата острая; носом копает, а лапами землю выгребает, а другие смотрят кругом, не прорыл бы ихнюю нору, наблюдают за своим добром! Стараются... Обойдешь, посмотришь — время и ушло... Только оно в ведро; ну, а падет полуночник, нагонит дождя, туману, из стану не выйдешь; птица вся попрячется, сиди у окошка да смотри в него... А дальше шторм разыграется — стан дрожит весь, хлещет дождь, а море ревет, ревет; нигде не слыхивал, чтобы ревело так оно, а может и слыхал где, да не замечаешь на миру, а на океане в такую тоску рев этот самый приведет — руки бы, прости Господи, наложил. И дума такая пойдет, что и вспомнить грех потом! Пожил бы и ты, барин, не захотел бы больше; с первым поветером ушел бы; никто не выживал здесь; вишь, нет жилья здесь; никто не селится; место нежилое; значит от Господа поставлено, чтоб птица здесь жила... Ее место!»

Лежу на спине и слежу за тонами на облаках и блестящих крылышках — небесная симфония; ветерок щекочет волосами щеку. Не хочется больше говорить, приумолк и коршик и следит за моим взглядом, а и смотрю сейчас туда, где в белом облаке чаек вьется стрелой и вверх и вниз «исправник»* следит

---

* «Исправником» или «солдатом» называют особый род хищной чайки; она предпочитает отнимать рыбу от других, чтобы не ловить самой; самка вполне черная, самец с белым под крыльями брюшком; на хвосте того и другого два длинных пера, во всем остальном не отличается от обыкновенной беломорской чайки. *(Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев — прим. автора).*

и наблюдает за его фокусами и коршик. «Эка пичуга, прости Господи, скажет же народ приметисто «исправник»; исправник и есть», — говорит, усмехаясь, он, — правда, исправник, скажу тебе, не велика птичка, а порато обижает других: это яйца выпить, птенчика съесть — его дело; так нарочно, ведь, самец-то, вишь, их дразнит, а самка чернохвостая стерва пьет в это время яички этих самых чаек-то. Не любят его; бывает дразнит, да додразнится, оплошает и заклюют!..»

Тихо. Из спутников кто куда разбрелся. Куда-то далеко уставился взглядом монах, — куда с «исправника» перенесся мыслями он, не на родину ли, иль о мире думает?... Тепло... Тянет душу: вопит гагара где-то; кажется, что где-то ребенок забыт иль кто-то плачет в тоске, иль хохочет отчаянным истеричным смехом. Уа...а...уа...а... — вопит. Голос остального птичьего базара звучит серебряным переливающимся аккомпанементом дикому печальному крику, а шелестящий прибор моря играет с круглыми камушками и поет свою песенку, вечно баюкающую, спокойную...

Вспоминаются последние исторические моменты островов... Стояли с незапамятных времен, как и сейчас стоят они на океане; никто из частных лиц не заявлял прав на них и никому они не принадлежали... Заезжали, приворачивали с проходивших мимо судов разные добрые молодцы; может быть повидали пустынные берега и варягов, и «шишей», и удалых новгородцев — вольницу, да норвежцев и наших горемычных поморов.

Наберут яиц, собирают пуху «женкам» на душегрейки и уедут дальше, куда путь лежит: в Финмарку ли, на море ли студеное, на Матку или на Грумант седой; кто рыбу и зверя половить-попромышлять, а кто у своего соседа «варяга» попромышлять, город пограбить иль лопский погост вырезать...

С тех пор, как в Печенгской губе поселились колонисты, на Мурмане появилось что-то вроде права собственности на острова: колонисты ежегодно ездили собирать часть бесчисленной морошки, которую продавали в Норвегию — «кормились этим», как говорят старожилы-колонисты. Птицы до тех пор, пока не было издано в Норвегии закона, запрещающего истребление гаг, на островах было еще больше, чем в настоя-

шее время; после же издания закона норвежцы стали ездить к нам на Айновы острова и выбивать гаг для пуха, не щадя и яиц. Вскоре жизнь на островах стала вымирать.

Печенгский монастырь, восстановленный в начале 80-х годов, начал усиленно хлопотать об отводе в его собственность многих незаселенных мест у Мурманского берега, в том числе и Айновых островов, мотивируя последнюю просьбу главным образом тем, что гаги, предоставленные сами себе, уничтожаются без охраны и скоро совершенно исчезнут. Монастырь обещал охранять их от истребления. Конечно, монастырь прельщался не гагой, а главным образом морошкой, которой кормились печенгские колонисты, и сеном. По высочайшему указу монастырю были отданы острова. Это прибавление к монастырским угодьям «незаселенного места» теперь составляет почти без хлопот недурной доход. Так, одной морошки, по словам монахов, собирают, смотря по урожайности, на 2-3 тысячи рублей; продают ее тут же в Варде. Сена снимают ежегодно до 800 пудов; в переводе на деньги это составило бы по здешним ценам довольно кругленькую сумму. Гагачьего пуха до сих пор не продавали, разве только теплые колпачки шили себе монахи, т. к. распуганные гаги только в последние годы начали вновь селиться в более значительных количествах и с каждым годом более и более. В прошлом 1908 году было на двух островах до 1000 гнезд, а ныне на одном Большом коршик насчитал 1200, кроме того, на Малом до 800.... В 1908 году чистого пуха было собрано немного более одного пуда и в этом году уже около 3-х пудов. Надо сказать, что количество очищенного пуха зависит от места кладки яиц и связанного с этим большего или меньшего количества сору; так, в прошедшем году весна была более ранняя и сухая, гаги гнездились ближе к морю в траве и кустарнике; ныне же более поздняя весна заставила вить гнезда выше, среди чистой морошки и вороники; потому пух был более чистый и меньше терялось его на ветках и травинках... Надо думать, что со временем и от пуха монахи будут получать порядочные сборы; в Петербурге мне говорили, цена его от 7 до 10 руб. за фунт, и если перевести в монету хотя бы нынешний сбор — сложится

сумма 1200 рубликов. Недурно... Стоит послать 3 монахов на две недели.

Это называется: стоит протянуть руку и взять несколько сотен.

Какое богатство!.. На нашем Ледовитом океане еще масса гаг и много островов, где она селится.

Правда, Айновы острова имеют исключительно удобное положение для птиц: 1) удалены от берега, 2) омываются теплыми водами Гольфстрима, 3) оба имеют посредине озера с пресной водой, где находит первый приют молодое пернатое потомство. Нужно видеть, что делается в этих озерах, когда вылупится молодежь; черно, как говорят охотники про осенние перелетные стаи уток; озеро меняет свой вид, кажется не озером, а скорее болотцем, испещренным десятками тысяч двигающихся кочек, соединяющихся и распадающихся. Стон, гвалт. Нечто невообразимое, не поддающееся никакому описанию; лишь кто сам стоял у такого озера, с раскрытыми от изумления глазами, тот может воссоздать в своей голове эту картину. Ее видел я на Малом во время вторичного посещения островов. Только к осени озера пустеют и окрепшие птенцы улетают стаями питаться в океан, на побережья губ и заливчиков; а улетает большая часть; покинутый остров исполнил свою миссию, а выросшее молодое поколение держится в море, главным образом у берегов Рыбачьего полуострова, чтоб к весне вновь возвратиться на родину и начать снова «комедию любви».

Белые, стонущие «гагуны», рассказывает мой монах, держатся около самок до той поры, пока не будет готово гнездо, а потом — полная отставка.

Гнездо устраивается вот каким образом. Нежная супруга, почувствовав неотложную необходимость гнезда, начинает понемногу готовить его довольно оригинальным способом: во время любовных утех она ласково щекочет брюшко у самца-супруга и выщипывает из-под пера пух, сколько ей нужно для мягкой теплой колыбельки — а потом... облетели цветы, догорели огни... отставка и... ошипанное брюхо!.. Стонет белый красавец... «Это он ее все зовет, — разъясняет всезнающий монах, — только нет, шалишь, не придет!»

Много мне рассказал он, моряк-монах; я подзадориваю его еще.

Все, что говоришь, можно в книжке прочесть, говорю; там все написано, что на свете делается.

«И как тупики ребят плавать учат, и про то, как гагун перо меняет, тоже прописано?» — спрашивает с лукавой усмешкой монах.

А может и прописано, продолжаю свое я...

«Нет, не так, откуда узнают? ученые люди в Питере живут, а тупики-то всего здесь, да на Новой Земле маленько есть, да и пугаются всех — незнакомому человеку в жизнь себя не покажут», — торжествует монах.

Вот как узнать: ты рассказал, я запишу, так и другие сделают, огорчаю его...

За новый рассказ утешаю, что не все в книгах есть, многого нет, а что в книгах есть на самом деле, бывает не так. Пример, близкий ему, привести недолго. Рассказываю, как губернатор Энгельгардт после путешествия по Северу написал, что у тупиков на Айновых островах крылья круглые и летать они не могут, а только бегают по воде, шлепая крыльями. Бедняга губернатор, должно полагать, доверился чужому рассказу, не видев сам, иль птенцов за взрослых принял. И на старуху, говорю, бывает поруха!

Мы долго смеемся, и болтая, и останавливаясь взглянуть на то, на се, идем по острову туда, где «китовое кладбище»...

Откуда это? Торчат из земли кости-бревна, позвонки-табуреты, ребра, осколки... Касатки ли гнали целое стадо, иль со дна моря подняло это древнее кладбище, Бог знает; не драма ли тут ледникового периода? Кости и кости. Садимся на сломанное ребро-бревно, на позвонок, а кругом норы тупиков; не хотят ли они вырыть эти остатки, иль наоборот, кость не дает обвалиться рыхлой земле, и в мертвом городе глубоко устраивают они живой. Большие отверстия, в норы свободно проходит рука до плеча, но ничего не достает. По рассказам, там галереи и лабиринты; мне хотелось бы разрыть, взглянуть на эти чудеса архитектуры, но жаль разорять гнезда, — я ведь не с «научной целью» смотрю сейчас на всю эту разнообразную жизнь, а у них всеобщее ожиданье птенцов, нового поколе-

ния... Сидят по норам. Ближайшие беспокоятся, высунет один из них свою курьезную голову и спрячется, а другой выйдет степенно из земляного коридорчика и оглядит всего с головы до ног; но малейшее движение — нет его, провалился; не успеешь разглядеть. Странная птица: живет на воде, гнезда роет в земле, ныряет, как гагара, летает быстрее утки-чирка, нос попугая и утиные ноги.

Насмотрелись на красноносых... идем далее на озеро полежать, полюбоваться дикой грацией гаг и уток, наблюдать, как полощется дикая птица на воде.

Озерко... Тихая вода. Ветерок чуть морщит ее; как мысли, глубоко-глубоко проплывают с берега на берег отражения барашков-облачков... Склонилась полярная приземистая березка, смотрится в воду; вода шепчет что-то березке, а та распустила под первыми теплыми поцелуями солнышка свои клейкие свежие листочки и тоже чуть слышно лепечет ими, маленькими, меньше серебряного пяточка...

По берегам зуйки свистят, как сторожа в провинции ночью, то задорно, то задумчиво... Полощется на воде плавучее население Айновых островов и нимало внимания не уделяет моей особе, а я рад тому; лежу, прислонясь к кочке, застываю, как кочка, сливаюсь с теплой морошкой и ее цветом... Я спугнул своим приходом с гнезда гагу; она тут же под берегом плавает, будто незнакомая, и как будто беспечно поглядывает на меня; я отвернулся. Полетела на теплое гнездышко. Я слежу. Она видит мой взгляд и летит значительно далее, чем нужно ей и только оттуда начинает пробираться меж кочками домой на работу... Плавают, купаются крупные самцы-гаги, белые с черным брюшком, как в жилете и галстук, и стонут низким томным баритоном. Ой...о...ой... Держатся отдельно. Я иду посмотреть поближе — не пускают... Должно быть, в Норвегии получили уроки осторожности. А...а...а... Что-то доносит ветерок; это от избушки кричат — не разберешь что. Надо полагать, ехать надо... Ветерок разыгрывается, крепчает... Надо выезжать, пока можно, а то останешься, может, и не на одну неделю. Не хочется уходить от этого приволья, простой жизни... Идем к лодке... У берега порядочный буран — трудно выезжать; пробираемся кое-как; ого, волна в лодке, мгновение,

проскользнули и качаемся на зеленой прозрачной воде, а берег уходит назад. На берегу белеет шлюпка, перехваченная в океане монахами; откуда она? Стрекотуньи чайки провожают нас; опять испуганные стаи тупиков и других пернатых, а там далеко над островом дрожит воздух от марева и мерцания крыльев, и кажется, что это лишь промелькнула из кинематографа картина, — картина из какой то сказки... Уходит, уплывает вдаль, затягивается дымкой птичья столица, и они, монахи, в своих серых куртках и черных колпаках тоже кажутся какими-то полярными птицами с характерным теплым одеянием и оригинальными округленными формами... Да! Три птицы на луде, — Айновы острова посреде студеного моря!..

Из сказок Лапландского Севера*

Листки из записной книжки туриста**

Шумят пороги, прыгают бешеные водопады, — вся природа словно только пробуждается, словно торопится скинуть с себя последнюю дремоту, и солнце, солнце, не зная покоя, день и ночь светит на эту усердную работу, день и ночь не сходит со светлой дороги, как будто не может оторваться от забытого им зимою края.

Стоят угрюмые леса, тянутся к тучам вараки — горы, рассыпались груды камня, не хотят сравняться скалы с землей, — недавно, кажется, выбросившей их в родовых муках...

Стоят горы, раскинулись первобытные леса, леса без краю, без начала... В них звери и люди живут.

Люди — такие же первозданные, не отошедшие еще от родившей их природы-матери, такие же простые, как она — северная природа; не коверкают они ее и живут тем, что не жалят пота для добывания куска хлеба...

---

* Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1910. №17. С. 27-33. (Прим. ред.)

** Сказки, встречающиеся в настоящем очерке, все записаны мною со слов переводчиков в разное время путешествия по Лапландии в 1909 году дословно, сделаны лишь кое-где исправления невозможных, непонятных оборотов речи переводчиков, плохо владеющих русским языком, кроме того вставлены необходимые объяснения названий.

Им, впрочем, чаще приходится зябнуть полярной ночью на разбушевавшейся вьюге, мокнуть в разъедающей холодной воде, но они готовы всегда на это — ибо знают от матери своей, что сладок хлеб, добытый трудом своим...

Разве не видят они каждый день, что делает эта глупая рыба — семга, прыгая упорно час за часом, день за днем на отвесную стену водопада, чтобы попасть-добраться до тихой воды, где можно посеять новое поколение?..

Разве не на глазах их олень разбивает себе в кровь копыто, чтоб достать из-под льда маленький кусочек ягеля, — утолить этой окровавленной щепоткой мха свой голод; и разве можно не видеть, как полярная березка извивается, прячась за малейший уступ серого камня, чтоб только укрыться от мерзвущего, студеного полунощника?

Да, живут там люди, питаюсь чем Бог послал, не гоняясь за многим. Как полярная березка за надежным прикрытием распускается неожиданно прекрасным вычурным кустом, пока снова не прибьет высунувшиеся побеги суровый ветер, так можно найти и у полярных людей цветы фантазии и прекрасного, так же неожиданно, впрочем, гаснущие, как и появившиеся среди мелких обыденных фактов прозаической жизни.

И сколько сказочного и в этой обыденной были... обыденной жизни!..

На горе у падуна стоят три тупы*: в одной живут ямщики, другая для рыбаков у семужьего забора, а третья отведена под «земскую станцию».

В яме под горой пара зеленых от вечной водяной пыли амбаров для семги, да поодаль, над самым падуном — древняя часовенька, Бог весть когда и кем поставленная, а тут же неизменные северные кресты. Вот все жильё у падуна.

Выйти на волю из избушки, оглянуться, — там внизу грохочет, пылит водопад, и взмыленные воды, как нахлестанные, несутся все мимо и мимо с переливающимся шумом на пороги...

---

* Зимняя избушка лопарей.

Кругом стоят невысокие горы, ровные, спокойные, равнодушные к тому, как грызет их бешеный падун; там, где загордели они дорогу Нотозеру, и он выкопал ямину под горкой, где стоят избушки.

Угрюмый лес насутился со всех сторон, а ближние деревья — сосны — у обрыва наклонились и как бы с любопытством заглядывают вниз, туда, где взлетают горы белой пены и несется водяная пыль.

Нахмурился лес: только там кругом на далеких вараках улыбнулся он серебристой тундрой. Смотришь и не знаешь, остался ли зеленоватый снег, или солнышко бросило свой луч на верхушки сосен и так посеребрило их...

В станционной тупе, где один коротал я неделю, сейчас много народу — гостей; нотозерские лопари, две семьи, идущие на «осенние» места, и сонильский лопарь Михайло: «маленько колдун», как аттестуют его другие. В чем заключается колдовство Михаила — трудно добиться, но его предки, и отец и дед, считались колдунами, потому и он носит это почетное звание и держит себя соответственно тому...

Мы с Григорием — одним из ямщиков, только что вернулись с Нотозера, от избушек на курьих ножках, до Туломы на карбасе и далее тайболой.

Он, маленький Григорий, представляет из себя что-то вроде станционного смотрителя, ибо он колет дрова для камелька и он же заботливо затыкает тряпками разбитые, отливающие всеми красками радуги стекла в квадратном окошечке.

«Ничего, что темно, тепло, однако, будет!..» В избушке темно, тепло и уютно, интимно потрескивает камелек, обливаясь огнем прокопченный чайник на одном крюке и уху из кумжи на другом.

Гости, как и все новые люди, здороваются за руку и производят подробный осмотр моих диковинных принадлежностей — этюдного зонта, ящиков, и учиняют допрос.

Михайло особенно рад моему приходу. Дело в том, что вчера приехали из Колы ямщики, привезли водки, а так как Михайло, как и обыкновенный смертный лопарь, любит водку больше себя, а с другой — как человек православный, пред-

почитает пить только стаканом, чтобы было перед чем перекреститься, то в результате, по совокупности всех этих причин, сегодня жестоко страдает.

«Поднеси ты мне, дай поправиться!» — просит он. «Сказки всякие расскажу, песни спою, сниматься дамся», — старается попасть мне в чувствительную жилку.

Но я знаю его: при всех обещаниях и при всем старании он в прошлый раз, хотя и знает все старые песни и сказки, только и смог спеть: «вот, вот, вот вы, девушки, девушки молодые есть, а я старичок, старичок, старый...» — конец потерялся в храпении под нарами.

Ушица поспела, садятся гости со мной, и идет кругом бутылка. Долго наслаждается с чашечкой благодарный Михайло; подымается говор...

Солнышко проглянуло перед заходом сквозь тучи, обдало золотом все, поиграло верхушками деревьев, бросило и нам сквозь радужное оконце улыбку, отбронзировав прокопченные стены и разлившись сиянием по удивительнейшей лысине деда-старосты.

Раззолотилась и пыль-пена над Падуном, и золотыми серпами кажутся чайки-воструньи, косящие своими крыльями, как серпами, густой смолистый воздух...

За дальними горами багровые тучи, не то крепости с зубцами, или развалины храмов, опоясанные светлым поясом радуги, рассыпались обломками и камнями...

— Скажи мне, — обращаюсь к Григорию, — как назвать тот камень по-русски на пол-тайболе к Нотозеру?

— Клад зовем, — отвечает он.

— Постой, скажу, скажу про него, — вмешивается Михайло.

«Вот, в старые годы, давно было, к лопарям шиши* ездили, порато грабили, всех зарежут: мужиков, женок и деток; как найдут — все возьмут: постели**, меха, жемчуг, деньги — все равно! Обижали, однако! Только рекой они ездили боль-

---

* Шведские выходцы-разбойники.

** Оленьи шкуры.

ше: боялись в тундру идти, — забьют там лопаришки. И жили в те года под землей: яму выроют, камнями заложат. Весь погост так. И как прознают, что опять шиши идут, завалят ямы совсем, тяжелое там оставят: может, не найдут, другое на «ташках»* в вараки унесут с собой, куда дикари** только ходят. Нотозерские лопари порато жить боялись: все их резали.

Был колдун тогда у них большой, долго, долго — три жизни жил; он и делал так: принесут все с собой мужики к камню тому на пол-тайболе, скажет он слово чудесное, и невидно все станет; как придут шиши, — ничего не найдут, однако... А уйдут, колдун придет: скажет слово чудное, и опять видно станет, унесут добро мужики.

Только раз спрятал добро колдун, а сам помер, так и не нашли лопари добра; потом долго искали — слова не знали... Потом долго все хотели клад тот взять; не дается, слова настоящего не знают, раньше колдуны хорошие были, а потом совсем плохие стали: слова не знали. Дед мой хороший колдун был, а тоже не мог достать!..

Пошел дед один раз к кладу, доставать, лапка*** с ним была; сказал слово, а из камня трое людей вышли, платья нет, большие, большие и белые. Увидели его и за ним побежали. Бежал, бежал — догоняют; остановился тогда, кол сделал, круг очертил и люди тут же добежали; добежали, а в круг не могут: дед-то колдун был, ходят кругом, а не уходят; когда лапку заколол, ушли»...

Тянется сказка-бывальщина Михаила, как клубок разматывается, из одной в другую переходит.

Потухло солнышко, сквозь открытую дверь льется непрерывным аккордом шум водопада, смешивается с монотонным голосом Михайла. Он уж не для меня рассказывает, точно льется из него одна за другой сказки и были, и так много в бы-

---

* Ташка — И-образно изогнутый прут с ремнями через плечи, переплетенный веревками, к которым привязывается предназначенная к переноске на спине кладь.

** Дикари — дикие олени.

*** Собака.

лях сказочного, а в сказках вероятного, что не знаешь, где конец того и другого; начинаешь, так же как окружившее его лопари, переживать каждое слово... Тесно сомкнут полукруг лохматых голов у камелька под догорающим пламенем; то осветятся, напряженные вниманием, прокопченные, искусанные, не доступные никаким атмосферным влияниям лица, то снова потонут в полумраке избы... льется, переливается без конца, сказка тяжелой жизни...

«А в те годы много пришло железных шведов* с захода солнца. Сонгельский погост нашли — вырезали, — пошли после того нотозерских искать и русских у моря грабить. Нотозерский погост у Падуна был в землянках. Пригнали сонгельские — «всех» — говорят, режут — заплакали все! — Зарыли землянки, сели в карбаса, поехали на Немецкий большой остров** и оленей туда же перегнали. На верхнем конце острова поставили двоих сторожить, сами в кустах схоронились. А сторожа раньше других уснули — никого нет — обманули сонгельские!

Едут шведы — никого не нашли, и мимо Немецкого проехали бы, да заметили один карбас***, плохо спрятан был, остановились и всех сонных порезали: ни один человек, ни ребенок не остался, оленей закололи; только двое уснувших караульщиков уцелели, они и рассказали»...

Они и рассказали... И представляется, как могли рассказывать эти два лопаря каким-нибудь кильдинским — таким же прячущимся человечкам: «Пришли мы, проснулись, а все до одного зарезаны».

Слушатели замерли; пронесся вздох: «худо, в вараки уходить надо»...

Дикий крик раздался в воздухе.

— Что это?

— А не знаю, много по ночам голосу разного бывает по тундрам, — отвечает староста, — кричат!

— Так кто же — птица, зверь? — добиваюсь у флегматичного старика.

---

* Финляндцев.

** 7 верст ниже Падуна.

*** Лодка.

— Нет, а может и птица, только и без их много в вараках живут.

— Кто же еще там?

— Разные есть. Много у нас местов есть, где родясь никто не ходил, пахты* разны.

— Ну?

«Так там и живут. Тоже вроде как люди. Разны есть в камнях, так белые большие, без всего ходят, немые.

А где лес пахты, в таком месте маленькие люди: на земле водятся. Голые ходят, деньги есть у них. «Чакли» зовут наши... Один колдун (у него сын сейчас жив, лет 20-ти, Елисей) много денег достал от них. Один раз пошел в пахту дикаря** промышлять — убил одного, сруб поставил***, пошел дальше, увидел: человек маленький-маленький идет за ним и все так же, как он, делает. Потом спрятался. Пришел Елисей к срубам, а там из прутьев тоже сруб сделан маленькой и мышь в нем лежит... Все так же делал чакли...

Пошел колдун другой раз на пахту, взял он каши с собой, ложку взял и ноори****. Сел на тундру — кашу ест, ложкой хлебает и каньги завязывает, обе ноги одной веревкой обертывает. Потом пошел, кашу оставил, ложку оставил и одну каньгу с ноори тоже оставил. Сидел день за камнями, и пришел через день чакли.

Стал кашу есть, ноги в одну каньгу поставил и завязывает. Как завязал, колдун и подбежал, а чакли бежать не может: обе ноги в одну каньгу поставил и завязал ноори!

Так его и поймал колдун. Завязал руки веревкой и говорить: «Не пущу, пока деньги не дашь!» — Пошел чакли в гору; долго, день, больше ходил, принес деньги.

«Мало!» — говорит колдун.

---

* Каменистые горы.

** Дикий олень.

*** Лопари, убив дикого оленя, обычно делают маленький сруб, в который и кладут добычу, — в защиту от зверей. По окончании охоты едут на оленях по срубам и забирают убитое.

**** Веревка, завязывать «каньги» — лопарские остроконечные сапоги из одного куска кожи.

Ходил, ходил чакли — еще принес.

«Мало — еще!» — говорит колдун.

Чакли головой качает: нет, значит, больше.

«Поди еще принеси, тогда отпущу».

Заплакал чакли. Ходил маленький человек, порато* долго ходил, — денег не нашел; и принес кусок красного сукна.

Колдун деньги на три части делил: одну ему, две себе взял; кабы все взял — ничего бы не было: в камень деньги рассыпались бы.

В тундре порато таких местов есть, где чакли водятся: варака, пахта придет такая — пройти там нельзя — там и живут; в стороне у Имандры чудь еще под землей живет»...

Выйти на волю, посмотреть на загадочный лес, где такие чудеса в наши дни творятся... Тихо стоит он — и не слышно больше странного крика какой-то ночной птицы, не видно ни чакли, ни каких «живущих однако» других существ. Сквозь пестрящую чащу несется один царящий шум водопада, и тонет в нем бульканье вблизи токующего глухаря. Налетит предутренним дыханьем ночи ветерок, колыхнет ветвями — прошепчет что-то лес, громче загрохочет подогнанный водопад, скрипнет старая сосна... А кругом белая ночь заволокла все, закутала волшебным флером, испустила туманы у алого заката...

Шумит, скачет, беснуется водопад.

На скале, посредине его, старый крест... Не валится. Древние надписи испещряют его диковинным узором, и не разобрать ничего из вязи, смешавшейся с зеленью моха в одно загадочное... Ни понять, ни прочесть, кем, когда поставлен.

А под ним, говорят, лежит колдун большой, самый большой колдун, и все хотел встать, пока лицом вниз не положили и крест не поставили...

«Был колдун, говорят, — самый большой, — много делал делов, много колдовал... Такие дела делал, что нельзя гово-

---

* Очень.

ритель про иные — умереть можно от страху... И все его боялись, царь боялся делов его. Как луда* в падуна крепкий был, а помер. Как помирать захотел — говорит: «Похороните меня в камне посередине падуна, только до полуночи доведите туда, — а то встану». Умер. Наняли мужики лопаря. Запряг он оленей, повез — везет, гонит оленей, а боится — не довести до полуночи! Звезды на полночь пошли, а далеко еще до падуна... Птицы полночные закричали, звезды на полночь стали — падуна нет еще, — олени бросились. Оглянулся парень — колдун встает из кережки**. Испугался парень, закричал от страху и полез на дерево. Влез на вершину, а колдун внизу дерево грызет. Трещит дерево, щепки летят — скоро упадет. Закричал лопарь: «Зачем грызешь — свет уже!» Скрылся колдун. Слез с дерева парень, подошел к кережке, а колдун лежит, как не вставал и кережка завязана... Похоронили. Долго колдун кричал, пока землю валили, и все встать хотел. Похоронили колдуна лицом вниз...

Нашептывает, напоминает ворчливый падун сказки о том, каких чудных дел свидетелем пришлось стать ему, а слушать некому, кроме меня, — лишь нерпа внизу в пучине пены встанет, поднимет головку с умными человечьими глазами и опять скроется, чтобы несколько минут спустя послушать у другого каскада.

Сыро. Тепло.

Тянет взгляд к недвижимой прозрачной пелене струй воды, перевитой искрящимися золотыми нитями, к кружеву пены над нею и к черным лоснящимся головам полированных скал внизу, как нерпа ныряющих и выставляющих свои мокрые лбы. Какая мощь, какая силища!..

А колдун лежит себе спокойно, там, где чернеет мшистый крест. Лежи, великий колдун, — лежи спокойно! Сейчас о тебе хоть сказки остались. И верится этим сказкам, так вяжущимся и с крестом твоим, и лесом, и мшистыми белыми камнями в нем, и всем мирным, милым, не лгущим народом твоим...

---

* Камень.

** Род саней со сплошным дном.

Спи пока спокойно, колдун! О тебе еще рассказывают сказки, — но пройдет десяток-другой лет, наверное, поставят над тобой динамо и заставят пару белых могучих водяных коней, что так бурно сейчас прыгают вокруг тебя, вертеть ее и посылать электрический ток куда-нибудь, где «чакли» берегут золото, серебро и свинец в неприступных теперь пахтах... Что останется тогда от твоего креста, великий колдун, и от всех «делов» твоих?

Кто вспомнит о тебе в полночный час у шипящей машины. Кто расскажет сказку?..

Сказки, встречающиеся в настоящем очерке, все записаны мною со слов переводчиков в разное время путешествия по Лапландии в 1909 году дословно, сделаны лишь кое-где исправления невозможных, непонятных оборотов речи переводчиков, плохо владеющих русским языком, кроме того, вставлены необходимые объяснения названий.

Литературно-художественное издание

ПИНЕГИН Николай Васильевич

В ЛЕДЯНЫХ ПРОСТОРАХ

Ответственный редактор *О. Старикова*

Компьютерная верстка: *У. Кузина*

Н. В. ПИНЕГИН

В ЛЕДЯНЫХ ПРОСТОРАХ

В 1912 г. известный гидрограф и исследователь Г. Я. Седов предпринял на шхуне «Святой мученик Фока» экспедицию к Северному полюсу. В состав экспедиции входил и Николай Васильевич Пинегин (1883–1940), художник, неутомимый полярный исследователь, автор первого документального фильма об Арктике. По следам отважного, но трагически закончившегося путешествия к Земле Франца-Иосифа написана эта увлекательная книга.

ISBN 978-5-94282-526-3

9 785942 825263

ОГИ

ПУТЕШЕСТВИЯ